

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

СВЕРДЛГИЗ
1935

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1935 г.

НА Н О В Ы Й ежемесячный иллюстрированный Ж У Р Н А Л ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ГЕОГРАФИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ставит своей целью содействовать исследованию, раскрытию и освоению величайших естественных богатств Урала, Предуралья, Зауралья и Башреспублики, их истории и освещению жизни народов, населяющих их.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

подает свой материал в форме увлекательной исторической повести, сюжетного рассказа, художественного или занимательного научно-популярного очерка, расширяя и углубляя знания учащихся и широких слоев советского читателя в области истории, географии и краеведения.

ОТДЕЛЫ „УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА“

И С Т О Р И Я   Г Е О Г Р А Ф И Я   К Р А Е В Е Д Е Н И Е

И С Т О Р И Я Ф А Б Р И К И З А В О Д О В   П Р И Р О Д А И О Х О Т А

УРАЛЬСКИЕ БЫЛИ — СТАРЫЕ И НОВЫЕ

П У Т Е Ш Е С Т В И Я УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА ВОКРУГ СВЕТА   П У Т Е Ш Е С Т В И Я УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА ПО КНИГАМ

П О К Р А Е В Ы М М У З Е Я М УРАЛА   Н А Р О Д Ы УРАЛА   Н О В А Я Г Е О Г Р А Ф И Ч Е С К А Я В И К Т О Р И Н А

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ систематически следит за научно-исследовательскими экспедициями по Уралу и сообщает о результатах их работ.

В „Уральском следопыте“ принимают участие следующие писатели-краеведы и научные работники Урала: А. БОНДИН (природа и охота), А. БАРИН (история и геология), Ф. ТАРХАНЕЕВ (георазведка), М. КЛЕР (геология и археология), В. ЕВЛАДОВ (народы Уральского севера), ВЯЧ. ЯРКОВ (золотопромышленность), В. ЕЛОВСКИХ (георазведка), В. ВИНИЦКИЙ (природа и охота), Т. РЯУХВЕРГЕР (гидробиология), Д. КАЗАНЦЕВ (плодовая селекция), В. БИРЮКОВ (краеведение), Н. ПОПОВА (история), Б. РЯБИНИН (фото-очеркист), А. БЕРС (археология), А. КЛИМОВ

(народы севера), А. НАУМОВ (краеведение), Ив. ПАНОВ (народы севера), С. КОРОЛЬКОВ и др. Кроме того, в „Уральском следопыте“ принимают участие следующие сотрудники журналов: „Всемирный следопыт“ и „Вокруг света“, издававшихся в Москве: Вл. А. ПОПОВ-ШТАРК, А. БЕЛЯЕВ (научная фантастика), В. БИАНКИ (биоохотничьи рассказы), Ю. БЕССОНОВ (история гражданской войны) ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ (историко-революцион. повести и рассказы), В. ВОГАНУ (история фабрик и заводов), К. Г. ПУДСТОВСКИЙ (краев. очерки) и др.

„УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ“

выходит в книжно-журнальном формате, объемом 5 печ. листов (80 стр.), в многокрасочных обложках, с иллюстрациями, зарисовками и картами в тексте лучших уральских, московских и ленинградских художников и графиков.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 год — 18 руб., на 6 мес. — 9 руб., на 3 мес. — 4 руб. 50 коп. Отд. номер — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: магазинами, киосками и конторой подписных и периодических изданий, их уполномоченными и всюду на почте и в Книгоцентре ОГИЗа Свердловск, ул. Малышева, д. 29.

А ДРЕС РЕДАКЦИИ: Г. СВЕРДЛОВСК, Банковский пер., д.3.Свердлгиз.

Свердловское областное государственное издательство
Сектор подписных и периодических изданий КОГИЗ

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ГЕОГРАФИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОГО
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Невольное путешествие. Рассказ ЮРИЯ БЕССОНОВА.—„Голос партизана“. Рассказ МИХ. ЗУЕВА-ОРДЫНЦА.—Зеленый остров. Рассказ ЕГО ЖЕ.—Сумасшедший старик. Рассказ ИВ. НОВОКШОНОВА.—Горная кудель. Рассказ СЕРГЕЯ БУДИНОВА.—„Подставка луны“. Путешествие на Таганай. Н. КУШТУМ.—Игра с динамитом. Рассказ-быль Г. ЗИГУЛЕВА.—Гражданская война на Урале: Бой у села Затицы. Революционные миньярцы. Пулеметчик Евлампий Бачурин.—Первый уральский трактор. М. КАШЕВАРОВА.

Собрание
Владимира Павловича
БИРЮКОВА

19 35

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК

Обложка художника А. Давыдова

*

Техн. редактор Г. А. Иванов
Корректора С. А. Левандовский
и О. Д. Березина

*

Свердлгиз

*

Сдано в производство 8/VII 1935 г.
Подписано к печати 23/VIII 1935 г.
Уполномочен. Свердловлита В—2077.
Огиз № 1249. Индекс V—П. Бум.
Троицкой ф-ки. Форм. бум. $72 \times 110^{1/16}$.
Бум. л. $2^{1/8}$. Печатных л. $4^{1/2}$. Печатн.
знаков в бум. л. 150 000. Учетно-автор.
л. 7,73. Тираж 10 000 экз. Заказ № 602.

*

Отпечатано в типогр. треста „Поли-
графкнига“, Огиза РСФСР г. Сверд-
ловск, Банковский пер., № 3.

Рассказ Ю. БЕССОНОВА

Иллюстр. В. Галцина

Тюрьма заполнена слухами

Газеты в екатеринбургскую тюрьму не попадали. Новости заносились случайно: или вновь заключенными или родственниками в дни передач.

В июле из камеры в камеру поползли слухи:

— Белая армия разбита и спешно отходит за Урал...

— Солдаты от Колчака батальонами переходят на сторону красных...

— Под Уфой красные прорвали фронт..

Эти слухи вызывали много разговоров. Заключенные строили догадки, что будут делать с ними. Оптимисты говорили — выпустят, пессимисты — расстреляют. Но точно никто и ничего, конечно, сказать не мог, да и сама тюремная администрация не знала воли высшего начальства.

Неизвестность волновала заключенных, они только и говорили о дне, который должен все разъяснить.

Красные войска были уже в Лысьве. Вечером, когда все заключенные в камере № 2, заснули, молодой заключенный подполз по нарам к старику-учителю кунгурской школы и сказал шопотом:

— Степан Петрович, говорят, Лысьву взяли... Скоро наши здесь будут...

Старичок не спеша ответил:

— Слыхал, наверное скоро будут.

Молодой сел рядом со старичком и, поджав под себя ноги, взволнованно спросил:

— Чё ж с нами-то будут делать, а?

Старичок посмотрел через очки и спокойно ответил:

— Ну, что-нибудь уж сделают... Тут не оставят,— он попытался улыбнуться, но улыбка не удалась.— А ты пока, Вася, старайся не думать об этом,— все равно ничего не придумаешь. Спи лучше...

— А не расстреляют они нас, Степан Петрович? Что-то уж больно часто уводить из камер стали...— В голосе Василия звучала тревога. Он дышал порывисто.

— Не расстреляют,— уверенно сказал Степан Петрович, стараясь успокоить Василия,— где же всех расстрелять. Тысячи три в тюрьме наверное... А ты что — боишься? Вот чудак-чудодей, кто же раньше смерти умирает...— Степан Петрович ласково по-отечески улыбнулся.— Иди, спи лучше.

Василий сконфузился. Он хотел сказать, что вовсе не боится, а что его мучает больше страха смерти неизвестность, но не мог подобрать нужных слов и поправился:

— Нет, не боюсь я... а все-таки как-то не по себе...

В „глазок“ камеры заглянул надзиратель. Лица его не было видно, только большой, казалось, слишком широко открытый безбровый лаз смотрел, через прорезанное в двери четырехугольное отверстие. И может быть потому, что лица надзирателя не было видно, глаз был чудовищно свиреп.

Степан Петрович тихонько подтолкнул Василия:

— Смотрит. Иди-ка на свое место, а то подумает еще, что сговариваемся о чем-нибудь...

Василий отполз обратно по нарам к своей лежанке. Глаз неотступно следил за ним. Казалось, что он вползает в щель — очевидно надзиратель еще плотнее прижал к двери щеку.

Взгляд этого немигающего, как у птицы, глаза тревожил. Василий лег и зажмурился веки.

Если человек хочет заставить себя уснуть, это ему никогда не удастся — сон должен приходиться сам. Так случи-

лось и с Василием. Он ворочался с боку на бок. Мысли о завтрашнем дне не давали покоя. Потом незаметно они сменились воспоминаниями.

Василий вспомнил свой завод, мартековский цех, где работал дед, отец и сам он, еще юноша. Воспоминания были так яркие, что Василий физически ощутил жаркое дыхание раскаленного металла, когда увидел отца среди огненных струй разливаемой по изложницам стали.

Потом вспомнилась революция, многолюдные и шумные митинги, толпы рабочих с алыми знаменами, красная гвардия и последний день перед взятием Екатеринбурга чехами. Василий тогда стоял на посту, охраняя военный склад. Город эвакуировался. На запад отбывали последние эшелоны с мукой и военным имуществом.

Василий долго ждал смены. Он простоял два, три, пять часов, но караульный начальник не появлялся.

„Видно, замешкались с делами,— думал Василий,— ничего, просто:— Мыслей о том, чтобы оставить порученный ему пост, даже в голову не приходило.

Но караульный начальник так и не пришел. То ли отрезали его выступавшие в город белогвардейцы, то ли в суматохе забыл об одном из своих постов.

Василий ходил вокруг склада усталый и голодный, каждую минуту ожидая окрика караульного начальника и смены.

Уже потемнело, когда недалеко от склада показалась группа военных. Василий принял их за своих и подпустил близко к посту. Но это оказались белогвардейцы. Один из них бросился к Василию и вырвал у него винтовку.

Василия окружили. Теперь он вспомнил, как обидно было ему, когда рослый человек со шрамом через все лицо засмеялся и крикнул:

— Ничего себе часовой! Тебе бы в бабки играть... Сопляк!

Василий стоял растерянный и напуганный. Он понял, что его не успели снять с поста, что город уже занят белогвардейцами, и он, Василий, в плену.

— Что же с ним будем делать?— спросил высокого человека другой в темно-зеленой студенческой фуражке.—„Шлепнем?..

Высокий ответил:

— „Шлепнуть“ всегда успеем. Сейчас отправим в тюрьму. Пусть посидит, может быть, кого-нибудь из своих вспомнит, нам расскажет...Верно, „товарищ“?,—

обратился он к Василию и умахнулся.— Ну, шествуй вперед.

Потом Василия вели по пустынным улицам города к тюрьме. Он шел, низко опустив голову, смотря себе под ноги и все время ожидая, что позади щелкнет выстрел и пуля свалит его с ног. Василий слышал раньше, что так в спину расстреливают белогвардейцы пленных красных.

Но выстрел не грянул. Василия привели в тюрьму, где были уже посажены другие пленники. В несколько дней тюрьма была переполнена.

Следствие затянулось и, казалось, о Василии забыли. Он сидел месяц, два, три, почти весь состав заключенных в камере уже несколько раз сменялся, а его все не вызывали на допрос. Так прошел год.

— Год!— Василий открыл глаза и сел на лежанке,— целый год!

Опять стало страшно.

А что будет завтра?

Василий оглянулся, словно разыскивая кого-нибудь, кто мог бы сказать „что будет завтра?“

Но все заключенные лежали с закрытыми глазами: или спали, или притворились спящими. В камере было очень тихо, даже не слышалось дыхания заключенных. За стеной, в коридоре слышался какой-то шорох, отдаленные шаги...

В небольшое, вырезанное под потолком, зарешеченное окно был виден тюремный фонарь. Он раскачивался и желтый сноп его света ползал по решетке.

— Ветер...— подумал Василий и вдруг почувствовал себя одиноким и покинутым миром, как-то сразу поняв, что все лежащие тут люди, может быть завтра перестанут жить.

Ползающий по решетке свет раздражал и пугал. Василий уткнулся в жесткую, набитую соломой подушку и натянул на голову обветшалую шинель.

Невольное путешествие начинается

Утро четырнадцатого июля.

В камеру вошли трое стражников. Их сопровождал надзиратель.

— А ну, вставай!— крикнул надзиратель заключенным,— стройся на поверку!

Заключенные, встревоженные слишком раннею побудкой, поспешно соска-

Вечером, когда все заключенные камеры № 2 заснули, молодой арестант подполз по нарам к старику-учителю

кивали с нар, выстраивались посреди камеры.

Когда поверка кончилась, надзирательскомандовал:

— Собирай все свое богатство, да хорошенько собирай, подчистую, чтобы ничего не осталось.

Заключенные, не поняв приказания, толпились посреди камеры, не зная, что делать.

Тогда надзиратель пояснил.

— Собирай, говорю, вещи, одевайся хорошенько — в другую тюрьму вас переводить будем, — надзиратель улыбнулся, — Александровский централ знаете? Песня поется:

Ты куда идешь, товарищ,
В Александровский централ...

— Ну, так вот, туда и вы пойдете. Тысячи четыре верст пошагать придется.

В камере наступила тишина. Потом кто-то осторожно спросил:

— А как больные, господин надзиратель?

— Больные? — переспросил тот и занялся, — о больных никаких распоряжений особых не было. Пусть здоровые им помогут.

Заключенные собрали вещи, оделись. Их сбыскали — нет ли чего лишнего — и вывели по коридору во двор тюрьмы.

Там уже стояла окруженная казаками партия человек в семьсот.

Василий подошел к Степану Петровичу. Тот был грустен, задумчив и рассеян.

— Значит, пойдем в Сибирь, — сказал облегченно Василий, ожидавший худшего оборота событий, — в Централ?

— Да, да, — ответил, покашливая, Степан Петрович, — предстоит невольное путешествие в Сибирь.

— Я уж с вами рядом пойду. Посоветовать вам буду, дорога-то дальняя. Трудно вам придется...

Степан Петрович благодарно взглянул на Василия и просто сказал:

— Да, в мои годы не легко так-то путешествовать.

В это время начальник конвоя, молодой хорунжий, звонким голосом крикнул вахмистру — светлородому казаку лет сорока, кряжистому и кривоногому:

— Строй колонну и о порядке предупреди. Чтобы все чин-чином было...

Вахмистр выстроил заключенных, рассчитал их по пять человек, потом скомандовал „смирно“ и сказал:

— Вот господин хорунжий — старший наш начальник, предупредить приказали, чтобы порядок был. Чтобы исправно итти всем. Кто отстает, на себя пеняй — пощады не будет. Человек с человеком не сближайся — стрелять буду. Из рядов

не выходи — тоже стрелять буду, а ежели кто что задумал, поймите в виду — за одного десять ответят...

Вахмистр подошел к хорунжему и от-
рапортовал, вытягиваясь во фронт:

— Разъяснил, господин хорунжий.

— Ну, выводи, — приказал офицер.

— Шагом марш! — заревел вахмистр, и колонна двинулась в уже раскрытые настежь ворота тюрьмы.

Несмотря на раннее время, улицы города были оживлены. По ним к вокзалу тянулись военные обозы и обывательские телеги, нагруженные тюками домашних вещей. На телегах сидели беженцы. Скучно и назойливо скрипели плохо смазанные дегтем колеса. Пыль, поднимаемая обозами, плыла к заборам, покрывала траву канав.

Окна богатых особняков были распахнуты, двери не закрыты. Хозяева квартир — богатые мещане, купцы и промышленники — уже бежали из Екатеринбурга, напуганные приближением красных войск.

Василий с любопытством оглядывал знакомые улицы.

— Видите, наверное, близко красные... Бежит буржуазия... Сколько их! — сказал он Степану Петровичу, кивая в сторону беженцев.

— Да, да, — отвечал невпопад Степан Петрович, думая о чем-то другом, — может быть, может быть...

На окраине города стало малолюднее. Дома кособокие, запыленные, казалось, спали — окна были плотно закрыты ставнями.

Колонна заключенных вышла за город, когда розовая полоса на востоке возвестила о восходе солнца.

Сибирский тракт лежал тихий и мертвый. Широкие канавы, казалось, отрезали его от жизни. Легкая, как мука, пыль покрывала словно ватным одеялом высохшую землю.

Мгновенно колонну затянули густые клубы пыли, ибо ноги заключенных топили в пыли и месили ее. Лица сразу стали серы, губы почернели и запеклись. Дышать было трудно — воздуха не хватало — он был весь пронизан пылью.

Казаки-конвоиры ехали по насыпи, поднимающейся за канавой, и следили, чтобы никто из заключенных не выходил из рядов, не отставал от колонны. То и дело слышались окрики:

— Эй, мотри! Не растягивайся!

— Шире шаг! Не на прогулку вышел, в Централ идешь!

Перед отправлением этой партии заключенных начальник конвоя получил строгий приказ: „гнать как можно скорее“. Фронт был так неустойчив, что никто не знал, где находятся арьергардные белые полки и где головные части красных. Поэтому казаки усердствовали. Они отменили короткие привалы и „гнали пересыльных без передышки по десять и больше верст.

Эта партия эвакуировалась из Екатеринбургской последней. До нее по тракту уже прошло несколько колонн и обозы. Часто на тракту попадались обломки колес, сломанные телеги, трупы запаленных лошадей, иногда — человеческие трупы. Тогда отвратительно пахло падалью, кровью и разлагающимся трупом. Над трактом низко кружили вороны и коршуны, привлеченные обилием пищи. Птицы облепляли придорожные деревья, криками сопровождали колонну.

Увидев у канавы труп еще совсем молодого человека, Степан Петрович покачал головой и сказал разом при-
смирившему Василию:

— Наверное, солнечный удар. Наверное, так же, как и нас гнали...

Степан Петрович стер с лица пот и закашлялся. На щеках его появились пунцовые пятна, грудь ходила ходуном. Потом, отдышавшись, он заговорил тихо:

— Кто дойдет до Централа уж и не знаю... Даже в царское время так не „гоняли“...

— А вам приходилось тут бывать? — спросил Василий.

— Пришлось... однажды... — ответил еще тише Степан Петрович. Было видно, что говорить ему трудно — Давно это было очень, давно. Тогда еще только тракт достраивался или ремонтировался он, не помню хорошо. Работали на нем „арестанты“. Больше уголовные работали. Весь этот тракт кровью и потом пропитан. На работе людей не щадили, „арестанта“ нечего жалеть, — так рассуждало начальство. Ну, и гибли люди. Из ста человек двадцать пять уж обязательно умирали.

Степан Петрович вздохнул и посмотрел на небо.

— Сегодня тоже трудно будет итти... Наверное, и мы кого-нибудь оставим...

Становилось, действительно, жарко. Земля нагрелась до предела. Жар ощущался даже через подошву обуви. Придорожные камни раскалились и стали синими, как куски дешевого мыла,

которым в сибирских речках извозчики моют лошадей.

Пестрые жуки-скакуны прыгали у канав, зарываясь в пыль, и снова взлетали в воздух. Целые стаи белых бабочек-боярышниц в истоме облепляли конские лужи, оставшиеся после стоянки обоза.

А по сторонам тракта прямоствольный сосновый лес поднимал к небу острые вершины деревьев. Золотыми жилами стекала янтарная смола по желтым стволам елей и сосен.

Белые цветы, пушистые, как хвосты зайцев, покачивались на тонких стволах-дудках, гнувшихся под их тяжестью. В цветах, одурманенные запахом меда, копошились ленивые и тучные, как гипопотамы, изумрудные жуки. Жуки-носороги, серые, с цепкими лапами висели на стеблях и закапывались в душистые чашечки цветов. В траве шныряли бронзовые суетливые жужелицы и лежали сонные синие майки с распухшими и мягкими, как у чревоугодника, брюшками.

Гудели шмели, пчелы, осы, и от всего, казалось, пахло медом: от деревьев, от травы, от цветов. Земля, оплодотворенная солнцем, жила, собирая солнечные лучи в расплавленном золоте меда, в крупных зернах пшеницы, в прохладных корнях растений, корнеплодов, в молочных ядрах кедровых орехов, в беспомощных, еще не оперившихся птенцах.

Солнце было во всем. И сами цветы: одуванчики, лилии, колокольчики смотрели в небо, как отражение солнца на зеленой глянцевой поверхности травы.

А под ногами пересыльных тянулась покрытая пылью и стертymi горячими камнями мертвая лента арестантского тракта. Ни одной травинки не было на нем. Даже чахлые березы, растущие за канавами, захлебнувшись пылью, побурели.

Тракт был раскален. Земля больше не могла воспринять лучей и отражала их. Казалось, тракт пылал невидимым пламенем. Невольные путешественники изнемогали от страшного зноя и задыхались. Солнце, дающее жизнь, сделалось их убийцей.

Первым упал высокий тощий человек. Он вытянул белую, как бы выточенную из кости шею, и хрипел. Мутная пена покрыла внезапно посиневшие губы. Глаза расширились и подернулись красной сеткой перенапряженных сосудов.

Вахмистр, не останавливая колонны, приказал двоим заклоуненным оттащить упавшего к канаве.

Тощего человека подняли, отнесли на несколько шагов в сторону и опять положили на пыльную и горячую землю.

— В лес его нужно, в лес, в тень!— вдруг закричал Степан Петрович,— у него солнечный удар.

Вахмистр свирепо оборвал:

— А ты помалкивай— не начальство. Вот вахмистром сделают, тогда и командуй.

Степан Петрович замолчал, и лицо его как-то сразу постарело. Василию показалось, что он пошатнулся и сам сейчас упадет так же, как только что упал высокий и тощий человек.

Хлеб и камни

Облако пыли оповестило деревню о приближении колонны пересыльных. Первыми выбежали к тракту мальчишки. С шумом и визгом неслись они к тракту, но когда приблизились к канаве, сразу смолкли. Остановились, с любопытством и страхом глядя на пересыльных, как смотрят дети на проходящий полк, в котором шагают большие непонятные люди, жизнь которых, очевидно, замечательная и уже, конечно, не похожая на жизнь деревенской детворы.

Вслед за мальчишками потянулись к тракту женщины, босоногие, медлительные и важные, девушки пестрые, как дятлы, широкоплечие и толстоногие. Некоторые из женщин несли к тракту краюхи хлеба, молоко в крынках, сваренные куриные и утиные яйца. Мужики на ходу высыпали из кيسетов в жесткие ладони табак-„самосадку“.

Вся эта группа приближалась к тракту с гостинцами и припасами для „большевиков, которых гонят в Александровский централ“.

Но не все село вышло с хлебом. От площади, над которой горели маковки церковных куполов, и железом крытых пятистенных изб выбежало человек тридцать парней и девок. Они пошли стороной от пестрой толпы крестьян и тоже остановились у тракта в ожидании приближения колонны. Эта группа была шумной и веселой. Были в ней, помимо молодежи, несколько человек уже пожилых и степенных на вид мужиков, с гладко расчесанными и смазанными маслом волосами, с бородами выхоленными и длинными, как у апостолов.

День был праздничный и парни принарядились. Сапоги, начищенные ваксой,

горели, лаковые козырьки черных картузов, как в зеркале, отражали солнце, радужные рубахи переливали всеми цветами, а длинные шелковые крученые пояса забахромленными концами своими спускались до колен. Смешливые девки, тоже нарядные и нарумяненные, жались к гармонисту, лениво пересбиравшему лады гармонии.

Конвоиры отказались остановить колонну. Крестьянам, вышедшим с подаянием, пришлось передавать пересыльным продукты на ходу. За это дело взялись мальчишки. Они проворно шныряли по рядам колонны, раздавая хлеб и молоко — подарки женщин и мажорку — подарки мужчин.

Некоторые женщины, боясь, что мальчуганы не успеют разнести всего принесенного, кидали заключенным краяхи хлеба и калачи.

— А ну, родимый, имай! — закричала Василию пожилая крестьянка, и бросила большой пшеничный калач.

Василий ловко поймал калач налету и крикнул крестьянке:

— Спасибо, мамаша! Может, когда придется встретиться — отслужу.

Он разломил калач, передал половину его Степану Петровичу и сам принялся с жадностью есть, сразу при виде хлеба, ощутив сильный голод.

Когда колонна уже скрылась в клубах пыли, крестьяне все еще стояли у тракта, смотря ей вслед, потом постепенно стали расходиться, сумрачные и молчаливые.

Тракт круто свернул вправо. За бугром, скрывавшим село, лежала неширокая поляна, на которой островками росли молодые березы. На поляне ходили стреноженные кони, гремя бубенцами, смешно и беспомощно переставляя обвитые путами ноги.

Ковры ромашек были, словно нарочито (как это делается в садах), разбросаны на скатах бугра равными треугольниками. Дальше за березовыми колками поднимался черный строевой лес.

Низкое солнце, уже потерявшее ослепительный свой свет и по-вечернему красное, освещало лес с той стороны, и казался он поэтому черным, строгим и четким, как чугунное литье.

Небо над ним, окрашенное лучами гаснущего солнца, словно спокойная поверхность гигантского озера, отражало цвета заката. Облака стояли неподвижно, как цветущие острова.

Зной спадал. Заключенные, подкрепившись куском хлеба да глотком молока

шли бодрее. В колонне опять кое-где послышались, совсем было стихшие, разговоры.

Вдруг из-за бугра с гиканьем и свистом выкатилась кучка парней, за ними бежали пять-шесть одетых в поддевки мужиков. Нарядные девки забралась на бугор и с любопытством следили за приближением колонны.

Сначала заключенные не поняли, куда и зачем бегут парни, но когда они остановились у тракта и начали браниться — Все стало ясно.

— А, дармоды бесштаные, краснорожие гады! — кричал озверело верзила-парень и грозил пересыльным кулаком.

— Чего их водить. Расстрелять — и с концом — пограбили, хватит!

— Ишь присмирели, а раньше говоруны были, „товарищи“, — вторили верзиле другие парни, угрожающе размахивая руками.

Конвоиры не мешали парням.

Когда колонна почти уже прошла мимо парней и оставалось только несколько рядов, верзила вдруг нагнулся и, подняв с земли камень, с силою швырнул его в заключенных.

— Получай крестьянские подарки! — заревел верзила и поднял второй камень.

Крик верзилы послужил сигналом. В заключенных полетели десятки камней.

Ряды колонны расстроились, кто-то закричал. Часть пересыльных шарахнулась в сторону.

Василий схватил за руку Степана Петровича.

— Бежим... Сшибут еще..

Степан Петрович хотел бежать, но не мог. Он закашлялся, ухватился руками за грудь и лицо его побагровело.

Последние ряды заключенных пробежали мимо.

Василий остался со Степаном Петровичем, обнял его за плечи, старался отвести в сторону за канаву.

В это время парень-верзила изловчился и пустил увесистый булыжник в Степана Петровича. Булыжник попал ему в грудь. Василий услышал, как что-то хлопнуло, словно камень попал в болотную кочку, и Степан Петрович упал..

Василий старался приподнять Степана Петровича, но тот был недвижим.

— Эй, чего тут валандаетесь! — крикнул, подъезжая, казак-конвоир и остановил лошадь возле Василия.

— Камнем товарища ушибли... Я помочь хочу, — ответил Василий.

В это время парень-верзила изловчился и пустил увесистый булыжник в Степана Петровича.

Казак посмотрел на Степана Петровича, подумал и не спеша сказал равнодушно:

— Помер он, однако.

Василий прислушался к дыханию Степана Петровича. Оно было порывистым и хриплым. Сказал:

— Нет, он отдышется...

— Все равно помрет... Вишь какой немудрый, — казак разобрал поводья, — нечего с ним возиться. Давай, догоняй колонну.

— Разрешите мне с ним побыть, — попросил Василий, не решаясь оставить Степана Петровича, — мы потом догоним колонну... скоро привал...

Казак усмехнулся.

— Ловкий парень! Я тебя с им оставлю, а ты в лес убеgehь. За мертвого-то я отвечать не буду, а за живого отвечаю.

— Тогда я понесу его! — воскликнул Василий.

— Чего? — удивленно переспросил казак.

— Я понесу его, — повторил Василий и поднял Степана Петровича.

— Неси, раз охота пришла, — пробормотал казак. — Но, паря, дурной...

Василий понес Степана Петровича. Казак ехал позади и то ли поощрительно, то ли глумясь над Василием, ворчал:

— Впервой такого героя вижу... До Александровского Централа на руках старика донести хочет. Это тебе не дите... Но и герой!

Итти Василию было трудно — ноша была слишком тяжелой.

Крупные капли пота выступали на лбу, волосы взмокли, деревянели руки.

„Еще немножко пронесу, а там и привал“ — думал Василий, напрягая последние силы, — нельзя его оставлять здесь, — помрет один-то...

Но Василию не удалось донести Степана Петровича до привала. Страшная слабость схватила внезапно руки, колени дрожали.

Василий остановился, положил на землю Степана Петровича и обессиленный сел рядом.

Степан Петрович все еще дышал. Из рта его, в углу полуоткрытых губ показалась кровь. Она текла тоненькой струйкой, пачкая подбородок, и сбегала на землю.

Казак посмотрел на Василия и сочувственно сказал:

— Но, паря, фарт тебе, освободил приятель-то. Видишь! отходит. Теперь легче пойдешь... Давай, догоняй коня...

— Подождите... — заикнулся было Василий, но казак, прерывая его, взревел:

— Вот, я тебя нагайкой напонужаю, дурь-то и вылетит... — казак взмахнул нагайкой — Вперед, бегом!

Василий, готовясь принять удар нагайки, втянул голову в плечи и, не оглядываясь, бросился догонять коня.

Дымовая завеса

Начальник конвоя выбрал для ночного привала поляну, окаймленную нечастым березняком. Это было самое удобное место. На поляне стояли стога прошлогодней соломы, которые могли служить пересыльным некоторым убежищем.

Как только разрешили устраиваться на ночлег, Василий забрался под высокий стог соломы. Вечер был свежий. Пропотевшая мокрая рубаха холодила тело, и Василий мерз. Несмотря на сильное утомление, спать ему не хотелось. Он лежал и думал о Степане Петровиче.

Василию казалось, что Степан Петрович жив, что холод вечера привел его в чувство и он, может быть, сейчас ползет к селу...

От мысли о том, что Степан Петрович может погибнуть, Василию становилось одиноко и страшно.

Почти год, проведенный вместе в тюрьме, сблизил их. Василий крепко полюбил Степана Петровича, считал его человеком особенным, умнее всех и лучше всех.

Да так относились к нему и другие заключенные. За советом, за разъяснением каких-нибудь споров они всегда обращались к нему — и слово Степана Петровича в камере было закон.

„Нужно бежать, помочь ему, — думал Василий, — но как? Как пробраться через цепь казаков?“

Все приходившие на ум способы побега были негодны, все грозило провалом.

Раньше мысль о побеге если и приходила Василию, то была она скорее мечтой, чем целью, и о выполнении ее он почти не думал. Теперь мысль стала неотступна, стала целью. Сделала ее такой привязанность к Степану Петровичу.

Внезапно, когда Василий был уже на грани отчаяния, ему пришла счастливая мысль.

„Заберусь глубже под солому, пролежу пока не снимут часовых, потом убегу в лес...“

Все это представилось таким ясным и простым, что Василий сейчас же приступил к выполнению своего плана.

И он, как крот землю, стал разрывать солому, пробиваясь все глубже и маскируя свой проход, пока не решил, что находится уже посредине кучи.

Василий успокоился, лег поудобнее и мгновенно заснул.

Его разбудил какой-то шорох и невнятные голоса. Он прислушался.

— Где их тут отыщешь, господин вахмистр, если и забрался кто, — услышал он голос одного из конвоиров, — всю ее перебирать надо. С краев как будто никого нет, а в глубе, — кто его знает...

— Перебирать долго, — ответил вахмистр, — трогать надо, солнце скоро взойдет.

Вахмистр помолчал, соображая, как поступить, и вдруг обрадованно воскликнул:

— А ты ее подожги с наветренного края... Огнем-то, ежели кто схоронился, мигом выкурит.

— Поджечь можно, — согласился конвоир.

Не успел еще Василий сообразить, что ему делать, как солома снаружи затрещала, охваченная пламенем. Запахло дымом. Огонь быстро распространялся.

— Сгорю! — подумал Василий и лихорадочно стал разгребать руками солому, пробираясь к выходу, по которому он проник под кучу.

Стало жарко и душно: огонь, очевидно, был уже близко. Треск горящей соломы казался шумом урагана. Дышать было нечем.

Василию удалось выбраться из-под стога, когда огонь охватил уже стог со

всех сторон. Густые клубы дыма ползли к перелеску. Дым пожара был подобен дымовой завесе, которой на войне маскируют передвижение частей.

Василий, ничего не видя впереди и задыхаясь, бросился бежать от огненных языков, взмывшихся к небу.

Казак, поджегший солому, не заметил Василия — дым спас его. Василий пробежал несколько шагов и, задохнувшись, упал на землю. Внизу дышать стало легче, — предутренний свежий ветер проник под клубы дыма.

Отдышавшись, Василий пополз к перелеску. Высокая трава и дым скрыли беглеца от взора конвоира.

Позади послышалась команда начальника конвоя: — „Шагом марш!“, потом гул тяжелой поступи колонны и все стихло.

Он боялся встать и продолжал ползти, скрытый травой.

Только в лесу беглец рискнул обернуться назад.

На опустевшей поляне еще слабо дымилась черная груда стога, а дальше над

трактом поднимался столб пыли, поднимаемой колонной пересыльных.

Василий сел на траву. Чувство освобождения пришло сразу, оно было подобно пробуждению от сна.

Беглец с изумлением оглядывался по сторонам. Все казалось ему новым, совсем не таким, как вчера, а невиданно прекрасным: и кружевная березовая роща, и окрашенные зарею перья облаков, и восходящее солнце, вчера убийца — сегодня спокойное и величественное, дарующее радость и жизнь.

Вдруг Василий вспомнил о Степане Петровиче, ради которого решил на побег. Он вскочил и бросился в лес. Василий бежал, стараясь не удаляться от тракта, все время видеть просвет над ним.

Березняк скоро сменился ельником и сосной. Замшенная земля была мягка и влажна.

Василий поспешно пробирался сквозь заросли леса, треском валежника пугая себя. Иногда он останавливался, переводил дыхание, по привычке тюремных

Итти Василию было трудно — ноша было слишком тяжелой.

Василий, ничего не видя впереди и задыхаясь, бросился бежать от огненных языков, взмывшихся к небу

дней прислушивался, нет ли какого-нибудь подозрительного шума, и снова пускался бежать.

Солнце стояло уже высоко, когда он решил, что можно выйти на тракт.

Прячась за деревьями, Василий приблизился к канаве. Тракт лежал пустынный и серый. Ни пешеходов, ни обозов. Василий старался припомнить место, где он оставил Степана Петровича.

— Там должен быть верстовой столб — подумал Василий, — это дальше. Он прошел еще минут с пятнадцать. Тракт был так же пустынен. Только вдалеке над ним кружился коршун... Его круги становились все уже и уже — птица завидела добычу...

— Что он высматривает? — мелькнула мысль у Василия и он тотчас же вспомнил, что именно в этом месте был оставлен Степан Петрович.

— Вот расчлененная молнией старая береза, вот пестрый верстовой столб... Здесь.

В этот миг коршун камнем упал вниз, взмахнул крыльями над самой землей и скрылся за насыпью канавы. Василий догадался и со всех ног бросился вперед.

На желтой земле лежал Степан Петрович. Правая рука откинута в сторону. Издали он был похож на спящего мальчика.

На плече Степана Петровича сидел коршун, когтями впившись в ветхий пиджак. У головы на земле чернело пятно — это была высохшая за ночь кровь.

Заметив подбегающего Василия, коршун неохотно отлетел в сторону.

Степан Петрович был мертв. На сером, как старая бумага, лице его были две бескровные ссадины — это коршун уже успел приложить свой клюв.

Только теперь понял Василий, что друг его умер. Нужно было думать о своем спасении, но Василий долго не мог оторваться от лица мертвого, такого привычного и дорогого. Он стоял потрясенный и безвольный. Наконец, опомнившись, медленно побрел к лесу, решив пробраться до первых новосельских деревень и там переждать прихода красных войск, но вспомнил две розовые ссадины на щеке друга и остановился.

„Птицы будут клевать его лицо, глаза“, — с чувством, похожим на испуг, подумал Василий, — „даже мертвого его нельзя оставить здесь...“

Василий вернулся к трупу, бережно поднял его на руки и, широко шагая, словно совсем не чувствуя ноши, понес в лес.

Он решил похоронить друга.

В этот же момент до слуха Василия донеслись глухие удары, похожие на дальние раскаты грома со стороны оставленного города.

— Пушки! — сообразил Василий, — наши наступают!

Он вскочил и, не чувствуя уже больше утомления, принялся суковатой корягой выдалбливать могилу для Степана Петровича — своего друга и учителя.

Рассказ М. ЗУЕВА-ОРДЫНЦА

Партизаны рвались к голове белой колонны. Там, на повозке, охраняемой конными казаками, стояли два больших ящика. Партизаны решили, что в ящиках ручные гранаты.

Ванюшка Золотарев налетел на рослого вахмистра, отбил винтовкой свистящий взлет его шашки и ударил прикладом в висок, в пышный расчесанный казацкий кок. Вахмистр рухнул тяжело под копыта своего коня.

Папаша Крутогон сорвал метким выстрелом с козел кучера-казака и подхватил вожжи. Телегу угнали в лес, в горы.

Здесь, в безопасности, без спешки рассмотрели добычу. В одном из ящиков нашли тэб,— складную офицерскую резиновую ванну. Ее тотчас поделили честно на подметки. Над вторым ящиком заспорили.

— Дробь!— сказал папаша Крутогон.— Только почему шибко крупная? На слон, не иначе.

— Сам ты слон таежный!— сказал презрительно пулеметчик Вакулин.— Это буквы для галош. Только почему они толстые и черные?

Пулеметчик Вакулин был городской житель, работал в Перми полотером, и спорить с ним никто не решился. Буквы для галош, пуская буквы!

Но в это время подошел к отбитой повозке командир отряда, земляк Вакулина, пермский наборщик Неподступаев и тоже наклонился над ящиком.

— Это шрифт, кегель в 36 пунктов!— сказал командир.— Погоди, ребята. Тут и вторая касса, с корпусом. И бостонка тут же! Повидимому, у белых газета выходила.

— Выходила, выходила, а теперь вся вышла!— съязвил Золотарев.

Неподступаев улыбнулся Ванюшке, пересыпал любовно с ладони на ладонь шрифт и настороженно играя глазами, тихо сказал:

— А не выпустить ли и нам, ребята, газету, свою, партизанскую? А?

В наступившей тишине слышно стало, как щиплют с хрустом траву выпряженные из повозки кони.

Первым очнулся Ванюшка Золотарев.

— Газету?.. Свою?.. Партизанскую?..— восторженно крикнул он.— И-эх, вот бы...

Но его тотчас одернул пулеметчик Вакулин:

— Для газеты типография нужна. Киоски тоже. И продавцы. Сам жил в городе, знаю! А зачем, спрашивается, нам газета? Для какой надобности?

Остренькая как сабля бороденка придавала лицу Вакулина что-то угрожающее, и никто не стал с ним спорить. Человек городской, знающий, тертый калач! Лишь Ванюшка сморщился так, словно захотелось ему не то чихнуть, не то выругаться.

— Хоть ты и пулеметчик, а рассуждаешь, как несознательный полотер. Извини, не сердчай. Зачем нам газета? А затем, что ежели дали тебе пулемет в руки, то надо дать тебе идею в голову, как бы вдохновение, чтобы знал ты, за что сражаться и кровь проливать. Понятно или повторить?

Это сказал, конечно, командир, бывший пермский наборщик, товарищ Неподступаев.

* * *

Место для типографии и редакции выбрали глухое (чтобы белые не пронохали), в дремучей тайге, на берегу

горной речушки Мойвы. Неохватный кедровый пенъ изображал редакторский кабинет. На нем резали хлеб, огурцы, баранину, писали заметки, фельетоны, передовые.

Впрочем, передовую товарищ Неподступаев набирал прямо в верстатку. Назвал он ее очень решительно:

„Давно назревший шаг“.

В передовой своей Неподступаев разъяснял белым солдатам, за кого и против кого они воюют. Он призывал их повернуть штыки против офицеров. Передовая получилась простая, понятная и, как увидим ниже, имела кое-где огромный успех.

Посмеивающийся, ехидничавший пулеметчик-полотер Вакулин вдруг тоже воодушевился, „дал толчек мозгам“, как он выразился, и разразился статьей о международном положении, о союзниках, помогавших Колчаку. Закончил он свою статью замечательными словами, которыми после откровенно гордился:

„Товарищи рабочие, крестьяне и прочие пролетарии! Хапалы-союзнички вместе с золотопогонной офицерией захапали наш Урал. Уничтожайте их натло, как бешеных собак! Освобождайте наш родной и дорогой Урал! Вот в чем соль и ребус современного международного положения“.

В статью свою Вакулин вложил много пылу и жару.

Когда статья Вакулина была набрана, Неподступаев схватился вдруг за голову:

— Батюшки, а печатать-то на чем? Бумаги ж нет!

Папаша Крутогон, лежавший около редакционного пня, разгладил решительно мундштуком трубки прокуренные усы и поднялся:

— Бумаги, говоришь, нет? Будет бумага! Давай отпуск на сутки.

— Куда ты?— удивился Неподступаев.

— В село, в Черепаново,— пристегнул патронный подсумок Крутогон.

— В самое пекло? К белым в пасть?

— Небось, подавятся. Я жилистый!— взял папаша винтовку.— Говори, какой у нас пропуск?

Он ушел. Повеселевший Неподступаев заставил Золотарева изготовлять краску. Ванюшка целую ночь держал над керосиновой копилкой лист железа, соскребал с него осторожно хлопья копоти, драгоценную сажу в собственную суповую чашку и затирали ее на керосине. Краска получилась замечательная.

Ровно через сутки явился папаша Крутогон. Голова его, как чалмой, была окутана почерневшим от крови полотенцем.

— Что у тебя с башкой-то?— забеспокоился Неподступаев.

— Царапнуло. Пустяковина,— отмахнулся Крутогон и сложил к ногам командира добрую сотню свертков боев.— На селе у лавочника аннулировал. Другая сторона белая. Печатай!

Тогда в дремучую таежную тишину ворвался небывалый шум. Стучала бостонка, шелестели отпечатанные листы газеты. Вертел бостонку взятый с „губы“, арестованный взводным за спанье на посту, партизан Сеня. На этой „должности“ он остался до конца, до прекращения выпуска газеты, за что и получил от партизан кличку Сеня-Мотор.

А утром, около походной кухни, партизаны чуть не дрались из-за газеты. Папаша Крутогон, на правах заведующего экспедицией, кричал свирепо Вакулину, пытавшемуся захватить два экземпляра:

— Эй, полотер, куда две тащишь? Коли мед, так и с ложкой?

— Мы тоже писали, не гуляли! Читай, если грамотный!— обиделся Вакулин.

Газетка получилась живая и веселая. Заголовок

„ГОЛОС ПАРТИЗАНА“

Неподступаев пустил добротным кегелем в 36 пунктов и подчеркнул жирной линейкой, затем шел хлесткий лозунг:

„Честь и слава красным героям-партизанам, зверски сражавшимся за революцию!“

Затем шла неподступаевская передовая, а вакулинскую статью пустили подвалом и заголовок ей дали грозный—

„Долой с Урала!“

Тут, кстати, выяснилось, что Вакулин не пожалел, таки запятых для своего произведения. Статья кишмя-кишела запятыми. Что ни слово, то запятая.

Хроника была и отрядная, и боевая, и из жизни окрестных сел и заводов— там белые выпороли крестьян, здесь вернувшийся заводчик десятки рабочих улеп в тюрьму, тут каратели повесили двух бедняков и т. д.

Бы в газете и литературный отдел,— лесня, сочиненная Ванюшкой Золотаревым. Начало было не очень:

Партизан лихой, рисковый,
В тайге рысью рыкаю,

Сплю на ветках вересковых
Жду свободу близкую.

Но конец Ванюшке определенно
удался:

Вы от нас не видели
Почестей, правители?
Вознесет на кол Чека
Адмирала Колчака!

А партизанам шибко понравился при-
пев песни.

Чекай, топай, колобродь,
Выбивай ногами дробь!

Ванюшкину лесню к вечеру пел весь
отряд, а под припев даже плясали.
А Ванюшка радовался не своему лич-
ному успеху, он радовался газете:

— Эх, в Москву бы послать номерок.
Пускай полюбуются!

Не знал тогда Ванюшка Золотарев,
не мог знать, что попадет все же в
Москву номерок его газеты.

А между тем папаша Крутогон взва-
лил себе на плечи тючок с газетами и
отправился в Черепанове и другие ок-
рестные селения. Вернулся он живой,
невредимый, веселый и с пустыми ру-
ками. Распределил газету между белыми
солдатами и крестьянами.

Вскоре сказались и результаты. В се-
ле Черепанове, в запасном полку, про-
изошла заваруха. Около двух рот при
оружии, на глазах офицеров, вышли из
села, направились в лес, в горы и, по-
дойдя к партизанским постам, подняли
винтовки прикладами вверх.

Тогда возгордившийся Ванюшка при-
бил над кедровым пнем дощечку с над-
писью:

Редакция газеты „Голос парти-
зана“. Прием днем и ночью, ежели
редакция не в бою находится.

Об этом времени на редакционном
кедровом пне появились заметки бойцов

отряда и окрестных крестьян — первых
военкоров и селькоров.

Пора было приниматься за второй
номер...

* *
* *

Мятый, замусоленный, зачитанный до
дыр лист обойной бумаги висит в Мос-
ковском музее революции, в окружении
партизанского оружия. Он здесь по пра-
ву. Революция сражалась не только по-
рохом и сталью. Этот лист обоев, на
печатанный сажей, затертой на керосине,
таил в себе взрывчатую силу, равную
сотне гранат.

В Москве находится и Золотарев —
руководит отделом в одной из цент-
ральных газет.

А товарищ Неподступаев променял
верстатку на саблю — командует диви-
зией на Украине.

Что касается папаша Крутогона, то
он попрежнему работает формовщиком,
не помню точно на каком заводе, здесь
у нас на Урале. Папаша активно раб-
корит, пишет не только в свою завод-
скую газету, но и в районную и, даже,
говорили мне, собирается писать в
„Уральский рабочий“.

А пулеметчик-полотер Вакулин так и
не добрался до своих паркетных полов —
убит в бою с колчаковским бронепе-
ездом. Его похоронили с честью, под
грохот винтовочного салюта, а Ваня
Золотарев написал его некролог в сти-
хах.

Неизвестна мне дальнейшая судьба
лишь одного из редакционных работ-
ников „Голоса партизана“ — силача Се-
ни-Мотора.

Если попадутся тебе на глаза эти
строки, откликнись, дорогой Сеня-Мо-
тор!

Рассказ М. ЗУЕВА-ОРДЫЦОВА

Мерно постукивает винт. Белая струя кильватера, пенясь и клокоча, ложится за кормой. Тишина. Лишь через ровные промежутки раздается глухой отрывистый звон механического лага, да время от времени громыхнет цепь штуртрота.

Кама катит черные пенистые валы, гневно бьется ими об острый пароходный нос. Брызги ледяным дождем обдают командирскую рубку. Впереди — бесконечные изгибы широкой многоводной Камы, пожелтевшие осенние берега и острова, острова без конца...

Канонерская лодка „Ваня“ 2-го дивизиона Волжской речной военной флотилии седьмой день гонит вверх по Каме целую колчаковскую эскадру.

23 сентября 1918 г. в районе Сокольных гор белогвардейские суда под командой известного адмирала Старка атаковали красную флотилию, стоявшую на якорях у пристани. После двухчасового боя, во время которого был поврежден головной корабль противника, адмирал побежал вверх по Каме, надеясь, повидимому, прорваться в ее приток — Белую. „Ваня“ по приказу командующего флотилией был послан в погоню.

Но адмирал Старк упорно не принимает боя. Как раненый зверь, он ищет спокойной берлоги, чтобы залезть свои раны, ищет спокойной пристани или затона, чтобы починить повреждения кораблей, нанесенные красной артиллерией. И, как терпеливый таежный охотник по подранку, идет „Ваня“ вслед за белой флотилией, ищет с нею встречи и боя...

К ночи упал ветер и вывездило. Звезды крупные, по осеннему зеленые и холодные, как в зеркале отразились в притихшей Каме. Всюду, куда ни помотришь, дрожат на поверхности реки трепетные зеленые огоньки.

— И куда прем, к чорту в пасть? — нервничал вахтенный начальник, из бывших морских офицеров. — Поди вот, разберись тут, где звезды, а где отличительные огни неприятеля. Как раз напорешься!

Крутая вспышка сирены пронеслась по затихшей реке. Это — шедший головным миноносец „Прыткий“, переброшенный на Каму с Балтики, предупредил о чем-то канонерку. Замигала клотиковая лампочка „Прыткого“ — точка... тире... точка... точка...

Вахтенный начальник, не отрывая от глаз бинокль, напряженно читал сигналы „Прыткого“. Клотик миноносца потух. Вахтенный обернулся к вестовому:

— Немедленно вызвать командира!

— Есть, немедленно вызвать командира! — сорвался вестовой.

Через минуту железные ступени трапа зазвенели под тяжелыми шагами. У командира канонерки, товарища Маркина, было смуглое сухое лицо и буйные смоляные кудри, свисавшие на глаза. В подходе его, тяжелой, так что гудела палуба, но быстрой и по-морскому цепкой, во всех его движениях, неторопливых и точных, чувствовалась спокойная и уверенная в себе сила.

— Товарищ командир, — вытянулся построеному вахтенный, — миноносец „Прыткий“ сигнализирует „Ничего не вижу. Прошу позволения встать до утра на якорь“.

Маркина, видимо, оторвали от ужина. Он держал в руке жареную плотву, благоухавшую на весь мостик подгоревшим подсолнечным маслом. Слушая рапорт вахтенного начальника, он продолжал жевать, спокойно сплевывая за борт мелкие и острые, как иголки, косточки.

— Сукия кот кок¹, опять масло подгорело! Команда ворчит,—неожиданно сказал Маркин.

Вахтенный округлил недоумевающие глаза и, нарушая устав, шагнул ближе к командиру:

— Осмелюсь доложить, товарищ командир!.. Вам известно, что адмирал Старк любит ставить поперек реки щепные и бревенчатые заграждения, разбрасывать за собой семипудовые пловучие мины. В темноте немудрено нарваться. Загубим корабли!

Маркин продолжал жевать плотву, изредка недовольно принохиваясь к ней. Он даже морщился раздраженно. Он морщился, воображая сердитые морщины на лбу командующего флотилией и насмешливую улыбочку острого на язык комиссара флотилии, милейшего товарища Ларисы Рейснер: — „Упустил адмирала, эх, Маркин, Маркин!“

Маркин швырнул за борт недоеденную плотву и вытер крепко ладонью масляные губы.

— Зажечь боевые огни, итти вперед тем же ходом! Я останусь на мостике!

Маркин вскинул голову и посмотрел пытливо на вахтенного. На юношеском лице вчерашнего мичмана смешались явный испуг и откровенная досада. Мичман думал: — „Куда ты прешь, на верную смерть, моряк — смоленая пятка? Что понимаешь ты, простой балтийский матрос, в сложной науке морского боя? Слушайся меня, офицера. Тебе же добра желаю!..“

А Маркин не умел таить своих мыслей. Он сказал:

— Скис, как молоко в грозу, товарищ вахтнач? Ничего! Еще Нельсон говорил: „бегство — сила слабых“. А бежит Старк, не мы. Полный ход вперед!

— Есть, полный вперед! — козырнул послушно вахтенный и, отходя, подумал оторопело: — „Откуда это он про Нельсона знает? Сам чорт этих большевиков не поймет!“

Сверкающие ножи лучей прожекторов с „Вани“ и с „Прыткого“ рассекли ночной мрак. Маленькая флотилия снова двинулась вперед, в прежнем порядке — сзади всех тяжелый „Ваня“, перед ним „Прыткий“, а впереди кораблей рыскали ищейками, невидимые в темноте, три быстроходных катера разведчика.

Маркин стоял рядом со штурвальным, положив на поручни спокойные крепкие руки. Острое орлиное лицо командира

застыло в напряженном внимании. Он пытливо и подозревающе всматривался в каждый всплеск речной волны, в кипение каждого буруна на мелях и у берегов.

Послышались частые тревожные вскрики сирены „Прыткого“. Они заставили Маркина поднять голову. Он оторвал глаза от фарватера и увидел высоко в небе багровое колыхание огромного зарева.

— Белые... Деревни жгут,—вздохнул кто-то внизу, на палубе.

Но почему ушедший далеко вперед „Прыткий“ попржнему тужится в тревожных воплях? Он видит пожар, но какая же опасность грозит кораблям? И почему зарево приближается с удвоенной быстротой? Ведь „Ваня“ не увеличивал хода.

Маркин нетерпеливо переминается с ноги на ногу. Крутой поворот Камы скрывал от него пожар. И вдруг яркое пламя вспыхнуло на темной реке. Из-за поворота вышел на плес трехэтажный белоснежный пароход. Он пылал, как костер.

— Вот несчастье-то! — вскрикнул вахтенный начальник. — Нет ли на нем людей?

— Несчастье? — уронил тихо и насмешливо Маркин. — Нет! Это адмиральские фокусы! Думает нас этим задержать!

Гордый, но обреченный красавец шел на сближение с „Ваней“. На нем царил полнейшая тишина. Лишь свистело, урчало и потрескивало пламя, вгрызаясь в деревянную обшивку кают и салонов. Шипели зло, падая в воду, угли и голви. Внутри парохода начали плавиться медь и цинк машин. Белые пары цинка и зеленые — меди, смешиваясь, тяжелым зловещим облаком висели над центром парохода.

Мертвой же тишиной проводил „Ваня“ гибнущее судно. Лишь внизу, на палубе, опять кто-то вздохнул:

— Такая красота гибнет!

— Не их руками строено! Им не жаль! — тоже тихо, но гневно ответил второй голос.

— Впереди, по носу, огонь! — крикнул тревожно сигнальщик.

Из-за поворота вышла наливная баржа-нефтянка. Она горела тускло и чадно, волоча за собою черный хвост удушливого дыма. Она наплывала боком, загордив почти весь фарватер. Маркин бросился к штурвальному:

¹ Корабельный повар.

— Мою команду слушай! Мало влево!.. Так держать!.. Вправо не ходи!.. Сдерживай!..

Баржа прошла близко от борта „Вани“. Пахнуло смрадным жаром. Крупные хлопья жирной копоти усеяли палубу, осели на лицах людей. Они стирали ее, злобно чертыхаясь и облегченно смеясь, одновременно.

Третьим из-за поворота выплыл пристанский дебаркадер. Пересохшее за лето дерево его бортов и надстроек горело ярко, весело, бездымно. И вдруг неистовый вопль, перешедший затем в длительный дикий вой, прилетел с горящего дебаркардера.

Люди на канонерке затаили дыхание. И ясно услышали: жалобно звенит над темной рекой молодой женский голос — в нем слезы, мольба и предсмертная тоска...

— Человек горит!.. Женщина!.. Спускать шлюпку! — закричали на палубе.

— Тихо, братва! — перевесился через поручни Маркин. — Вы что, в трактире? Боцман, спустить шлюпку!

А когда заскрипели шлюпочные тали, Маркин снова спокойно приказал:

— Отставить! И у борта не толпиться. Разойтись по местам!

Моряки удивленно переглянулись. Командир не хочет спасти горящего заживо человека!

Дебаркадер поравнялся с канонеркой. На корме дебаркадера металась небольшая собаченка. Она бросалась то к огню, то к бортам, за которыми плескалась черная страшная вода. И выла тоненько, жалобно, совсем по-человечески.

Дебаркадер проплыл. Река вновь потемнела. Моряки долго молчали, задулавшись. Тогда Маркин скомандовал:

— Подвахта вниз!

И совсем не по-командирски, дружески добавил:

— Вались спать, братва. Копи силы к бою!..

* * *

Утро началось так.

Сначала из серой предрассветной мглы выскочил белоснежный мартын с красноперым окуном в клюве. Он пронесся над самым мостиком. Слышен был шелковый свист его сильных крыльев. Затем открылись неожиданно берега. На левом, пологом, — рощица белых как сахар березок, на правом, крутом, прилепились избы большого села.

— Пьяный бор? — глухим отсыревшим голосом спросил Маркин.

— Оно самое! — ответил штурвальный, старый камский лоцман. — Бойкое село! Богатое. Купчишки живут, окрест хлеб скупают.

А чуть помолчав, добавил:

— Живодеры-купцы! С живого шкуру спустят. От них всякой пакости ожидай!..

Так начался день 1 октября 1918 года, который надолго останется в памяти бойцов Красной волжской речной флотилии.

Когда выплыло и повисло над рекой ленивое, холодное осеннее солнце, Маркин зябко поежился и судорожно зевнул:

— Пойду сосну часок. Итти тем же ходом, не сбавлять. В случае чего — тотчас вестового за мной. Понятно, товарищ вахтнач?

Маркин подошел к трапу, но его остановила зрелая трескотня дизеля. Зарывшись носом в воду, погибельно накренившись на левый борт, стрелой неся дозорный катер. Взмыливая винтом воду, круто застопорил против мостика канонерки. Кто-то в красной кумачевой рубашке крикнул с катера:

— У Зеленого острова колчаковская флотилия!.. Готовятся к бою!

— Откуда знаешь? — перегнулся рывком через поручни Маркин.

— Сам видел!.. Собственноручно!.. — крикнул голос с катера.

— Вот они! Стоят! — нервно вскрикнул вахтенный начальник.

Маркин обернулся.

Вдали мелькнула мачта, тоненькая, как игла. Затем вырисовались трубы, палуба, корпус. Огромный корабль, прямой и длинный, как шпага, стоял посредине реки.

Маркин узнал флагманское судно „Труд“.

Справа и слева от него, построившись в боевой порядок, стояли остальные корабли белых. Они загородили всю реку против села Пьяный Бор¹, имея у себя в тылу Зеленый остров. Туча дыма плавала над рекой. В дыму реяли вызывающе трехцветные флаги.

— Сыпь к „Прыткому“! — крикнул Маркин на катер. — Передай, принять бой!

Затем скомандовал твердо:

— Боцман, свистать всех наверх! К бою!

¹ Теперь — Красный бор.

Серебряной трелью залилась балтийская боцманская дудка. Открыв дверь кубрика, боцман рывкнул оглушительно:

— Пошел все наверх! К бою! — и, снизив тон, добавил насмешливо. — Вылетай, сарынь на кичку!

С шутками, смехом выскочили из кубрика моряки. И притихли, увидав вдали тучу черного дыма, а в дыму многочисленные бело-сине-красные флаги.

— Сколько их! — воскликнул растерянно моряк в брюках с огромным, как ведро, клешем. — Огребем мы полундру!

— Испугался? — спросил насмешливо с мостика Маркин. — Нет, браток, коль полез в драку, не жалея волос!

— Драка драке рознь! — вызывающе ответил клешник. — А тут без толку на верную смерть лезем!

Маркин одним прыжком очутился на палубе рядом с клешником.

— Без толку? К ты знаешь, в чем здесь толк? Смерти испугался? Для моряка смерть только на воде. А ты хочешь по первому разряду похорониться? В глазетовом гробу? Ручки аплике и вместо ножек львиные лапки? Так хочешь? Ты моряк?

— Моряк, балтиец, — гордо ответил клешник, — с „Гангута“.

— Не моряк ты, а клешник панельный! — крикнул сипло Маркин. — Через Обводный на портянке плавал!

— Ты, Маркин, не очень задавайся! — обиженно, но по прежнему вызывающе сказал клешник. — А по-моему надо бы остальную флотилию подождать. Угробят нас белые!

— Флотилию хочешь подождать? — тихо, с недобрим спокойствием спросил Маркин. И резко приказал. — Боцман, спустить шлюпку, быстро!

Боцман бросился к кормовой шлюпке. Палуба затихла, не понимая, что задумал командир. А Маркин рванул клешника за плечо:

— Иди в шлюпку! Съезжай на берег! Дождись на берегу флотилию. Катись с корабля к чортовой матери!..

Моряк побледнел, попятился и, вдруг, рванувшись из рук командира, завопил неистово:

— Маркин, не трогай меня!.. Не съеду на берег!.. Убей лучше!.. Застрели на месте!.. Не сойду с корабля!..

Под пушистыми усами незаметно дрогнули в улыбке губы командира. Он повернулся и пошел к мостику. На ходу бросил:

— На место! После боя пять суток ареста!..

На палубе воцарилась напряженная тишина. Лишь гудели поворотные и подъемные механизмы орудий, приготавливаемых комендорами к бою, да затаенно, зловеще звякали подтаскиваемые к пушкам снаряды.

„Прыткий“ прошел мимо канонерки и занял место за ее кормой, под защитой тяжелых орудий „Вани“.

Маленькая флотилия пошла полным ходом на сближение с мощным неприятелем.

Бой у Зеленого острова начали белые.

Звонко раскатился по реке выстрел трехдюймовки. Это белые погнали наши разведочные катера. Катера выпустили по ленте из пулеметов и помчались к своим кораблям.

— Дробь! — скомандовал в рупор Маркин.

Лязгнули орудийные замки, послав снаряды в патронники.

— Огонь!

Носовая шестидюймовка „Вани“ рывкнула басом. Комендор метил в флагманский корабль неприятеля. Но стреляли с полного хода и потому получился перелет. Белые ответили залпом всех своих кораблей.

Среди разрывов неприятельских снарядов Маркин услышал далеко в тылу заглушенный звук выстрела. Рассчитывая, что это стреляет „Прыткий“, обернулся. Над кормой „Вани“ взметнулся вихрь огня и дыма. Мостик зашатался под ногами Маркина. Сжалось тревогой сердце:

— Стреляют с тыла? Кто?

— Из роши палят! — закричал старик-лоцман. — Гляди на рошу.

Роша белых, как сахар березок, курилась голубоватым дымом. Маркин понял. Стреляла полевая неприятельская батарея, вставшая ночью на замаскированную позицию. Теперь „Ваня“ очутился между двух огней. В лоб била неприятельская флотилия, с тыла обстреливала полевая батарея.

— Это купчишки!.. пьяноборские! — кричал между выстрелами лоцман. — Они белым указали, куда пушки поставить!.. Им места знакомые.

Батарея из роши ударила сразу четырьмя орудиями. Снова вздрогнул мостик под ногами Маркина, опять тупой удар в корму „Вани“, около руля.

— Право на борт! — скомандовал Маркин. Он решил отодвинуться назад

за рошу, чтобы выйти из-под выстрелов береговой батареи.

— Право на борт, говорю!.. Оглох, лоцман?

Лоцман с судорожной быстротой перекидывает рожки штурвала. И, бледнея, опускает руки:

— Руль не работает! Штуртросы перебиты!

Неприятельская граната порвала рулевые связи и свернула набок руль. Теперь „Ваня“ будет кружиться, как в заколдованном водовороте, пока не ткнется в берег или не налетит на неприятельскую флотилию.

Снова залп береговой батареи.

— Пожар!—закричали с кормы.

Над кормой канонерки поднялся столб жирного черного дыма. Снаряд пробил кормовую цистерну с нефтью. Пожарная команда, волоча шланги, бросилась на корму. Миноносец „Прыткий“ пошел было на выручку „Вани“, но на него навалились огнем шесть неприятельских кораблей, и он вынужден был дать задний ход.

„Ваня“ горел. Тяжелый черный дым стлался по палубе, душил людей, гудело пламя, трещало горящее дерево, с грохотом, похожим на выстрелы, лопались стальные заклепки обшивки. Но единственное уцелевшее боковое орудие „Вани“ продолжало бить по неприятельской флотилии. Маркин уже покинул бесполезный теперь командирский мостик. Он сам наводил шестидюймовое орудие.

От четвертого залпа береговой батареи „Ваня“ подпрыгнул, словно конь, вставший на дыбы, задрав высоко свой окованный сталью нос. Маркин, сбитый с ног волной раскаленного воздуха, лежал на палубе и смотрел удивленно на свой командирский мостик. Толстые медные его поручни завились штопором.

Неприятельская граната угодила под командирскую рубку, где сложен был динамит, взорвала его и прошла глубже, в машинное отделение, пробив магистральную трубу. Взрывом обожгло вахтенных машинистов, поранило кочегаров. Старший механик метался по палубе, отыскивая командира.

— Товарищ командир, — остановился он над лежащим около орудия Маркиным, — товарищ командир, машина испорчена, магистраль перебита!

Маркин понял — это конец! Большого

он не может требовать ни от корабля, ни от его команды. С трудом поднялся, встал, пьяно пошатываясь.

— Товарищи моряки, разрешаю оставить корабль. Спасайся, кто может!..

...Прыгали за борт. Плыли к берегу на досках, обгорелых бревнах, плыли без всего, надеясь лишь на силу своих рук. А вода вокруг плывущих вскипала от пулеметных пуль белых. Судорожный взмах руки, короткий стон — один пошел ко дну... второй... третий. Шлюпки с „Прыткого“ и разведочные катера подбирали плывущих.

Лишь на катерах, в безопасности, вспомнили:

— А где же командир? Где товарищ Маркин? — забеспокоился молоденький вахтнач, стоявший с Маркиным ночную вахту. — Стыдно нам, товарищи! Свою шкуру спасли, а командира забыли!

— Вон он! — крикнул клешник-балтиец. — На канонерке остался!

„Ваня“, горел, размахивая пологом черного дыма, словно просило помощи. А на носу канонерки виднелась одинокая фигура Маркина.

Клешник прыгнул за борт катера и поплыл. Чудовищный его клеш вздулся пузырями. Плыл, ныряя от пуль глубоко под воду. На полдороге к канонерке увидел, как Маркин поднес к виску наган. Выстрела не услышал, лишь увидел, как тело командира упало на палубу. Тогда повернулся и, тяжело отдуваясь, поплыл обратно к катеру.

* *

Маркин выполнил свою задачу до конца. Получившая повреждения белая эскадра задержалась у Зеленого острова и здесь ее настигли главные силы красной флотилии. В ночном бою белые были разбиты, потеряв свое флагманское судно „Труд“. Оно выбросилось на берег и легло борт о борт с полусгоревшим „Ваней“, вынесенным сюда течением.

Это была последняя попытка белых сражаться с нами на воде. После боя у Зеленого острова они ушли с Камы в Белую и заминировали за собой ее устье.

Но это были последние судороги белых. 1 июля, красные вступили в Пермь.

Началось освобождение Урала от белых.

— Рассказ И. НОВОКШОНОВА

„Прикрыть доступы к Екатеринбург по Западно-Уральской железной дороге и держать, во что бы то ни стало, Нязе-Петровск“. (Из приказа командующего Нязе-Петровской группой Красной гвардии т. Пальвадре).

„Одна из рот Московского полка Нязе-Петровской группы была укомплектована исключительно двумя патриархальными семьями: Кабаковых и Глухих (3—4 поколения) — деды, отцы, сыновья и внуки“. („Гражданская борьба на Урале“. — И. Подшивалов. Стр. 159).

Ефим Васильевич Глухих, узнав, что красногвардейские отряды под Златоустом и Кусинским заводом потерпели поражение и отступают к Нязе-Петровску, решил созвать на совет весь свой род.

— Петюшка, — позвал он внука, — беги-как нашим и скажи, што, мол, дедушка зовет к себе всех и штобы, мол, обязательно сейчас же приходили.

— А кого позвать-то? — выслушав деда, переспросил Петя, — и дядю Ваню, и дядю Костю, и дядю Гришу, и тетку Лизу, и всех?..

— Зови всех! И Петю, и Ваню, и Костю, и штобы ребята ихние тоже приходили.

— Ладно, сейчас, — и через минуту Петя уже мчался по улице, подымая пыль босыми ногами..

На семейный совет собрался весь многочисленный род Глухих, за исключением четырех сыновей, ушедших в Красную гвардию.

Ефим Васильевич был необыкновенно суров в этот вечер. Отвечая коротким кивком головы на приветствия детей и внуков, он не переставал что-то бормотать про себя и изредка сердито отплевывался.

Окинув взглядом всех собравшихся, он остановился посреди комнаты и спросил:

— Слыхали?

— О чем, дедушка? — не понял один из внуков — шустрый Володя.

— О белых. Сюда идут, — еще больше нахмурился Ефим Васильевич. — Што делать-то будем? А?

Наступило тягостное молчание, прерываемое лишь тяжелыми вздохами женщин.

— А что мы можем сделать? — нарушил молчание внук Константин. — Скрываться придется. В горы уходить.

— Ну и дурак! — резко оборвал внука Ефим Васильевич. — „Скрыва-аться“... — презрительно передразнил он его, — по твоему, значит, нас это не касается, пусть убивают твоего отца, тебе все равно. Так, што ли?

— Я, дедушка, ведь так сказал... Не подумал, — стал оправдываться Константин.

— Не подумавши-то только кукушка кукует, — и, немного помолчав, добавил:

— Силы у наших, у красных-то, мало. В этом весь вопрос. Я вон со стариком Михеичем сегодня толковал, он то же самое говорит. В Красную гвардию-то надо бы всем рабочим итти, тогда никакие белые нас не возьмут. — Завтра мы на заводе толковать будем об этом. Нашто я старик — и то пойду.

— Ты-то куда уж, — замахала на него руками бабушка Василиса.

— А што ж я? По-твоему, я на печи должен сидеть, што ли, а ребят пусть убивают. Да я лучше сам еще десяток-другой этих благородий уложу, а не то што...

Ефим Васильевич, разгорячившись, ходил по комнате, размахивая руками. Глядя на него, не верилось, что ему уже около восьмидесяти лет, настолько он еще был бодр и его движения были уверенны и сильны.

Остановившись на минуту, он вдруг стукнул кулаком по столу.

— Я этим негодяям по смерти не забуду, как они меня в девятьсот пятом нагайками пороли. Завтра же штобы все записались в Красную гвардию. Вот мой сказ!

Бабушка Василиса хотела что-то сказать, но, посмотрев на мужа, махнула рукой и, утирая фартуком слезы, пошла на кухню.

* * *

Противник подошел неожиданно.

Возвратившаяся утром разведка донесла, что ни белых, ни чехо-словацких войск нигде не видать.

Никто из красногвардейцев не сомневался в том, что белогвардейцы так или иначе, днем позже, днем раньше, поведут наступление на Нязе-Петровск и что бой неизбежен, и готовились к этой встрече.

Силы красногвардейского отряда были распределены по участкам. Каждая группа получила определенную боевую задачу. Только одно обстоятельство не было предусмотрено командованием отряда.

Как правило, глубокая разведка командованием отряда посылалась только на ночь. С рассветом она возвращалась в отряд и вся охрана фронта ложилась исключительно на заставы и цепь дозорных, выставленных на опушке леса и предгорью.

Белогвардейцы и чехо-словаки учли это обстоятельство, и это позволило им внезапно появиться под Нязе-Петровском.

Ровно в полдень противник открыл огонь по заставе Белорецкой дружины и она вынуждена была отступить.

Третья рота Московского полка, стоявшая справа от Белорецкой дружины после отхода заставы, первой приняла на себя удар соединенных чехо-словацких и белогвардейских частей.

Укрывшись за большим пеньком на опушке леса, Ефим Васильевич видел, как перебежками приближались белые. Видел, как в кустах промелькнул перетаскиваемый тремя белыми пулемет.

Рука невольно потянулась к лежавшей рядом винтовке, но, вспомнив приказ командира роты, воспрещавший открывать огонь без его команды, Ефим Васильевич выругался.

— Чего он там смотрит, — проворчал он, оглядываясь назад и увидев, что

укрывшийся рядом с ним племянник Костя целится, тихо окликнул его:

— Костя!

Костя, опустив винтовку, повернул голову и вопросительно посмотрел на деда.

— Ты што же забыл, што ротный приказывал, — сердито прошептал Ефим Васильевич.

В этот миг где-то совсем рядом, не дожидаясь команды, один за другим прозвучало несколько выстрелов.

— Вот черти! Не могли подождать... — возмутился Ефим Васильевич, поднимая винтовку.

— А ну-ка, Костя, — крикнул он внуку, — бери вон этого справа, — указал он в сторону белых, где виднелось несколько черных точек, — а я этого слева.

Видно было, как после их выстрелов у белых кто-то взмахнул руками.

— А ну-ка еще, — щелкнув затвором, внимательно всматриваясь в чуть колеблемый ветром кустарник, приказал Ефим Васильевич.

Встреченный частым ружейным огнем противник залег в кустах и через несколько минут на занятый третьей ротой лес обрушился свинцовый ливень пулеметного огня.

— Ишь прохвосты как жарят, — прошептал Ефим Васильевич, разряжая одну обойму за другой.

— Дедушка, а дедушка, — чуть слышно донесся до Ефима Васильевича голос.

Не снимая руки с затвора, он обернулся на зов.

Внук Костя, с искаженным от боли лицом, как-бы ничего не соображая, продолжал дергать его за ногу, беспрестанно повторяя:

— Дедушка, а дедушка?

— Ну чего тебе, — подполз к нему Ефим Васильевич.

— Меня... сюда... — еле выговаривая слова, произнес Костя, указывая на живот.

— Сейчас... — и Ефим Васильевич хотел помочь внуку перевязать рану, но в этот миг недалеко от него раздался крик, и он невольно оглянулся.

Второй его внук Василий, приподнявшись на колени, вдруг взмахнул руками и упал навзничь, а со стороны белых пулемет, не переставая, посылал свинцовый дождь.

— Эх, жалко Васю, — прошептал Ефим Васильевич, — хороший был парень, — и склонился над Костей, доживавшим последние минуты.

Судорожно цепляясь руками за траву, Костя пытался подняться на колени, но тотчас же падал.

— Костя... внучек...— тормошил внука Ефим Васильевич, называя его нежными именами, но Костя уже ничего не сознавал.

На губах у него выступила кровавая пена. Он жадно ловил ртом воздух и, вдруг вытянувшись, захрипел.

Ефим Васильевич понял, что его помощь здесь бесполезна. Склонив седую голову, он думал о гибели второго, цветущего здоровьем внука.

Он как бы позабыл, где находится, и только внезапно наступившая тишина вызвала его из оцепенения.

Пулемет белых прекратил обстрел.

С громким „ура“ белые пошли в атаку.

— Рота, пли! Рота, пли!— не переставая, кричал командир третьей роты.

Ожесточенным ружейным огнем красногвардейцы отбивали идущего на приступ врага. Видно было, как под огнем красногвардейцев падали атакующие, но на месте упавших вырастали новые цепи.

До опушки леса оставалось каких-нибудь шагов сто, когда Ефим Васильевич, встав во весь рост, закричал.

— Товарищи! Ребята! Бей их, негодяев,— и первый бросил в цепь наступающих ручную бомбу.

Его примеру последовали и остальные красногвардейцы. Взрывы ручных гранат смешались с ружейной трескотней.

Атака была отбита. Белые залегли в кустах и вновь зарокотал пулемет.

К Ефиму Васильевичу подполз старик Михеич, сыновья и внуки которого тоже были в этой роте.

— У меня Семена и Прохора убили, а Афоньку ранили,— наклонившись к уху Ефима Васильевича, прокричал Михеич.

— У меня вон тоже,— указал назад Ефим Васильевич, где лежал мертвый Костя.

Белые вновь поднялись в атаку и на этот раз ни ружейный огонь, ни бомбы не могли остановить их шествия.

— Ребятунки! Братцы!— кричал Ефим Васильевич, бросаясь с винтовкой на белых.— За мной!

Старик Михеич был рядом с ним.

Незабываемую картину представляли эти два старика с обнаженными головами, с развевающимися по ветру седыми бородами.

— Царя захотели! Я покажу вам царя!— выкрикивал Ефим Васильевич отдельные фразы, отбивая сабельные удары.

— Михеич, берегись!— оттолкнул он своего друга и в следующее мгновение тяжелый приклад его ружья размозил голову поручика.

— Царя вам надо!— все более ожесточаясь, почти в каком-то бреде, не переставая, кричал он, сыпля удары направо и налево.

Старик Михеич, спасенный от смерти Ефимом Васильевичем, еле успевал отбиваться от наседавших на него белых. Не имея времени посмотреть по сторонам, он то и дело звал своих, повторяя:

— Детишки! Сыночки...

Удар штыком в грудь свалил Михеича, и вокруг его трупа завязалась борьба.

— Тятю убили!— не своим голосом, перекрывая шум боя, закричал Иннокентий.

Ефим Васильевич видел, как упал его друг Михеич.

— Так, значит,— процедил он сквозь зубы и с такой стремительностью обрушился на белых, что небольшая группа их невольно подалась назад.

Рассыпая направо и налево удары, он видел перед собой только врагов. Жажда мести за погибшего друга, за погибших детей и внуков и за всю прошлую подневольную жизнь проснулась в нем с дикой силой.

Однако силы были неравны. Третья рота, задерживая наступление противника, была уничтожена.

Пал сраженный ударом штыка командир роты. Пали цветущие здоровьем, еще только начинавшие жить внуки и дети Ефима Васильевича и Михеича, и только один Ефим продолжал еще борьбу.

— Ребята! За мной!— не переставая, кричал он, призывая своих детей, но его крик оставался без ответа.

В тот миг, когда пожилой офицер выстрелил в него, он, падая, еще успел крикнуть:

— Ребята! Держись!

— Сумасшедший дед!— проговорил офицер. Наклонившись над Ефимом Васильевичем, он хотел взять из его рук винтовку, но и мертвым „сумасшедший“ дед не хотел выпускать из рук того оружия, с которым он боролся всем своим родом за счастье трудящихся.

Горная Кувальда

Рассказ об асбесте СЕРГЕЯ БУДИНОВА

I. Чего-то нехватает

1

Из глубин земного шара на поверхность земли были извергнуты огненно-жидкие массы — габбро, имеющего в себе небольшое количество полевого шпата, слюду, перидотит, пироксенит, дунит — породы преимущественно темного цвета. Серпенс — по-латыни — змея. Серпентин, или змеевик — горная порода, образовавшаяся из перечисленных выше изверженных пород. Породы остыли и закристаллизовались.

Но земной шар жил. Земная кора дышала. Горообразовательные явления не прекращались. Извержения повторялись.

И вновь под гул в недрах земли, под сотрясение почвы, в парах, в облаках газа, в венце из пепла и камней, брошенных на много километров ввысь, извергались накаленные до тысячи градусов огненно-жидкие массы, коверкая, химически изменяя извергнутые ранее породы.

2

Забойщик работает кайлом, лежа на боку в темном забое. Жарко и душно на такой глубине. Ползут по телу грязные потные потоки. Угольная пыль разъедает глаза. Пробует забойщик надевать очки, да ничего не получается. Потеют стекла, мутнеют, а вытереть нечем. Ладно, и так хорошо. Откатчики ждут. Давай уголь! Отгребай, грузи! Мало, мало! Еще! Стране нужен уголь. Топки паровозов ненасытны.

Забойщик работает равномерно и точно. Поднимает руки и острием кайлы подрубает породу. Хороший уголь, жирный. Он вгрызается в пласт, думая о паровозных колесах, бегущих по рельсам, о красных товарных вагонах, груженных лесом,

зерном, машинами, рудой. В каждом восемнадцать тонн. Это уже вес! Над этим можно попотеть. Товарный состав едет, пока его тянет паровоз. Паровоз тянет, пока есть давление пара. Нужен уголь. Еще, еще... Чорт возьми! Ну и спешка! Мрак. Полный непроницаемый, как уголь, жирный на-ощупь. Проклятая лампа! Вторично за день подводит. Потухла, окаянная!

Забойщик нащупывает лампу, бросает кайлу и ногами вперед вылезает из забоя. Здесь на подпорке висит другая лампа. Ее нельзя брать. Она освещает вход в забой. Иди теперь чорт знает куда и доставай горящую лампу. Эту, потухшую, под землей, зажечь нельзя. Во-первых, она герметически заперта, во-вторых, попробуй, чиркни спичкой. Не успеешь и прищуриться, как полыхнет огонь, тебя схватят огненные струи, швырнут о землю, помчатся по шахте, вырывая крепления, калеча людей, поджигая уголь. С гремучим газом шутки плохи.

Идет забойщик к клетке. Пусть обменяют ему лампу. Он скажет, что виноват, что надо было опривить фитиль, посмотреть утром, не короток ли.

— Виноват... Как же, так я и повинюсь! Шляпы вы с вентиляторами, а не инженеры. Вот сегодня же на собрании заявлю, чтобы непременно эти фитили заменили во всех лампах несгораемыми, как на других шахтах, пропитанными асбестом.

3

Химическая формула углекислоты — газа, выделяющегося при всяком горении: одна частица углерода и две частицы кислорода — CO_2 . Формула воды: две частицы водорода и одна частица кислорода — H_2O . Магма, извергающаяся из недр, выделяет углекислоту и воду, превращенную в пар. Под страшным давлением

находилась расплавленная порода. Газы и водяные пары искали выхода. Вот выход найден. Из кратера поднимается столб пара. Летят камни, сыплется пепел. Лава течет по склонам гор. Освобожденные пары и газы буравят землю, раскаляют земную кору и вырываются на поверхность, по дороге испепеляя своим жарким дыханием одни породы, превращая другие в кристаллы, в пыль.

4

Техник Монета наклонился к канадскому специалисту Магги и крикнул:

— Через час домна даст чугун!

Собственно говоря, канадец был на заводе гостем, и его это мало должно было интересовать. Но техник Монета хотел показать не только свои асбестовые разработки, но и по возможности все заводы в окрестности. Показать, что Урал дымится весь сразу, по всей своей территории и днем и ночью, что зажжены все домны, пылают все горны.

Нет, конечно техник Монета не был хвастуном, до этого далеко, недостатки он мог так же хорошо выявить и объяснить, как и достижения. Он просто очень любил свое дело и в каждом деле в Союзе, казалось, был кровно заинтересован.

А Магги было безразлично все, кроме интересов своей фирмы. Канадец высок и худ. Лицо малоподвижно. Улыбка — быстрый оскал зубов при настороженном взгляде серых глаз. Прежде чем стать агентом фирмы, пришлось поступиться совестью. Но жертвы дали результат.

Канадец Магги был представителем фирмы, диктующей рынку свои условия. Представителем — со всеми вытекающими последствиями. А это, кажется, все. И вывести Магги из равновесия могло лишь что либо необычное. Потому-то, когда он увидел рабочего, открывавшего топку, у него вдруг засверкали глаза и презрительная улыбка застыла на лице. Когда Магги выражает презрение, надо учесть, так как оно, как и все, принадлежащее фирме, стоит столько-то долларов.

Техник Монета тоже посмотрел на рабочего, открывшего топку.

Рабочий орудовал длинной кочергой. В домне ревел пламя. Языки его по временам высывались из топки, словно лоя рабочего. Кочегарка накалялась. Рабочий танцевал. Он изгибался, спасаясь

от жарких выходов, прятал лицо, отворачивался, спешил, обливаясь потом. Красные отсветы плясали по голому телу. Одни только блики, казалось, могли сжечь кожу, мясо и кости. Рабочий задыхался. Что-то крикнул, чего нельзя было разобрать, бросил горячую кочергу, схватил другую и ловко вытащил громадный кусок шлака. Из последних сил закрыл дверцу и в изнеможении опустился наземь, на имея даже сил зачерпнуть деревянным ковшом воды из чана, чтобы облить пылающую, зудящую кожу и напиться.

Магги продолжал улыбаться.

Техник Монета подошел к рабочему. Кругом столпились его товарищи. Кто-то из них крикнул:

— Сколько раз мы говорили заводоуправлению. Точка! Чтобы завтра же были фартуки, рукавицы и маски!

Другой поддержал:

— Монета, товарищ Монета, что вы там делаете? И мы по плану работаем. Где ваша продукция?

Третий перикричал шум:

— Дали нам фартуки — сгорели. Дали рукавицы — сгорели. Выдали наколенники — сгорели.

Рабочий отдышался. Видно было, как билось меж ребрами сердце, толчками сотрясая грудь. Он сказал:

— Из шерсти, из брезента, из кожи одежда не годится. Пойдем сегодня в завод, чтобы завтра же были у нас настоящие...

— Маски!

— Фартуки!

— Наколенники!

— Рукавицы!

— Что говорят? — спросил канадец.

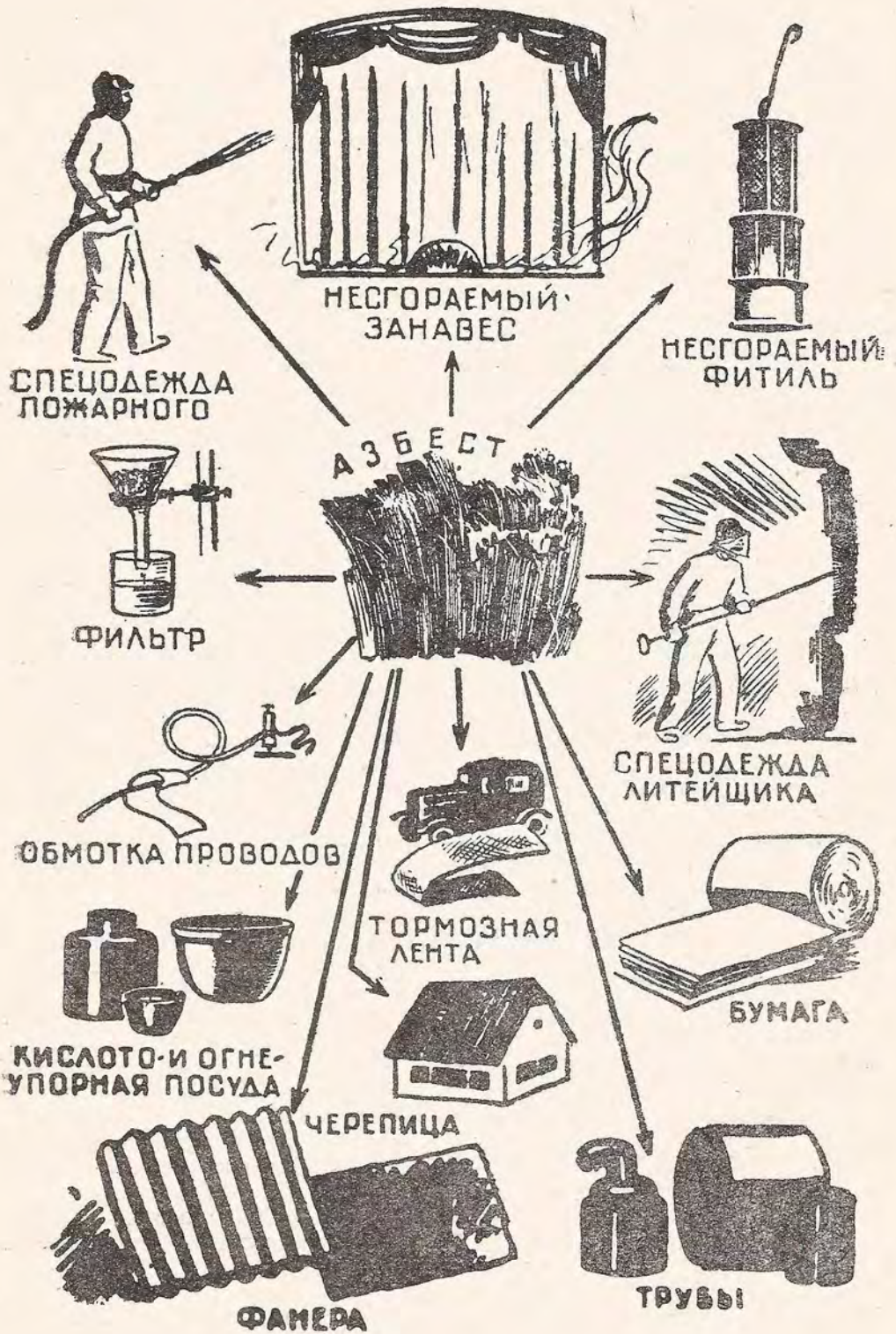
— Требуют, — ответил техник Монета, — требуют спецодежду из негорячего, нетеплопроводного асбеста.

5

Основные породы выбросились на поверхность земной коры. Процесс горообразования еще не закончился. Он вновь и вновь начинается, сопровождаемый извержением кислых пород, содержащих значительное количество газов. Происходит непосредственный контакт с основными породами. Земля трескается, Пары и газы мчатся по извилистым трещинам, заполняют их и изменяют их строение. Основные породы — оливин и пироксен преобразуются.

Расшифруем химические уравнения.

ЧТО ДАЕТ АЗБЕСТ

Или: шесть частиц водяных паров и одна частица кислорода, действуя на три частицы оливина, дают в результате три частицы змеевика (серпентин) и одну минерала магнетита.

Или: три частицы углекислоты, четыре частицы водяных паров и одна частица кислорода, действующие на три частицы оливина, дают одну частицу магнетита, три магнетита, две кварца и две частицы змеевика.

Или: три частицы углекислоты и две частицы паров, действуя на три частицы пироксена, дают в результате четыре частицы кварца, три частицы кальцита и одну змеевика.

Итак, в конечном итоге мы видим, как рождается змеевиковая порода.

6

Клуб „Заря Коммуны“ полон зрителями. Сегодня спектакль. Выступают любители. Переносный киноэкран убран, на блоках висит широкий складчатый занавес. За ним движение, стуки молота, поспешные шаги, выкрики.

В зале в первом ряду сидят на одной лавочке канадец Магги, техник Монета, Пепельный с Пепельной. Народу много.

Время начала прошло. Ожидание становится жарким и нетерпеливым.

Зачем сюда пришел Магги? Потому, что техник — очень добросовестный провожатый. Он внимателен к канадцу, чрезмерно предупредителен, готов на выдачу любой справки, почти настаивает, чтобы все сведения заносились гостем в блокнот. Техник Монета смотрит на блокнот канадца совсем как на свой собственный.

Может быть для этого имеются особые причины?

Магги уже знаком с Пепельными. Он не знает еще, как на них смотреть. Не решил. Ведь это немного необычно для него, хотя он и был подготовлен буржуазной прессой ко всему невероятному. Муж и жена отдают ребенка, недостигшего еще трехлетнего возраста, в детские ясли. Ясли преспокойно на весь летний сезон вывозают в лес, подальше от дымных заводов, и родители видят ребенка раз в неделю, и то если захотят сами, и то через забор и чтобы ребенок их не увидел.

Магги еще не решил, что это: жестокость, необходимость, вытекающая из странных экономических соотношений, простота нравов или действительно

что-то от химерического коммунизма, дающего ростки в быт. Во всем следует разобраться.

Только что техник Монета, взяв за локоть Магги, хотел ему сказать, что сейчас начнется спектакль, как на сцене за занавесом крикнуло сразу несколько голосов, кто-то споткнулся, выронил что-то, зазвенело, разбиваясь, стекло, запахло керосином, и в наступившей тишине совершенно беззвучно гибкий язык пламени охватил край занавеса.

— Пожар!

Огонь прыгнул на складку и пополз вверх. Магги в панике поднялся. Но техник Монета заставил его сесть, положив ему свою тяжелую руку на плечо. Магги услышал, как техник крикнул:

— Спокойно! Открывайте запасный выход. Не опрокидывайте скамеек. Выйти успеем все. Нас немного. Спокойно. Спокойно! Ребята, срывай занавес.

Под красной электрической лампочкой открылась широкая дверь в прохладный мрак звездной ночи. Высокое спокойное небо, неподвижные черные контуры гор, медлительное журчанье речки действовали, как и властное распоряжение техника.

Магги, вышел не торопясь. Но видно было, только ждал прыжка какого-нибудь зрителя, паникой превращенного в зверя, одного лишь истерического вскрика, чтобы внезапно броситься напролом, подмять под себя первого попавшегося и попасть самому под ноги толпы.

Этого не случилось. А в зале занавес был сорван, огнетушители, шипя, погасили огонь, лужа керосина засыпана песком. На все ушло не больше пяти минут. Половина зала еще не успела выйти.

— Молодцы! — крикнул кто-то из толпы, — с вами не пропадешь.

— Не молодцы, а олухи, — возразил Пепельный. — Не пожар надо тушить, а меры принять, чтобы его не было. Месяц к постановке готовились и сорвали.

Иванов, заведующий клубом, выпачканный в саже, махнул рукой.

— Исправим, братишка, приходи завтра. На ять спектакль проведем.

Пепельный возразил опять:

— Надо было сегодня проводить. Головы где у вас? Хорошо, что все обошлось. Не тряпку вам надо вешать вместо занавеса, а настоящий театральный занавес, из несгораемой асбестовой ткани.

...При этом процессе превращения основных пород в змеевик масса породы увеличивается. Ее пересекают новые трещины, и змеевикование продолжается, пока вся масса не перейдет в змеевик с жилкам благородного змеевика, магнетита, кальцита.

Серпентин — темнозеленого цвета. От действия кислот не изменяется. Разламывается при ударе на куски. Змеевик — соединение двух минералов, — антигорита и хризотила. Химические и физические их свойства тождественны. Но антигорит, растущий во всех направлениях с одинаковой скоростью, имеет пластинчатое сложение, а хризотил, растущий только в одном направлении, состоит из вытянутых кристаллов.

Камни живут. Камни могут вырасти и красавцами и уродами.

В антигоритовом змеевике преобладает антигорит, и излом породы из-за пластинчатого строения имеет плоско-раковистый. Излом хризотилового змеевика, насыщенного хризотилом, шероховат. Опытный геолог всегда скажет, из какой породы образовался данный кусок серпентина, так как в нем всегда имеются участки, не озмеевикованные до конца. Далее мы рассмотрим происхождение в змеевие асбеста.

На юге, в большом винном подвале винодельческого совхоза, в тоннеле рабочий фильтровал каберне, темнокрасный густой сорт вина. Рабочий поступил в подвал недавно и, получив распоряжение бригадира, не успевшего подробно объяснить, в чем заключается фильтрование, решил произвести его на свой риск и страх. Перед этим ему дали маленький фильтровальный аппарат.

Решительно и не задумываясь, рабочий разобрал его, повертел в руках какую-то странную серую, мягкую на ощупь массу и выкинул ее, определив как бывшую в употреблении вату, негодную для нового фильтрования. Выкинутое заменил куском чистой полотняной тряпки и ватой. Собрал аппарат, наполнил вином и начал фильтрование.

Из крана в бутылку стекали редкие рубиновые капли. Сперва вино шло мутной струйкой, а капать стало потом. Весь день убил рабочий на фильтрацию нескольких литров.

Перед шабашом понес пробу в лабораторию.

Лаборант, только приняв стакан с пробой, покраснел, оглянулся и, поманив к себе рабочего, крепко выругался.

— Что ты принес? Это же не вино. А запах, — лаборант понюхал, — да оно через день превратится в уксус. А цвет, — лаборант поднял стакан и посмотрел сквозь него, — это же помой. Что ты делал? Как фильтровал?

Рабочий рассказывал, а лаборант засмеялся. Потом стал серьезным.

— Я объясню тебе твою ошибку. Выкинь тряпку и вату. Они делу не помогут. А ту серую гадость собери, промой, высуши и положи в аппарат. Через нее можно фильтровать, — и лучшего фильтра пока еще не придумано, — воды, кислоты, хотя бы серные, какие хочешь масла, вино и газы. Да, да, газы. Это ты не дрянь выбросил, а замечательный фильтр из... асбеста.

...Все произошло очень быстро. Первым вошел в помещение электростанции канадец Магги. За ним техник Монета. Обоих сразу поразил запах горячей ткани и резины.

Техник оглянулся. Горели провода у электромотора. Электротехник сидел у стола, склонив голову на вытянутые руки. Он спал. Машины работали. Моторы были перегружены работой. От моторов требовали все, что они могли дать. Но нужен был уход, а электротехник спал. Провода горели. Магги взглянул на распределительную доску. Монета понял — следовало выключить мотор. Монета крикнул:

— Эй, хозяин, проснись! Мотор горит!

Электротехник вскочил, недоуменно обвел пустым взглядом помещение, увидел огонь и дым и... кинулся не к рубильнику, а к мотору. Монета предупредил намерение электротехника, хотевшего рукой, ничем не защищенной, погасить горячую обмотку медного, раскаленного от высокой температуры провода.

— Мотор выключай! — рявкнул Монета. — Вот балда, — добавил он, трясущимися руками вытаскивая папиросу из кармана, когда электротехник успел выключить мотор. — Таких и свет не видывал!

Канадец бесстрашен. Что стоила жизнь одного человека, погибшего из-за собственной неосторожности! Прикоснись

спросонья электротехник к проводу, его бы убил ток.

Канадец повернулся к выходу. Здесь ничего не было примечательного. Пошел за ним и Монета. Стоя в дверях, техник обернулся.

— Слушай, хозяин, чтобы этих казусов не было больше. Чтобы обмотки не горели от перенакаливания, примени-ка ты метод изоляции, какой практикуется при изолировании арматурных секций и подземных кабелей — из хорошей тесьмы неэлектропроводного асбеста.

10

...Помните, мы говорили об образовании в змеевике трещин. Гнались по ним, как по трубам, газы, пары и другие горячие растворы. В этих растворах был растворен змеевик. Температура нагрева по мере удаления от источника понижалась. Раствор остывал, а избыточный змеевик в виде тонкоигловчатых кристаллов, тесно из-за давления прижатых друг к другу, выделялся по трещинам.

11

Канадец сел в автомобиль и посмотрел на часы. 10 часов вечера. Точность и предупредительность изменили Монете. Он должен был здесь быть еще в 8 часов. Управление чугуноплавильного и сталелитейного завода любезно предоставило свой форд к услугам канадца. В полчаса шофер доставит его на асбестовые разработки, несмотря на темень, на приближающуюся грозу. Что-либо очень важное задержало техника. Он даже не позвонил по телефону. Слишком мелочный повод, чтобы стоило сердиться. Магги спокоен и равнодушен.

Сирена автомобиля крикнула диким павлиньим вскриком. Зажглись фары. Магги откинулся на спинку сиденья. Автомобиль выехал из ворот заводского двора. На разработки вела довольно сносная дорога. Сперва она делала петлю между двух холмов, потом, окруженная густым лесом, всползала на гору, откуда вел к самым разработкам крутой спуск.

Молчаливые сосны и ели казались в темноте еще выше. Их черные контуры проплывали назад и позади смыкались с чернотой леса. Фордик фыркал и подпрыгивал, выпуская клубы вонючего дыма. Дорога огнями фар освещалась мет-

ров на десять вперед. По бокам полосы света насторожилась тьма.

Вот фордик с трудом влез на гору. Магги выпрямился и поправил шляпу. В лицо дунул свежий ветер. Прямо, на востоке, вспыхивали зарницы, словно кто-то, спрятавшись сам и утаив огонь, бросал от разной величины зеркал отсветы на тучи, нависшие низко и тяжело. Иногда ворчал гром.

Фордик бесстрашно начал спуск. Но что-то случилось с тормозом. Фордик не желал останавливаться сразу, и колеса его визжали так резко, что Магги морщился. Шофер вполголоса ругался.

— Чорт бы его побрал, этот металлический тормоз. Сносился уж, дьявол, хоть палки вставляй в колеса!

Канадец, видя неладное, хотел было тронуть одним пальцем кожаное плечо шофера и предложить вылезти и дойти пешком до конца спуска, как шофер крикнул:

— Держись крепче, Америка, тормоза не держат!

Фордик катился вниз. В ушах рос визг и скрежет. Магги выпрыгнул из машины. Шофер повернул руль и тоже выпрыгнул. Еще момент и фордик, прыгнув с дороги, уткнулся в канаву, задрав вверх задние колеса.

— Не будь меня звать Иохан Оя, если это не он, — шепнул рабочий.

Шофер не просил извинения. Сбросить машину в канаву было единственной мерой предупреждения нарастающей катастрофы. Шофер отошел и сел на камень. Магги наклонился, ища шляпу. В этот момент их залил свет фар выехавшей из-за густого кустарника, заслонявшего поворот, большой, длинной машины. Магги спокойно поднял и надел шляпу. Канадец без тени улыбки слушал извинения Монеты, внезапно вынырнувшего из темноты.

— Ихний форд никуда не годится. Это же известно всем курицам в округе. Пожалуйста пересядьте в этот автомобиль. Я запоздал. Пошли садиться.

— Товарищ,— из темноты донесся голос шофера,— у меня тормоза металлические...

Монета ответил иронически:

— Нет у тебя в голове никаких тормозов. Ты должен был бы заменить металлические тормоза тормозной лентой из смеси латунной проволоки с асбестом.

12

Тонкоигольчатые кристаллики нарастали друг на друге перпендикулярно стенкам трещины, от них к середине. Лаборатория природы работала точно, без перебоев. Конечно на это уходил не один год. Кристаллики продолжали расти, пока не заполнили всех трещин. В середине образовалась „просечка“— тонкая жила, заполненная магнетитом. Если кристаллики росли только с одной стороны трещины, то „просечка“ сдвигалась в сторону или проходила совсем около стенки.

Этот описанный нами сложный, медлительный процесс образования кристалликов в трещине называется генезисом, т. е. происхождением, рождением минерала асбест.

13

Огонь — стихия. Огня бояться. Заключенный в домне, плавит чугун и сталь, спаивает металл с металлом, печет в печах хлеб, нагревает воду в паровых котлах, сжигает траву на полотне железной дороги, избавляя рабочих от кропотливой ручной полки; огонь в быту — освещает, варит пищу, греет дома; в военной технике — сжигает людей, поджигает здания, освещает участки боев; вырвавшись из подчинения воле человека, лесным по-

жаром мчится по огромным пространствам, сжигает отдельные дома, села и города.

Человек старается уберечь от огня самое ценное, чему он придает особую важность, в частности, исторические документы. На чем писать и куда прятать? Сгорают папирус и кожа, плавятся свинец и олово, скручиваются листы из меди, стали, железа, алюминия, кирпич с клинообразными письменами трескается и крошится. И человек решил писать в таких случаях на бумаге, сотканной из волокон асбеста.

14

Гнейс, директор лаборатории, отлично говорил по-немецки. Монете это обстоятельство, судя по сумрачному виду лица, не нравилось. Надо заметить вскользь, что Монета имел особые причины держать канадца под добровольным неослабным контролем. Маленькую тайну читатель узнает после.

Гнейс говорил. Магги записывал.

— В стенках лаборатории мы его, — директор кивнул в сторону Монеты, — испытываем. — Магги улыбнулся быстро и вежливо, поняв переносное значение фразы.— Все свойства испытываем. Чтобы повысить производительность и качество до полного удовлетворения спроса и победы конкуренции на мировом рынке. Запишите.

— Мы работаем в полном контакте с рабочими ударными бригадами, с кружком изобретателей и рационализаторов... Простите! Ага, это вы запишите, а через часок этот контакт, связь, спаянность вы увидите на деле. Вы говорите — любопытно? Но это закон, необходимость, основа нашего производства. Я потом спрошу вас, какие экономические и другие причины толкают на Западе улучшение и изобретательство?

У канадца немного покраснели кончики ушей. Не смеется ли директор? Вероятно он читает газеты. Пресса достаточно осведомлена о сокращении производства, о поломке сложных машин и переходе работ на примитивы, отжившие лет сто — полтораста назад, о ликвидации огнем и потоплением готовой продукции.

— В частности,— продолжал Гнейс,— я всегда удивляюсь его кислотоупорности. Ни соли, ни любые кислоты не сожгут, не изменят кислотоупорного невыщелачиваемого асбеста.

... Процесс образования — гнездами — в трещинах змеевиков породы тонко-гольчатых кристалликов асбеста вам показан.

Пусть читатель считает первую главу предисловием, но она была необходима. Иначе читатель в конце повествования обязательно спросил бы: откуда произошел асбест? Пришлось бы возвращаться вспять.

Канадец и техник Монета существуют в действительности. Прежде чем встретиться на Урале, на разработке месторождения асбеста, они встречались ранее. Магги об этом незначительном факте забыл.

О том, как он вспомнил о технике Монете, об обработке и обогащении асбестовой руды, будет рассказано дальше.

II. Канадец смотрит и слушает

1

Магги приложил к глазам бинокль. Пояснения давал Монета — неразлучный спутник канадца.

— Мы находимся на юге, против середины стороны треугольника, образуемого железнодорожными путями. Смотрите на карту. Слева, на запад — Свердловск, справа, на юго-востоке — станция Богданович, впереди, на северо-востоке станция Егоргино. Три угла, соединенные железной дорогой, образуют треугольный сектор — одно из богатейших месторождений асбеста.

Магги смотрел на запад. В окулярах бинокля проплывал пейзаж. Горный Урал демонстрировал себя. Пряталась в лощинах Исеть-река. В тех местах зелень была гуще и свежее. Высилась гряда Скитский угор, за ней Левина гора. Горы разобщены и неправильно расположены. Ничто не указывало на то, что севернее возвышается водораздельный кряж.

— Вот здесь, недалеко от Свердловска, академик Паллас предлагал соединить бассейны рек Камы и Оби, — Монета раскинул руки, — запад и восток, соединив каналом Чусовую с Исетью.

Канадец повел бинокль дальше.

Свердловск, получивший еще в 1781 г. в бытность свою Екатеринбургом, губернский герб с символическими серебряной плавильной печью и рудокопной шахтой на зеленом поле, прятался в котловине. Севернее высилась нагроможде-

ния из толстых гранитных плит, напоминая развалины башен. Эти скалы носят название Шарташских каменных палаток. Выше в котловине, поднятой над местностью на 22 метра, сверкало Шарташское озеро с берегами, усеянными гранитными валунами. Волчьей горой за Свердловском кончался водораздел. Он был выше гор, окружающих город. Где покрытые лесом, где голые, они тянулись на север сплошной громадой.

— Там проходит вторая сторона нашего треугольника, — Монета показал на северо-запад.

— Сто двадцать один километр от Свердловска до Егоршина.

Канадец круто повернулся к востоку. Здесь горы мельчали, принижались и круто переходили в необъятную плоскость.

Бинокль направился на север и северо-восток.

— Эти реки и ручейки, — пояснил техник, — стекают в Пышму-реку и в Рефт-реку. Это западный склон водораздела. Теперь смотрите. Урал взрыт и взорван. Каждая гора вскрыта, на каждом квадратном километре шахта пробуривала землю. Мы строим; нам нужен уголь, железо, чугун, сталь. Нужна нефть, соль, калийные соли, медь, платина, золото. Надо все. Урал дымится. В Свердловске Верхисетский чугуно-плавильный, железоделательный и литейный завод. В округе таких еще тринадцать. Смотрите, там должен быть на золотых приисках Березовский завод. Дальше Пышминско-Ключевской завод. Смотрите — дальше, на речке Большой Рефт, находятся изумрудные копи. Смотрите вперед, смотрите на запад и на юг. Везде заводы, везде рудники, шахты, прииски.

Канадец смотрел. Его поразила и захватила грандиозная картина. Дикая красота природы и человеческого труд, радостный и напряженный, дополняли друг друга. Горные кряжи, пропасти, леса, котловины, быстрые реки и мелкие спокойные озера, солнце во всем, ясный воздух, заводы, рудники, невероятное богатство, неисчерпаемые сокровища недр Урала, стремление людей работать, как можно скорей, как можно больше, как можно лучше опьянили канадца. Что-то в облике природы, в темпах труда было новое, заражающее, притягивающее.

Магги отнял бинокль от глаз.

Наклоном головы, немного больше обычного, он поблагодарил техника ээ

показ ему величественной панорамы горнозаводского Урала. Они сошли с горы, и автомобиль понес их на разработки. Монета с удовлетворением заметил, что, не смущаясь толчками, его спутник старательно заносит в блок-нот впечатления.

2

С поворота они увидели асбестовые разработки. Техник попросил шофера остановить машину.

— Перед вами живая картина местности, геологическая карта. С севера на юг идет змеевик полосой в три-пять километров шириной. Оттуда с запада и отсюда с востока она стиснута гранитными массивами. Разрез нашего месторождения таков. Гранит, контактная зона тальковых и хлоритовых сланцев, основная изверженная порода габбро, затем змеевик с жилами гранита, порода пироксенит, за ней снова змеевик и дальше вперемежку зоны тальково-хлоритовых сланцев, змеевика, гранита и в заключение опять гранитный массив. Я рисовал вам схему с запада на восток. Едем?

Магги дотронулся рукой до шляпы. Автомобиль тронулся. Монета говорил, не умолкая. Магги смотрел, слушал и записывал. Автомобиль пошел тише и на краю карьера остановился. Канадец и техник вышли из машины и направились на разработки.

Разработки велись карьерами. Они походили на гигантские полуразрушенные ступени неоконченной лестницы, ведущие в страну работ, еще более мощных по размаху.

По дну карьеров ползали люди. Хитрая сеть узкоколейной дороги оплела ступени. С самого дна по наклонному спуску, поставленная на борту разреза лебедка вытягивала канатом прицепленные к нему вагоны с рудой. Наверху карьера паровозик подхватывал вагоны и тащил их на дробилки.

Разработки опоясывала стена леса.

Кое-где торчали утесами, „шлиры“ пироксенита — дедушки змеевика, как не содержащих асбеста, их не трогали.

Магги и Монета начали спускаться. Магги то и дело наклонялся и всматривался. Что гость был специалист и большой знаток своего дела, техник отрицать не мог.

— Асбест из группы хризотиловой, — говорил Магги, смело коверкая русские

слова. — Он брал осколки асбеста, постукивал по ним молоточком, распушивал на волокна и трогал их, светложелтые и шелковистые на ощупь. — У вас, русских, есть для него обаятельное название: „горный лен“. Смотрите, как он плотен, не гнется и не ломается. И только, — Магги поколотил молоточком, отделив от куска группу волоконца толщиной в шнур, — и только расщепив его так, я смогу распушить его на отдельные волоконца. Как и всякий кристалл, он может делиться неизмеримое количество раз, всегда сохраняя даже в микровеличине присущее ему строение тонких игл.

Смотрите, какой великолепный рисунок. Все три типа жилкования пород.

Техник и канадец остановились, любясь картиной. Срезанный уступ карьера обнажил жилы асбеста. Здесь был оторотчатый, или зальбандовый тип. Единственная жила асбеста мощностью в шесть сантиметров, отороченная змеевиком, прорезала слабо озмеевикованную породу периодотит. Жила шла круто вниз, скрываясь в недрах земли.

Техник задумчиво промолвил:

— Эти жилы самые постоянные по протяжению и направлению. Отгрызая от них кусок за куском, можно, вероятно, провести шахту от наших месторождений до Тетфордского месторождения в провинции Квебек. Сквозь землю...

Канадец прямо посмотрел в глаза технику. Что скрывалось за этими словами? Принять ли их как преувеличение поэтически настроенного провожатога, или они имели осторожный, искусно замаскированный намек? Кто может знать здесь, на окраине России, о Магги, представителе солидной канадской фирмы?

— А вот, — продолжал техник без тени смущения, — сетчатый тип.

В обнаженном змеевике без всякого постоянства вели в разные стороны, обрываясь и начинаясь вновь, жилы асбеста различной толщины. На третий тип — мелкопрожилный — канадец указал молча. Здесь в змеевиковой породе проходили параллельно друг другу совсем тонкие, иные в полсантиметра толщиной, жилки асбеста.

— Оторотчатый тип жилкования, — объяснил техник, — при наиболее длинном волокне дает наименьший процент выхода. После него идет сетчатый и затем мелкопрожилный с выходом до тридцати процентов.

Магги и Монета продолжали спуск. Мимо в воздухе по канату проползла вагонетка с рудой. Техник пояснил:

— Канат протянули недавно. Комсомольская ударная бригада постаралась. Сделали все во внеурочное время, как подарок к прошлому маю. И канат подвесили и установили обе станции внизу и сверху. А вот, обратите внимание,— природа, создав асбест, сама же его испортила.

Магги увидел на стене карьера раздавленную некогда происшедшим геологическим переворотом жилу с разазанными вдоль трещины волокнами асбеста. В одном месте жила была перекошена и в нее вдавились обломки змеевика.

— Результат позднейших горообразовательных процессов. Природа в данном случае допустила в своем производстве брак. Асбест ломок и жесток, то-есть лишен своих главных двух качеств. Смотрите, как наглядно показано: основная порода, из которой произошел змеевик, вкраплена в него отдельными зернышками магнетита в благородном змеевике — офите, вот этом, светлозеленом. Он имеет вид черных крупинок — пирамидок. А эти жилки молочно-белого цвета, зернышки и налеты — магнетит, кальцит... Уважаемый, дальше не стоит спускаться. Скоро окончание работ. Пойдемте наверх, пообедаем, и я с вами переночую в конторе. Завтра с утра обследуем производство. Вы еще мало видели людей. Познакомьтесь с рабочими.

Автомобиль помчал их к конторе. На дороге, круто спускающуюся к мостику через речку, вдруг выбежал карапуз лет трех и остановился, как вкопанный, удивленный фыркающей, гудящей машиной. Потребовались десятые доли секунды, чтобы осмыслить происшедшее, принять решение, отдать приказ рукам и привести приказ в исполнение.

Шофер блестяще выполнил эти условия. Автомобиль врылся в землю без шума, почти мгновенно. Магги и Монету бросило на переднее сиденье. Они подскочили ошеломленные.

Карапузик, испугавшись, улелетывал по дороге вниз, поднимая тучи сухой пыли. Слышался его замиравший постепенно рев.

— Помните,— сказал, придя в себя, Монета,— как я опоздал однажды за вами и выехал вам навстречу в десять часов вечера, а фордик завода сбросил нас в канаву?

Магги медленно кивнул головой.

— Ну вот. У форда были выходящие из употребления старомодные металлические тормоза. Они стерлись и не действовали. Могло случиться хуже. А вот вам пример. Фордик наверняка смял бы этого мальчугана, а наша машина остановилась на месте. Конечно от этого очень быстро снашиваются шины, но дело шло о жизни человека. Спасли его тормоза, не металлические, а настоящие, бесшумные, нестирающиеся, из тормозной ленты, сотканной из смеси латунной проволоки с асбестом.

3

Вечер. На территории разработок он наступал раньше. Солнце опустилось за горы, зажигая стройные сосны на вершинах холмов. Их красные стволы, казалось, были объаты пламенем ровным и ярким. Из низин и от речки потянуло прохладой. Наступил час, когда дневные птицы перестали петь, а ночные еще не начинали.

На ровной площадке над рекой стоял широкий дом конторы. Стекла его должны были потухнуть, не отражая лучей уже зашедшего солнца. Но за окнами переливался огонь...

Монета протер глаза. Утомление? Нет. Не солнечный ответ, а огонь изнутри окрасил широкие окна в пурпур.

— Но ведь в конторе пожар!— воскликнул техник, приподымаясь на сидении. В подтверждение его слов по улице поселка промчалась машина местной добровольной пожарной дружины и остановилась перед конторой. Пожарные соскочили с сидений и принялись за дело.

Когда Магги и Монета подъехали к конторе, пожарный рукав был уже размотан и конец его опущен в реку. Шесть пар сильных рук качали рукоятки насоса. Группа пожарных проникла в дом с заднего хода. Посыпались стекла. Пламя выпрыгнуло из окон и лизнуло стены и край крыши.

— Сгорит, что он делает?— взглянул в изумлении Магги на пожарного, смело прошедшего сквозь огонь.

— Не волнуйтесь. Он в спецодежде,— техник Монета показал на других,— смотрите.

Пожарные руками, защищенными рукавицами, разбирали в помещении внутреннюю перегородку. Глухо доносились удары топориков. Вот, наконец, из BRAND-спойта вырвалась струя воды. Огонь зашипел и сжался. Ему не дали возмож-

ности разойтись. Он кидался зверем на людей и отступал. Жег руки работающих, но люди не чувствовали ожогов. Хватался за одежды, но она даже не тлела. Кидался на потолок, но мог его только закоптить. Вода продолжала литься.

Магги, заложив руки за спину, подошел к карте СССР

Наступила ночь. Поселок зацвел освещенными окнами. Огонь был побежден. Усталые пожарные выходили из конторы. Начальник промышленной охраны, сидя на пне, писал протокол происшествия.

— Вот,— техник подошел к канадцу.— Что стоило деревянной конторе превратиться в полчасу в груды угля и пепла? Говорят — неосторожность. Не то от окурка, не то от свечки, на которой растапливали сургуч для печатей,— доищутся после. Факт тот, что незначительно пострадала внутренность. Контору спасли асбестовые прослойки из картона, асбоцементная крыша, потолок из асбоцементной фанеры. Пожарные были одеты в спецовку, сшитую из асбестовой ткани, в асбестовых рукавицах. Вы ви-

дели, как они обвязали веревкой внутренний столб, выдернули его и вытащили через окно? Канат тоже сплетен из асбестового волокна. У них есть и лестницы, халаты, ведра и маски все из того же неогороемого асбеста.

Магги стоял неподвижно черным столбом в темноте ночи.

— Придется нам,— вздохнул Монета,— сегодня переночевать в поселке. Идемте к одному охотнику, тут поблизости. Он накормит и рассказами из своей жизни развлечет.

Техник пошел к поселку. Оглянулся. Канадец шел сзади. Горы высились хребтами спящих китов, наковальнями, домами, массивными и устойчивыми. Тонкий, как нежный зеленовато-серебристый кристалл асбеста, серп луны висел в пустоте неба.

4

Прежде чем войти в избу, канадец остановился и внимательно ее рассмотрел. Он был поражен толщиной сруба. Бревна, потемневшие от времени и твердые, как слоновая кость, имели в диаметре почти метр. Изба была крыта глиняной черепицей. Оконца, совсем маленькие, прорезаны очень высоко, что указывало на большой подпол. Высокий забор, глухой, с плотно закрытыми тяжелыми воротами, окружал двор.

Техник подошел к калитке в воротах и брякнул массивным железным кольцом. Во дворе раздался сиплый лай, слышался звук трения кольца о проволоку и брэнчанье цепи. Минуты через две, в течение которых собака непрерывно ворчала, калитку открыл высокий бородатый человек. Монета перешагнул порог.

— Ну, Вырезуб, принимай гостей. Такая история случилась, что ночевать негде, а тут товарищ из Москвы.

— Слышал,— Вырезуб отступил, пропуская Магги.

В избе, оказавшейся просторной и прохладной, канадец и техник уселись на скамью. Ярко горела на столе лампа ровным пламенем.

Вырезуб поставил на стол шахтерскую лампочку и зажег ее.

— Пойду, дичины принесу. Не огневайся за поедь. Какая есть. Гостите хоть год,— и ушел в сени.

— Кто это?— спросил канадец, с любопытством оглядываясь.

— Рабочий здешний, в свободное время охотой промышляет. Шахтером был в Кизеле. А здесь бригадир. Изба, не знаю, как ему досталась. Как будто семейку купчиков раскулачили, он ее и занял.

Канадец удивленно приподнял брови. — О, вы не понимаете, — спохватился техник, — эти купцы здешний народ спаивали и обдирали; их выслали, а домик перешел тресту. Изба-то лет двести назад выстроена и еще пятьсот с лишним простоит. Строили с расчетом. Теперь эти стены ни пила не возьмет, ни топор. Не дом, а крепость — идеал англичан. Видели забор и ворота? От самого Чингис-хана можно отсидеться.

Вошел Вырезуб.

— Контора-то у вас того, — сказал он мягким басом, — малость погорела внутри? Чтой-то на неделю многовато, двух пожариков. В театре чуть греха не случилось... А сейчас я вам гуся дикого сделаю по-своему, в мешке своем.

Вскоре в русской печи запылали дрова. Пока они перегорали в угли, хозяин избы натаскал вороха свежего душистого сена, постлал сверху полотняные дорожки, в изголовье положил диванные валики.

— Вот вам и постель. Лучшей не сыщете. Со вкусом поспите. Я между прочим на кроватях валяться не любитель, не выношу. Либо сена охапку, либо хвосту вязанку, изба ли, лес, горы, — все одно. Привык. Не переделаешь.

Магги привык спать на чистых простынях, перинах, с пуховыми подушками под головой, под стеганым одеялом, в комнате, где, проснувшись, можно протянуть руку, звонком вызвать слугу и приказать подать кофе. Но и канадца потянуло скорее лечь на примитивную постель, так как она выглядела свежо и чисто.

Вырезуб рассказывал, а канадец с удивлением следил за оригинальным способом приготовления пищи. Ощипанный гусь был положен в серый мешок и зарыт в горячую золу и угли. Магги ожидал, что ткань затлеется, и недоумевал, зачем это нужно. Но мешок не сгорел.

— Вот про мешок расскажу вам. Был я как-то в Монголии. Скитался там. Народ темный, лама на ламе сидят да свое вечное „ом мани пад ме хум“ бормочут. Это заклинание к ихнему богу Будде.

Пробрался я как-то с паломниками через сухие пески и снежные бураны

плоскогорий в буддийский храм. Маяты перенес, — не рассказать. Сколько этих паломников с верблюдами погибло!

Добрались. Все свои сбережения отдали. Прямо нищими остались. Одни в монахи решили поступить, другие в кабалу — на работу, а третьи на Будду надеялись, что выведет их обратно, либо еще куда. Праздник ихний подошел. Нарядились ламы кто во что горазд, как на маскараде. И рога тут, и хвосты, и огонь на одежде, и головы из прутьев и материи сделаны втрое больше человеческих. Изображать, значит, решили духов злых и добрых. Весь день бесновались. Богомольцы, видя великолепие, последнее жертвовали, а ламам того и надо.

Ночь пришла. И вот раскрываются главные ворота храма, а внутри огонь разложен. Столбы резные с рожами потолок подпирают, статуи будд ихних сидят по-разному, раззолочены и рассеребрены. Драгоценные камни на их каменных одеждах. А ламы в своих костюмах этак преспокойно сперва гуськом по горячим углям да горящему хвосту прошлись, а потом хоровод составили.

Взвыл народ, на это чудо дивясь. Значит, действительно их бог от огня и жары опекает. Я спервоначалу рот разинул. А потом как провозгласил один лама, старший над ними, что вон висит неугасимая лампадка вот уже тысячу лет и фитиль цел-целешенек, — так опамятовался.

Дернула меня нелегкая выступить. Знал я, что ламы людей морочат. И обувь, и одежда, и лампада — все из того же асбеста сделаны. Вон до чего додумались.

И пожалуй, задолго до нашего они умели горную кудель пряхть, только в тайне держали.

Вышел я, бросил на жар мешок этот, встал на него ногами и стою. Тут уж последние богомольцы наземь попадали и кататься стали. Не успел я глазом моргнуть, как тихонечко да незаметно ворота и прикрылись, а меня схватили под руки и повели.

Вырезуб помолчал и перевернул мешок с гусем.

— Откуда асбест достал, из которого мешок скроен? Как узнал, что он не горит? Говорил ли кому-нибудь? И конкуренции боялись и более серьезное дело в виду имели. Был у них лама, столетний, и знал он месторождение

асбеста в ихней Монголии, не говорил никому; если надо — сам достанет; перед смертью хотел тайну преемнику поведавать, да не успел. А водить людей за нос надо было продолжать.

Еще раз Вырезуб промолчал и продолжал глухо:

— Пытали меня. Объяснил, что у себя на родине мешок сделал своими руками. Что охотник я и в лесу всякую дичь в мешке жарю, чтобы с котелком не возиться. Удобно, говорю, и чисто. Не верили.

Месяц сидел у них в подвале, думал — выпустят. И решил бежать. Голому бежать в пески и горы тамошние — смерть. Но все едино. А то помучат всласть, да искалечат ламы проклятые. Ну и бежал. Двух сторожей-воинов так стукнул головами друг об дружку, что они тут же лапти кверху — и дух вон. Через шесть месяцев через Ургу домой попал.

Целую книгу написать можно. Вот как. Действительно, есть техника разная — и наша и ваша. Кто какой цели служит. Забыть не могу.

Гусь зажарился. Канадец и техник поужинали. Вырезуб пожелал спокойной ночи и вышел. Канадец, чувствуя приятную усталость, с наслаждением растянулся на сене.

III. Техник Монета рассказывает

1

В президиум производственного совещания был выбран рабочий Пепельный председателем и комсомолец Иванов секретарем. Слово дали технику Монете.

— Собственно говоря, мое слово будет походило на лекцию. Я расскажу вам о канадском способе обогащения асбестовой руды. Он отличен от нашего. А способов пока что лишь два и существует — русский и канадский. А третий в стадии опытов. Я могу вам рассказать все так же подробно, как смог бы сделать это, если бы захотел, инженер Магги. Но не будем злоупотреблять его временем.

Магги бесстрастно глядел в пространство. Но пальцы руки слишком сильно сдавили карандаш и сломали его. Никто не обратил на это внимания. Только один рабочий, приземистый и сутулый, медленно наклонился к технику.

— Что тебе, Оя? — спросил тот.

— Не будь меня звать Иохан Оя, если это не он, — шепнул рабочий.

— Молчи, — быстро возразил Монета. — Пооди и сядь. Это он самый и есть.

Монета откашлялся, рабочее собрание насторожилось.

— Итак, как обрабатывают асбестовую руду, хотя бы на Тетфордском месторождении в Апахской горной цепи провинции Квебек, в Канаде, — такова тема. Вам слышно, инженер Магги?

— Благодарю.

— Могу предложить занять место за столом.

— Благодарю.

Пепельный строго постучал стаканом по графину.

— Продолжаю! Сперва немного цифр. Упомянутое мной месторождение дает около семидесяти процентов всей добычи асбеста в Канаде. Жилы асбеста залегают в змеевике площадью в семьдесят пять километров, происшедшем из основных пород габбро и перидотита. Выход асбеста из вынутой породы до шести процентов. Запасов хватит лет на двадцать, а может и больше, если темпы развития асбестовой промышленности будут понижаться. Кроме того, асбестовые участки становятся беднее, и количество вынутой пустой породы на одну тонну асбеста растет. Видите, получается что-то в роде тупика. И асбеста нет, т. е. истощается, и конкурировать надо, и конкуренция ведет к снижению продажной стоимости, а расходы не окупаются.

Канадский способ обогащения основан на разной тяжести асбестового волокна и пустой породы. Руда поступает в дробилки. Здесь она измельчается и просушивается. От непрерывного грохота можно оглохнуть. Рабочие практикуют затыкание ушей ватой.

Иохан Оя, сидевший с краю первой скамейки, утвердительно кивнул головой.

— Затем руда поступает в циклоны — дробилки с двумя массивными стальными пропеллерами, вращающимися в противоположные стороны. Здесь происходит полнейшее размельчение и распушовка волокна. Продукт представляет смесь из ватообразного волокна, пыли и зерен пустой породы. Далее эту смесь принимают грохота. Они качаются, вся мелочь отсеивается, а оставшееся подходит к разгрузочному

концу, где током воздуха, воздуховсасывающей трубы распушенное волокно передается по трубам в коллекторы. Четыре-пять раз принимают грохота остатки руды до тех пор, пока не будет извлечено все волокно. В последнее время физическая сила — руки и спины рабочих — стала заменять дорогой электрический ток и водяной пар пародвигателей. Как видите, у них рационализация шагает.

Магги не имел права принять последнюю фразу на свой счет и потому быстрым оскалом зубов приветствовал иронию докладчика. Но что-то стало канадцу не нравится.

— Из коллекторов волокно попадает в сетчатые цилиндрические сортировки. Сита сортируют волокно по длине и освобождают от пыли. Остатки вновь идут на грохота. Из сортировок последовательными повторными работами на грохоте получается готовая продукция. Поняли? Процесс очень не сложен и имеет свои недостатки. Воздух полон асбестовой пылью. Игольчатые кристаллики попадают в легкие, и процент заболевания туберкулезом очень велик. А респираторы стоят денег. Не правда ли?

Иохан Оя молча утвердительно наклонил голову.

— Затем из-за слишком энергичной работы пропеллеров волокно получается сильно распушенным, а рынок ценит менее распушенный, т. е. игольчатый асбестовый товар, какой самого высшего качества может дать только русский способ обработки. И потому, на ряду с дробилками, рабочие и день и ночь занимаются ручной обработкой. В канадском способе есть одно преимущество. Оно заключается в том, что низкие сорта извлекаются полностью, в то время как у нас волокна длиной до двух и одной десятой сантиметра почти не утилизируются.

Рабочие слушали внимательно. Техник умел говорить, умел сухие цифры показать в виде понятных, показательных образов.

Когда Монета закончил доклад, председатель Пепельный спросил, есть ли у собрания вопросы, и один из первых высказался.

— Иванов, запиши в протокол, что информацию Монеты одобряем и приветствуем, что мы, рабочие, выносим следующее впечатление: канадский способ обогащения уступает нашему, что

и в нашем есть минусы, но их можно довести до нуля, и что приложим также все усилия к практическому применению мокрого способа.

Канадец насторожился. Неужели они держат в секрете опыты с третьим способом? Вполне понятно и оправдываемо: „секрет изобретателя“ — таков лозунг промышленников Европы и Америки. Каждый прячет от других свой секрет приготовления мыла, зубных щеток, стали, газов, сортов хлебных злаков, боясь конкуренции. Секреты продаются дорого.

— Мокрый способ находится в стадии опытов, — сказал техник, но мы его не скрываем, как, возможно, думает инженер Магги. Наоборот, этот способ брошен в массы и ими подхвачен. Коллективное творчество в тысячу раз производительнее, чем замкнутое, индивидуальное. Мы имеем сотни предложений, многие из которых проверяются и включаются в общую цепь опытов.

Когда Пепельный закрыл собрание, к Монете снова подошел широколицый Иохан Оя.

Техник нетерпеливо махнул рукой в его сторону.

— Молчи, говорят, и про него и про меня. Что надо, из рук не выпущу. Не про личности помни, это забудь, а про дело. На него плевать, лишь бы узнать, кто за спиной стоит и какие ниточки дергает. Иди, иди...

2

Не дав отдохнуть и пяти минут, техник затащил Магги в автомобиль и, не спрашивая разрешения, повез в механические и слесарные мастерские.

Магги молчал. Он думал, он решал проблему. Он нервничал, ни минуты не оставаясь один. Боялся за исход возложенного на него поручения, к первой части которого только приступил. Аншлаг первой части: „смотри и слушай“. Записи в блок-ноте увеличивались. Цифры и цифры. Отчет будет полный. Вторая часть должна была носить название: „действуй“. В случае невозможности действовать можно удовлетвориться первой половиной плана.

Магги напряженно думал: „Кто такое техник Монета? Почему он так отлично знает Тетфордское месторождение? Кем техник был информирован или видел ли все сам? Наконец, знает ли техник Магги?“

— Здравствуй, товарищ Когти,— приветствовал техник рабочего, сунувшего в горн остывший конец железа,— значит, ты у нас теперь. Сбежал с завода-то?

— Помните, мы были на чугуноплавильном заводе во время выплавки чугуна? Товарищ Когти— тот самый рабочий, который потерял сознание и был поводом к протесту рабочих против косности заводоуправления, не приобретающего асбестовых костюмов. Вот смотрите, как здесь смело обращаются с огнем, не боятся ожогов.

Давно бы сгорела одежда рабочих от сыплющихся на нее искр и частиц раскаленных металлов. Били по горячей стали тяжелые молоты, расплавленный свинец выплескивался из ковшей. В топках паровых котлов бушевал огонь. Но он не жег. Магги вспомнил рассказ Вырезуба и невольно сравнил целевое назначение необыкновенной каменной кудели. Там— ради религиозных целей,— орудие запугивания и эксплуатации. Здесь— рабочие двигались быстро и ловко, зная, что капля раскаленного свинца, попав на колено, не прожжет ногу до самой кости. Искры, летящие из-под молота, раз за разом бьющего по раскаленной добела полосе железа, не прожгут рубаху, и не надо прятать руки. Ноги защищены асбестовыми наколенниками, рукавицы сделаны из асбестовой ткани, передники сотканы из асбестового холста. Жар топков не проходит сквозь нетеплопроводную одежду. Сколько экономится здоровья, сил, времени!

Ученик вытащил железный прут и, зажав его в клещах, положил на наковалню. Когти схватил молот и, покрикивая, начал ковать. Кузнец стоял в ореоле искр невредим. Ученик поворачивал полосу, принимавшую постепенно волнообразную четырехгранную форму одной из деталей в дробилке. Здесь в мастерских происходил текущий ремонт машин. Всегда требовалось что-либо починить, заменить изношенные части новыми, выковать новую часть.

Техник водил канадца по цехам. У Магги закружилась голова. Он видел заводы Круппа в Эссене, его водили по самым большим заводам обоих полушарий, и везде он проходил холодный, спокойный, несмотря на титаническую работу машин, на рев и гул. Видел согнутые плечи, сутулые спины, цепкие худые руки, горящие злобой и недо-

верием глаза, видел смерти и несчастья и оставался спокойным. Маленькие мастерские, заброшенные на горный Урал, поразили его не машинами, а размахом работ. Он видел как рабочий Когти во время работы улыбался, как другие перекидывались шутками, и никто из них не останавливался, и производительность от этого не падала. Видел канадец стеклянные потолки и окна от земли до потолка. И видел сводки по декадам месяцев, где кривая производительности, кривые качества и количества двумя параллелями вращались в плаз и перерастали контрольные цифры.

„Пятилетка“,— подумал Магги с удивлением, страхом и злобой.

3

В библиотеке клуба „Заря коммуны“ канадец рассматривал карту. На стене висели ярко окрашенные полушария. На картах были нанесены главные месторождения асбеста во всех странах. Монета взял указку.

— Канада,— сказал он,— и вот цифры. На производственном совещании, вы слышали, я констатировал падение цифр. Первая половина 1930 года дала резкое снижение мировой добычи.

Южная Америка. Родзейское месторождение. В 1910 году добыто 300 тонн. В 1914 году началась война. Уральский асбест не смог попасть на мировой рынок, и добычу пришлось форсировать. В 1929 году добыто 38 390 тонн. Месторождение имеет большое будущее ввиду близости порта и удобных условий разработки. И к тому же дешевые рабочие руки туземцев.

Все сведения, сообщаемые техником, канадец знал наизусть. Но не протестовал против навязанной ему лекции.

— Остров Кипр,— продолжал техник,— Средиземное море. Месторождение известно около четырех тысяч лет. Затем: южная Африка, Италия, Япония. В разных странах, кроме того, имеются незначительные запасы асбеста. Их в расчет принимать не приходится, как не имеющих промышленного значения.

В это время в дверь просунулась совершенно голая голова.

Она тут же скрылась, а ее обладатель крикнул кому-то:

— Товарищи, он здесь. Теперь он наш!

— Тащи сюда,— отозвалось несколько голосов.— Гони Монету... Не начнем без него.

— Слышь-ка Монета,— голова вновь просунулась в дверь, подмигнув лукаво,— тебя кличут. Актив собрался. Бригаду выбирают на соревнование. Идешь, что ли?

Техник положил указку, вежливым поворотом туловища молча предложил Магги следовать за ним.

— Вы увидите одну из граней нашей производственной жизни. Пройдемте в зал.

Магги привык смотреть на рабочих как на рабочий скот. Утром на него надевают ярмо. Вечером ярмо снимают. Отработав положенные часы, рабочий идет с заводов, рудников, построек, не оглядываясь, часто проклиная труд. Рабочие считают его тяжелым наказанием, необходимой мерой для изыскания средств существования. Вырабатывать сверх нормы заставляет надежда на получение лишнего доллара. Интересы производства в расчет не принимаются. Новым было для Магги и необычно, что рабочие и служащие часами просиживали на собраниях, горячо спорили, забывая о времени.

Появление Магги и техника было встречено одобрительным гулом. Председатель, тот, который вызвал Монету, занял свое место.

— Товарищи, только один вопросец на повестке дня. Выборы бригады для подведения итогов за второй квартал года по социалистическому соревнованию с Режевскими копиями.

Техник пояснил канадцу.

— Режевское месторождение находится неподалеку от нас. С ними был заключен договор на соревнование, и в первом квартале мы оказались побитыми. Судя по тому, что они помалкивают и бригаду мы посылаем первые, верх в этом квартале возьмем мы.

Председатель объяснил цели и задачи соревнования и попросил выставлять кандидатуры. Голосовали дружно. Бригадиром был выбран техник Монета.

— Но послушайте,— возмутился тот,— у меня и так нагрузок достаточно!

Председатель хитро и смешливо подмигнул.

— А ты разгрузись. Одна-то нагрузка тебя совсем затаскала. Скинь ее, нечего нянчиться.

Монета сделал круглые предостерегающие глаза, боясь, что председатель еще что-либо ляпнет, но того уже потащила в угол для таинственного совещания группа молодежи. Он только

Десять рабочих кирками и бурильными молотками разбивали породу

успел крикнуть на ходу тоном утопающего:

— Собрание считаю закрытым.

Преследуя свои цели, Магги встал и мерным шагом направился в библиотеку.

Там, перед двумя шкапами, расположилась молоденькая дежурная. Магги приветствовал ее быстрой улыбкой. Затем, заложив руки за спину, подошел к карте Союза ССР.

4

Монета объяснил:

— Урал. На первом месте стоит Баженовское месторождение асбеста. Вот в тридцати километрах к северу от него Режевское, с которым мы соревнуемся. Разведанных запасов около пятидесяти тысяч тонн. В 1910 году выработано 600 тонн. В этом достанем 3000.

Канадца удивил оборот речи „достанем“. Разве скажет он, Магги, что на Родзейских месторождениях в таком-то году „мы“ достанем столько-то тонн? Ведь Родзейское месторождение принадлежит другому, конкурирующему концерну.

— Алапаевское. Находится в тридцати километрах к северу от Режевского. Габбро-перидотитовая полоса. Невьянское, или Красноуральское месторождение. Разработка началась еще в 1780 году, состоит из четырех рудников. На Среднем Урале разведаны и пока имеют лишь минералогическое, а не промышленное значение следующие месторождения: гора Шелковая близ Верхнетагильского завода и Асбестовая гора к западу от Сысертского завода. Запишите.

Магги не нуждался в совете. Листы блок-нота покрывались записями.

— На Северном Урале учтены месторождения по реке Большой Мойве, притоку Вишеры. Удивительный сине-зеленоватый асбест. По реке Анчуку, притоку Вижая, и по рекам Сосьве и Криву.

Южный Урал. Небольшие запасы низкосортного асбеста. В Миасском районе — Таловое месторождение. Есть кое-какие незначительные запасы в верховьях реки Урала, они отнесены к числу резервных. Вот эти черные пирамидки в бассейне рек Сакмары, Большой Казанакты и Урман-Зелаира — тоже разведанные месторождения.

Указка скользнула вниз

— Кавказ, Грузия. Район озера Сесса-Близ Мысогорска в Нагорном Карабаге-Худесское месторождение в верховьях Кубани, по реке Большой Лабэ.

Указка поползла вправо.

— Средняя Азия. Известно более десяти месторождений в республиках Казакской, Киргизской и Узбекской и в Ойротской автономной области. Две группы асбестовых месторождений в Кузнецко-Алтайском районе, близ Мариинска. В верховьях рек Иркут, Оси и Белой, в Бурято-Монгольской республике мы записали более 60 заводов по асбесту. Вот здесь, в Танну-Тувакской республике, геологическая партия Академии наук СССР в настоящее время обследует богатейшие месторождения. Результаты пока неизвестны. Запишите.

Когда блок-нот с целлулондовой крышкой был затынут широким резиновым кольцом и спрятан в карман, Монета предложил канадцу пойти в избу рабочего Вырезуба.

— Время ложиться спать. Завтра весь день придется пробыть на ногах. Так надо вам многое показать, а через пять дней вы решили уехать. Очень жаль. Здесь следует пожить год или даже совсем остаться.

IV. Сроки и качество

1

Техник повел канадца на разработку. Вновь перед ними открылась гигантская котловина, ступени, идущие вниз, в недра земли, в глубь лаборатории природы, в темень прошедших веков.

Катились по рельсам вагонетки. Рабочие по путям подкатывали под канат кабелькрана четырехтонные скипы с рудой. Руда подхватывалась кабелькраном и вытряхивалась в завалочный бувар.

Двигались люди, вагонетки, перекликались паровозы, скрежетали экскаваторы, черная ковшом сразу целый кубометр породы, раздробленной ночью подрывными работами. Люди копошились муравьями.

Прошедший дождик увлажнил землю, прибил пыль, а трава и кустарник зазеленели еще ярче и свежее.

Канадцу дышалось легко.

Странное дело, он стал гнать от себя мысли о поручении, возложенном на него фирмой. Не хотелось думать о возвращении, о скором отъезде.

Но выдержка и дисциплина тут же взяли верх над пагубной сентиментальностью.

Губы сжались плотнее, тверже стал шаг и угрюмоее взгляд. Надо помнить, что он — в стране врагов. О нет, дело не в шовинизме, не в национальной розни, от таких мыслей Магги далек, все объясняется, как здесь говорят, экономической политикой.

Вот она, эта политика, взрывает землю, дробит куски пород, нагружает вагонетки, загружает дробилки и сортирует асбест — замечательный, шелковистый, высшего качества.

Магги идет не спотыкаясь. Где кончатся рельсы, стоит вагонетка, рядом распряженная серая лошадь. На большом валуне сидит и курит козью ножку рабочий, широкоскулый, с глазами-щелочками.

— Здорово, Салат, — приветствовал техник возчика.

— О, здоров, — ответил тот и зажмурился. — Ах, какой погода, какой солнца, какой работа! Салат смеется. Салат радуется. Бригад шибко копает. Салат много денег получит.

Молодой парнишка подкатил к путям тачку. Салат схватил лопату и через минуту руда была перекидана в вагонетку.

— В этой партии бригадиром наш Вырезуб, — сообщил техник канадцу. — Здорово накручивает. Пройдемте к нему.

Десять человек рабочих кирками и бурильными молотками разбивали породу. Выше всех на голову был Вырезуб, приютивший канадца в своей избе. Он издал улыбку и, бросив кирку, подошел к технику.

— Пришли проведать? Смотрите. Ничего не имеем против. По-ударному работаем.

Вырезуб показывал. Магги смотрел. Железо вонзалось в руду. Глыбы откалывались кайлой, отбивалась молотками пустая порода. Рабочие не ленились нагибаться и выбирать малейшие куски с жилами асбеста. На участке Вырезуба жилкование было оторотчатого типа, более легкого по выборке. Рабочие, поглядывая на пришедших, перекидывались шутками, подбадривали друг друга, добродушно посмеивались.

— Работа у нас ладится. В срок да через план вышагиваем.

— План? — спросил Магги, вынимая блокнот.

— Бригадир! — крикнул один из рабочих, опуская кирку, — увяжи ему наши

сроки с пятилетним. Слыхали мы, что это иностранный товарищ из центра. Вишь книжку вынул, значит, запишет. Вот что, ребята, закуривай на пять минут, послушаем.

Канадец оказался в центре оживленной группы. Техник заглянул в свою записную книжку.

— Вот вам, товарищи, цифры, а вы знаете, что язык цифр самый показательный. В 1929 г. по Союзу выработано асбеста 39 042 тонны. Мало? Мало! Это двенадцать процентов всей мировой продукции. А во вторую пятилетку доведем выработку до цифры в 200 000 тонн.

— Вот это загнули, — одобрительно засмеялись рабочие, смущенно переглядываясь. — А выполним?

— Здравствуйте, — поклонился техник, — откуда приехали? А знаете, какая у нас арифметика? Четыре равняется пяти. Наши пять в четыре уложимся. А есть предприятия в Союзе, которые начали еще весной вторую пятилетку, а нам до нее еще полтора года, т. е. до четвертого, последнего года пятилетки. Не ошибитесь, инженер Магги, тут нужна точность. Хорошо. Вырезуб, скажи, как выполняются наши ударные обязательства?

— Повысить производительность труда на двадцать процентов, а мы повысили на тридцать.

— Может быть, — промолвил Магги, — ваши планы были преуменьшены?

— Какой там! Сначала никто и подписывать обязательства не хотел. Говорили, куда больше. А вот же вам факт налицо. Спелась друг с другом. Наладились все по конвейеру, ни пропусков, ни прогулов, ни пьянок. К примеру сказать, пятьдесят кубометров вам вынуть во столько-то декад, а мы шестьдесят пять вынули, да пять ден в запасе имеем. А мало таких дней? Они уже наши. Как жилы из породы по кускам откалываем, так и дни эти от пятилетки. В роде, если картину нарисовать, чтобы товарищу понятно было, мы здесь руду вынимаем на декаду раньше срока, а у пятилетки с хвоста эта декада отсекается, укорачивается она, и нам сама навстречу идет. Так Турксиб с двух концов строился, так и мы с пятилеткой друг другу навстречу идем и вот где-либо по середине иди подальше встретимся, оглянемся, а пятилетки-то и нет, вторую прокладывай.

— Запишите, инженер Магги, — промолвил Монета.

— Вот в этом бараке происходит единственная на наших разработках ручная обработка асбеста. В Канаде, как вы вероятно знаете, на ряду с полной механизацией всех звеньев работы, до настоящего времени сохранился и ручной способ. Вся продукция Южноафриканского союза обрабатывается исключительно ручным способом. Частично он применяется и у нас на Урале. Все качественные преимущества на стороне этого способа. Машина не может заменить человеческих рук полностью. Для самого длинного волокна мы применяем руки. Зайдемте.

Барак представлял собой навес, защищенный стенами с трех сторон. Более двух десятков рабочих занимались обработкой асбеста.

Канадец медленно прошелся между ними.

Раздавался неправильный стук молотков. Летели осколки камня. Вот рабочий, в больших автомобильных очках, сидит на большом камне, подложив под себя два сложенных вчетверо мешка. Ногами, обутыми в лапти, он ловко ворочает кусок породы, непрерывно ударяя молотком, высвобождая асбестовую жилу. С левой стороны растет куча пустой породы, с правой — кусковой асбест. Порода отделяется легко. Но просидеть восемь часов в таком положении не легко, и для этого требуется не только выносливость, но и сноровка. Необходимо как можно меньше двигаться, ерзать на твердом сидении, изредка наклоняться вперед, поправляя камень и отбирая асбест от породы. Сидеть рекомендуется как можно прямее, имея для этого длинную рукоятку молотка, и стараться переворачивать камень ногами. Немудрено, что рабочие, занятые ручной обработкой, избегая пыли при работе на дробилках, болеют профболезнями, связанными с их сидячим положением.

В углу барака канадец заметил молодого рабочего в юнгштурмовке, откалывавшего породу от асбеста на наковальне. Здесь свой большой минус. Приходится часто нагибаться то за соскользнувшим с наковальни камнем, то для поднятия другого для обработки. Два перевязанных пальца на левой руке красноречиво говорили против этой рационализации.

Кусковой асбест собирался в корзины и относился к одной стороне барака.

Там Магги постоял несколько минут. Партия женщин сортировала асбест по длине. Он имеет тот вид, каким был в жиле. Только на поверхности отшелуляются отдельные волокна. Точно стандартизировать волокна по длине не представляет трудностей. Кроме того, каждый кусок по своему составу совершенно однороден, потому-то кусковой асбест и ценится выше механизированного.

Магги постоял только минуту, так как женщины оказались очень смелыми и, не стесняясь, начали критиковать молчаливую фигуру иностранца. Канадец улыбнулся им своей молчаливой улыбкой, и, провожаемый веселым хохотом, вышел с техником из барака.

— Зайдемте по дороге в клуб, — предложил Монета. — Закусим в столовой и оттуда айда к дробилкам.

Магги ожидал увидеть в столовой длинные столы со слоем грязи и жира, врытые в землю скамьи, миски и деревянные ложки. В громадной столовой стояли столики и табуретки. Чистые клеенки, солонки, стандартные алюминиевые ложки, белая посуда. Обед горяч и вкусен.

Пробыв полдня на воздухе, канадец пообедал с удовольствием.

— Хорошо! — одобрил он. — Но это стоит денег, больших денег, не все ли равно, где им есть.

Монета нахмурился и промолчал. Не разводите же политграмоту перед иностранцем! Подумал: „Ладно, я и Йохан Оя тебя знаем, тебя не переделаешь“.

— Между прочим, зайдемте в зрительный зал, — сказал он вслух. — Повесили новый занавес. Говорят, какой-то художник из рабочих Баженовских разработок разрисовал его. Пожалуйста.

Магги последнее время привык подчиняться всем предложениям своего руководителя, зная, что протестовать бесполезно. Техник все равно покажет и расскажет все, что считает нужным.

В зале темно. Техник включил свет. Сцена была отгорожена от зала большим новым занавесом. Художник нарисовал на нем, немного не придерживаясь пропорций и перспектив, но наивно и восторженно три фигуры на фоне завода, поля и моря. Взявшись за руки, стояли, глядя вдаль, красноармеец в буденновке, крестьянин с косой и рабочий с тяжелым на плече молотом.

— Примитивно, но с настроением, — сказал Монета и, подойдя к занавесу,

потрогал его. Потом вынул клочок бумаги из кармана, поджег его, и поднес к занавесу.

Магги сделал протестующее движение. Но... занавес не загорелся. Огонь его даже и не опалил. Монета весело улыбнулась.

— Помните, инженер Магги, отложенный из-за пожара спектакль? Вы видели, как горел занавес, какая опасность угрожала всему помещению? Теперь здесь повесили занавес из асбестовой ткани. Он не горит, а по статистическим сведениям начинаются пожары в театрах в большинстве случаев с занавеса. Кроме того, он отделяет часть театра, подвергшуюся пожару, от другой, локализирует огонь. Замечательная вещь этот асбест, уверяю вас. Запишите.

Магги приподнял брови. Техник предлагал записать азбучные истины.

Монета потушил огонь. В темноте раздался ровный голос техника.

— Теперь посетим дробилки, уважаемый инженер Магги. Вы убедитесь вочью в преимуществе русского способа обогащения перед... вашим канадским. Будьте добры следовать за мной.

Как хотелось Магги увидеть лицо техника. И, странная вещь, голос в темноте показался знакомым. Канадцу сорок лет. Тридцать из них — скитания и бродячества. Никакая память не сохранит все голоса, все лица, все движения. Память может изменить. Возможно, техник применяет выражение „вашим канадским“ не потому, что считает Магги канадцем, а относится к нему, как к иностранцу, подразумевая под словом „канадским“ вообще иностранное, не русское. Через десять минут после выхода из клуба Магги и Монета пришли к дробильным машинам.

V. Асбест держит экзамен

1.

Метрах в ста от карьера сгрудились в беспорядке здания обогатительной фабрики. Магги услышал грохот. Это дробилки старательно пережевывали руду. По временам шум обрывали, тогда слышно было, как где-то внизу пыхла равномерно электростанция.

Их было три неуклюжих, слоноподобных, тяжело, но уверенно двигающихся дробилки. Стоя рядом с ними, надо было кричать. Лязг железа, стуки моторов, перекачивание камней в утробах машин, грохот нагрузки и загрузки.

В воздухе стояла, медленно оседая, асбестовая пыль—враг рабочих. Только при ветре можно свободно дышать.

— Загоняют, Салат, машины ваших коней!—приветствовал техник татарина-возчика, подъехавшего в этот момент ко двору завода.

Салат правил длинными вожжами, стоя на перекладине сзади вагонетки. Лошадь устало мотала головой и отфыркивалась. Салат улыбнулся.

— День работает, ночь отдыхает. Спит как, ой-ой! Ест как, ой-ой! Шибко спит, шибко ест. Смотри—вечер. Салат тоже устал. Смотри—машины. Тоже устали. Лошадь кормлю. А машину чистят—блистят. Да.

Салат спрыгнул с вагонетки и одним поворотом рычага опрокинул ее. Руда с шумом начинающегося оползня ссыпалась в завалочный бункер.

— Вот...—возчик помахал рукой и почмокал губами.— Бригада копает час, вагонетку грузят—другой, везем на гора—третий. А тут чик—и готово. Да.

— Механизация всех звеньев работы—великое дело и одно из важнейших условий для выполнения пятилетки,—заметил техник.— В Южноафриканском союзе здесь, на месте Салата, работало бы двадцать человек, получая каждый одну двадцатую часть его заработка.

Магги наклонил голову. С этим рассуждением нельзя было не согласиться. Азбучная истина и необходимость. Как же иначе извлекать прибыль из предприятий?

На ажурном мостике сбоку дробильной машины стоял рабочий, в котором канадец признал Пепельного. Машина послушно повиновалась малейшему повороту и переводу рычага. На блоках и штангах ползла, вися в воздухе, как бы отделенная от туловища рукой, бесконечная лента элеватора. Ковши с зубчатыми краями, полные руды, покачиваясь и подрагивая, плыли вверх и на самом сгибе живой руки вдруг опрокидывались, высыпая содержимое в машину. Легко сползали ковши вниз, чтобы снова подхватить сразу столько, сколько умещается на трех лопатах.

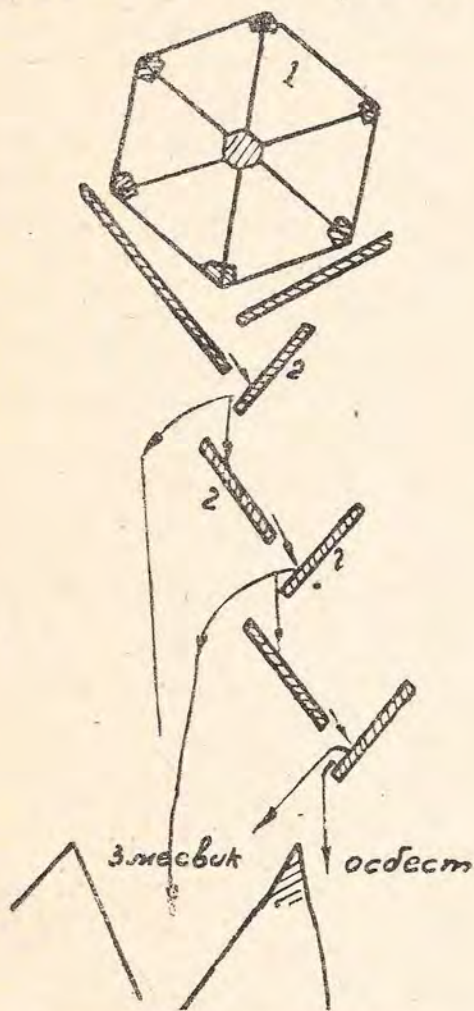
Техник наклонился к Магги.

— Сосчитайте на досуге, скольких рабочих заменяет элеватор.

Три дробилки наперегонки перемалывали и растирали зубьями вращающихся челюстей асбестовую руду.

Цилиндрами, как их здесь называли рабочие, барабанного типа грохотами руководил механик, зырянин Оньков. Он принимал в грохота раздробленную и высушенную руду. Здесь производилось отделение от пыли и мелочи. Грохота, имея отделения с сетками разных номеров, разделяли материал на четыре класса.

Масса асбеста, выбрасываемая дробильными машинами, ничем не походила на жильный асбест, и вообще трудно было в массе спутанных, тонко распу-

Русский способ обогащения асбеста

шенных волокон, напоминающей вату, мягкой на ощупь, угадать ее минеральное происхождение. Грохота питали наклонные обогатительные плоскости.

У канадца загорелись глаза. Специалист и знаток своего дела в нем брал верх над агентом фирмы. Он слышал о русском способе обогащения, и вот ему пришлось его увидеть.

От грохотов элеватор вновь поднимал уже раздробленную руду вверх, где она поступала в колодец с наклонными плоскостями. Колодец был высотой во все здание фабрики, т. е. в три этажа. Внутри колодца распушенная, высушенная, рассортированная по длине волокна масса поступала на плоскости бесперебойно, равномерным слоем. Плоскости — деревянные щиты, обитые железом, — были размещены в колодце с наклоном в 45° .

Монета дотронулся до плеча Магги. — Остроумный способ, применяемый только у нас в Союзе. Запишите. Основан на свойстве большего трения между волокнами асбеста и листом железа.

Под действием силы тяжести распушенное волокно медленно сползало по щитам. Зерна пустой породы катились быстрее, перегоняли волокна асбеста и с конца наклонной плоскости летели по инерции вперед, собираясь в кучу метрах в полтора от края щита. А волокно, не спеша, подползало и падало отвесно вниз, образуя под самым концом плоскости вторую кучу полупродукта. Так просто производилось обогащение. Пустая порода вновь шла в грохота, а полупродукт загружался на щиты, чтобы проползти опять до конца и упасть уже в виде готового продукта определенного класса.

Карандаш Магги скользил по бумаге. За его спиной остановился широкоплечий Иохан Оя. Рабочий глядел исподлобья. Его взгляд не предвещал ничего хорошего. Покосившись на строго смотревшего техника, Оя глубоко вздохнул и прошел дальше. Оба, техник и рабочий, хорошо без слов друг друга поняли. Магги ничего не заметил. Хотя и еле заметным поклоном, но ему пришлось ответить на приветствие высокой, стройной работницы в красной косынке, жене рабочего Пепельного. Она относила в ящиках волокно в упаковочную.

— Механизация, однако, не полная, — поделился своими впечатлениями с техником канадец.

— Постой, — вдруг заорал Оньков, — товарищ Монета, попроси его обождать, сейчас будет гудок на обед. Мы остановим машины и послушаем, что он говорит. Как же так без нас?

Техник ничего не успел ответить. Звонко, вибрирующе загудела электростанция. Грохот дробилок оборвался. Грохота остановились. Слез со своего командорского мостика Пепельный. Пошел Оньков.

Рабочие, вытирая лица окружили Магги.

— Механизация не полная,— повторил канадец начало своей речи к необычайной для него аудитории.— Целиком следует перейти на транспортирование породы из карьера от бункеров кабель-кранов к обогатительной фабрике паровой тягой и этим заменить живые лошадиные силы лошадиными силами машин.

— Правильно,— поддержали рабочие.

— Здесь-то он так говорит о силах,— жарко зашептал Иохан Оя на ухо технику,— а там, помнишь, спрятал электро-воз и заменил человеком. А?

Магги посмотрел в записную книжку.

— Асбестовая пыль вредна для рабочих. Избавиться от пыли при вашем способе обработки нельзя. В этом его несовершенство.

— На профвредность получаем,— откликнулись слушатели,— молоко пьем. На учете состоим. В первую очередь в санатории и курорты едем. Дополнительный отпуск имеем. Скоро респираторы получим. Что еще? Давай.

— Низкие сорта асбеста не извлекаются. Даже пыль можно утилизировать, а у вас волокна длиной в одну десятую сантиметра вместе с пустой породой выбрасываются.

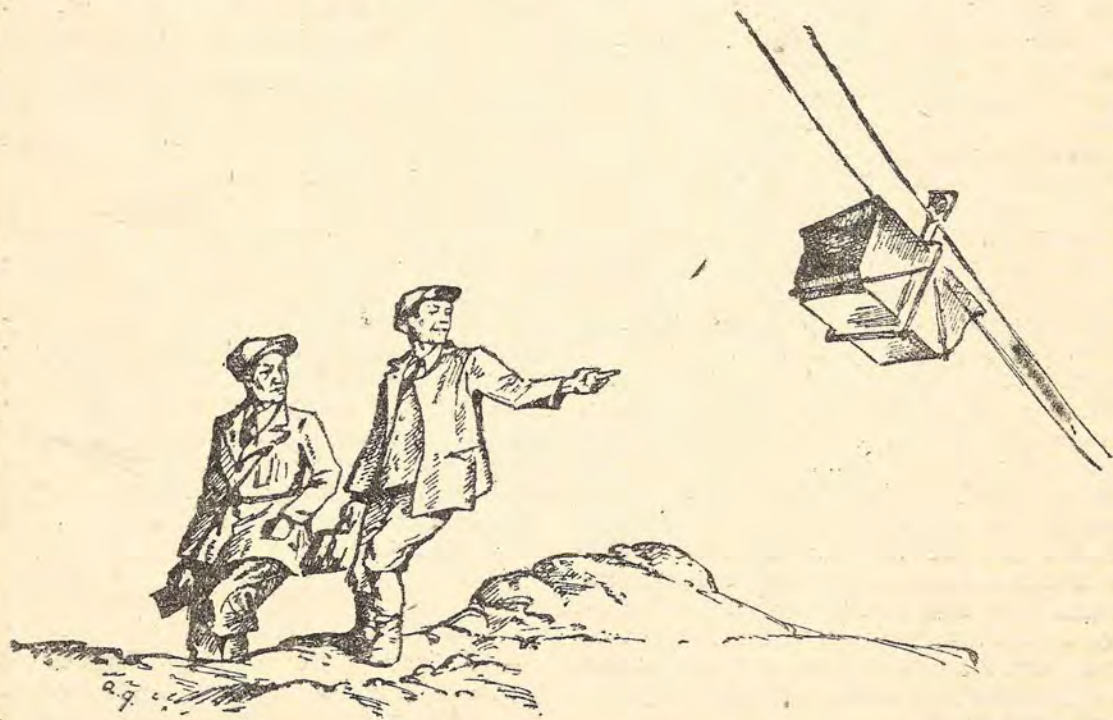
— Это, пожалуй, правильно. Только и мы не промах. На производственном совещании решено поставить вентиляторы. Всю пыль высосут. Чистую породу земле вернем. Так говорю?

— Однородности по длине волокон не достигается или же она достигается относительно. В ситах ваших грохотов волокна должны падать на ячейки длинной стороной и задерживаться на том сите, диаметр ячеек которого меньше длины волокна. На три, четыре сорта сортируется тоже относительно, потому что не каждое волокно упадет вдоль ячейки. Одни волокна падают стоймя и могут, как иголка, пройти сквозь все сита. Другие падают поперек и задерживаются в первом сите. Таково мое наблюдение.

— Это верно,— взял слово Оньков.— Только у нас асбест получается стебельчатый, игольчатый, не скомканный. А при канадском способе он так распушен, что на вату походит. Пропеллеры его так обрабатывают, что родная мать — змеевик не узнает. Стоимость-то и снижается, а качество от слишком сильных пропеллеров уже не то.

— Инвентарь устарел, износился,— продолжал Магги.

— Ну, это уже вопрос другой плоскости,— возразили рабочие.— Но что верно,

Мимо проплыла вагонетка с рудой

то верно. Как используем машины эти на все сто процентов, к тому времени нам по заказу новенькие привезут с наших же заводов, да еще с запасными частями. А то эта вот дробилка поломайся только — и кончено, мастера три-четыре дня новую часть в кузнице, не выписывать же из Америки!

И ответы рабочих пунктуальный во всем Магги заносил в блок-нот. Ведь это пока что сырой материал, из которого выльется и сформируется план. Все важно, все нужно.

2

Монета посмотрел на часы.

— Товарищи, обед прозеваете. Идемте-ка все гуртом в столовую. Инженер Магги, я думаю, не откажется. По дороге он увидит наш новый рабочий поселок.

Пошли. Пересекли по выходе со двора обогатительной фабрики проезжую дорогу, ведущую к железнодорожной станции, и вступили в тенистую аллею из молодых саженых берез и елочек с хвоей цвета вороненой стали.

По сторонам дороги выстроились двумя ровными шеренгами двухэтажные деревянные домики, каждый на восемь квартир. В палисадниках бегали дети. Не было дома без радиоантенны на крыше. По столбам перекинулись электрические провода. Дорожки были утрамбованы и чисто выметены. За поселком дорога делала два зигзага по склону холма и подходила к клубу. Рабочие, сокращая путь, пересекли дорогу узкой, крутой тропинкой.

Столовая уже наполовину опустела. Проворные подавальщицы убрали столы и заворчали на явившихся рабочих:

— Где это вы пропадали? Нет того, чтобы порядком поесть, пока горячо.

Отшучиваясь, рабочие разместились за столами. Магги ел не торопясь. Против него сидел широкоплечий, коренастый Иохан Оя. Он заинтересовал канадца и заставил насторожиться. Вышколенный Магги так же хорошо чувствовал на себе внимательные взгляды, не оборачиваясь и не поднимая глаз, как и упорное нежелание глядеть на него. Избегающий встретиться взглядом с вашим так же достоин внимания, как и стерегущий все ваши движения.

Магги присматривался к соседу. К концу обеда его опасения рассеялись. Пови-

димому, у рабочего болели зубы, чем и объяснялась насусленность и молчаливость.

Иохан Оя поднялся, прикрывая ладонью нижнюю челюсть. Рабочие покосились с обедом быстро. После всех вышли Монета и канадец. Они вновь направились к обогатительному заводу.

3

На опытной станции, стоящий рядом с лабораторией, испытывали все свойства добываемого асбеста. Канадца в технике встретил заведующий Уркунов в белом халате и докторском колпаке.

— Нас назвали бы в средние века алхимиками и обязательно сожгли бы за содружество с нечистой силой, — сказал он, коротко посмеиваясь. — Мы утверждаем, что железо превратить в золото теоретически вполне возможно. Мы утверждаем также, что из камня можно, прясть ткани. Разве одно не удивительнее другого?

Вот смотрите — прядильный аппарат. Асбестовые текстильные изделия нужны промышленности.

Есть два способа прядения. Один, известный с древнейших времен, и другой, возникший только в эти годы. Асбест смешивался со льном или хлопком. Вследствие короткости волокон прясть из чистого асбеста до сих пор не удавалось. Асбестовая ткань прожигалась кислотами, чем удаляли примеси и получали чистую ткань не в полном смысле этого слова, так как огонь и кислота не делают свое дело в соршенстве.

Рядом — другой прядильный аппарат, современный, где с помощью целого ряда усовершенствований достигается прядение из чистого асбеста.

Асбестовые ткани бывают различными, имея каждая свое применение в одной из областей промышленности. Ткань делается из асбеста с металлическим переплетением, с резиновыми прослойками. Изделия изготавливаются в виде матрацев и подушек, имеющих поверхность из асбестовой ткани, а внутри набитых волокном.

4

— Асбест огнестоек. Он спас нашу контору от полного уничтожения огнем. Занавес в театре теперь не загорится. Рабочие заводов и фабрик защищены от огня асбестовой спецодеждой.

От действия высоких температур асбест не изменяется и не сгорает, потому что он является минералом.

Есть однако предел и для него. Он плавится при температуре в 1500° , в то время как олово плавится при 226° , а свинец при 162° .

Другой предел, за которым меняются технологические свойства асбеста, является температура в 800° , когда он становится хрупким, перестает быть прочным и эластичным.

Но в технике асбест имеет третий предел — температуру в 450° , когда он становится менее прочным. Дело в том, что асбест содержит от одиннадцати до четырнадцати процентов воды двух типов: конституционной и гигроскопической. Первый тип, конституционная вода, та, что входит в химический состав асбеста, при температуре в 700° безвозвратно исчезает, меняя конституцию асбеста. Гигроскопическая вода испаряется при 100° , и асбест вновь ее вбирает из атмосферы.

Урканов замолчал. Под ревнивым взором техника канадец записывал в блокнот полученные сведения.

— Теперь смотрите, вот наши приборы, испытывающие асбест на разрыв. Они очень несложны — зажимы, чашки весов и гири. Беру простую льняную нить, имеющую поперечное сечение в один миллиметр.

Урканов показал ниточку и зажал ее в тиски. На свободный конец, тоже с помощью зажима, подвесил чашку весов.

— Она весит килограмм, — пояснил заведующий. — Беру гири.

Одна за другой накладывались на чашку весов плоские гири по пяти килограммов весом каждая. Их набралось десять штук, когда Урканов стал класть осторожно разные разновески. Неожиданно нить лопнула, и чашка весов с гирями упала на кожаную подушку.

Урканов продолжал опыт.

— Беру волокно асбеста, доставленное сегодня для испытания, тоже поперечным сечением в один миллиметр.

Вновь стал вырастать столбец гирь и разновесов. Магги и техник боялись дышать, когда двадцать гирь, по десяти килограммов каждая, лежали в чашке. Волокно асбеста не рвалось.

— Этот волос выдержит тяжесть любого подростка, работающего в наших заводских школах.

Урканов стал класть маленькие разновески, считая вслух. Канадец и техник

совсем перестали дышать. Зрелище было удивительное.

— Двести тринадцать килограмм! — объявил Урканов и положил еще разновеску. Волокно не выдержало и разорвалось. Урканов выпрямился. — Разве это ткань? Она крепче стали и железа.

Заведующий восторженно поднял руку и повторил торжествующе:

— Двести тринадцать килограмм нагрузки!

5.

— Асбест не теплопроводен и применяется как термоизоляционный материал для паровозных и паровых котлов, труб, когда борются с потерей тепла. Асбест неэлектропроводен, кислото- и щелочеупорен. Вот асбест, добываемый на нашем месторождении. Отличного качества.

Канадец взял в руки волоконец и, зажав между большим и указательным пальцами, стал рвать его в перпендикулярном направлении, стараясь изломать. После четырех перегибов волокно разорвалось. Магги молча посмотрел на техника.

— О, это из седьмого карьера — мелкий асбест, — пояснил Урканов. — Попробуйте этот.

Магги принял из рук заведующего другой пучек волокон и переломил его после десяти перегибов.

— Жесткий асбест, — определил он. Техник покраснел.

— Не думайте, инженер Магги, что наш асбест исключительно ломкий и жесткий. Это образцы из единичных карьеров. На каждой разработке встречаются и все типы жилкования и все сорта асбеста.

Канадец берет третье волоконец и пытается перервать его. Но усилия ни к чему не приводят. Волокно только пушится в середине и не рвется. Асбест выдержал испытание.

Урканов еще с полчаса беседовал с Магги. Когда прогудел гудок электростанции, Монета повел Магги в лабораторию.

VI. Белые халаты и черные руки

Гнейс быстро говорил по-немецки, поглядывая на Магги поверх очков.

— С доисторических времен известен асбест. На острове Кипре его добывали за четыре тысячи лет до нашей эры.

Пряли асбестовые ткани еще тогда. Но служили они для религиозных целей. Асбест получил название „горного льна“. С наступлением эпохи пара и электричества асбест стал применяться в технике для полезных целей, сначала в домашнем быту, потом в промышленности.

Гнейс показал на рисунки и схемы на стене.

— Асбест делится на две различных группы — роговообманковый и хризотилловый. В первый входят два минерала: крокодилит и амозит. В промышленности царит хризотил-асбест. На его долю падает девяносто пять процентов всей мировой добычи.

Наши разработчики добывают хризотил-асбест. Вот он.

Канадец пощупал шелковистый, светложелтого цвета пучок волоконцев. Длина его колебалась от совсем крошечных обрывков до волокон в пятнадцать сантиметров длиной.

Магги потерев пучок. Волоконца распушились. Асбест был высшего сорта.

Гнейс продолжал.

— Поговорим о запасах. По Союзу записаны в инвентарь асбестовые богатства в количестве четырех миллионов тонн, учтенных и разведанных. Но цифру эту следует увеличить в пятнадцать — двадцать раз. И вот почему. Для обеспечения асбестодобывающей промышленности участками месторождений, надежными по запасам, разведывались месторождения, так сказать, те, где асбест сам лез нам в руки. Прилегающие местности в расчет не принимались. Техник Монета показывал вам с Чудового камня геологическую картину нашего района. С севера на юг тянется полоса змевиновых пород, и лишь узкая лента в этой полосе разведана и взвешена. Запасы в глубину подсчитывались не более чем на пятьдесят метров, в то время как на глубине в сто пятьдесят-двести метров картина залеганий пород и жилкования асбеста не меняется. Начав разработку шахтами, мы отодвинем полное истощение на неопределенное время и на основании этого сможем считать запасы асбеста в Союзе неисчерпаемыми. Не правда ли, дух захватывает?

Магги быстро улыбнулся. Странно. В этой стране все люди чем-либо одержимы. Так много говорят о своих недостатках, промахах, неувязках и в то же время с таким энтузиазмом рассказывают о планах, о перспективах, о будущем.

В дверь постучались. Ага! Это они вероятно, сквозные бригады, ударники и изобретатели. Интересно, где за границей пустят в стены химических лабораторий рабочих, имеющих претензию на контроль над чрезвычайно сложной, требующей громадных знаний и опыта, работой, рабочих, не знающих не только химической формулы обрабатываемого ими продукта, но и не могущих отличить пробирки от колбы. Кто из ученых потерпит, чтобы к нему пришли и строго спросили, в какой стадии находятся опыты, кто из ученых примет предложение помощи?

— Творческая инициатива масс, — промолвил Монета, — является на пятьдесят процентов залогом побед на всех фронтах нашей культурной и промышленной жизни.

В кабинет вошла группа рабочих. Они молча поклонились директору Гнейсу и разместились по комнате, кто — усевшись на стул, кто — просто прислонясь к стене.

Гнейс постучал карандашом по столу.

— Беру слово. Не для вас, находящихся в курсе дела, а для иностранного инженера, товарища Магги, я скажу вводное слово. Есть два способа обогащения асбестовой руды, канадский и русский. Канадский применяется за границей, русский — только у нас. И тот и другой имеют свои достоинства и недостатки. Последних в канадском способе больше. Но асбест нужен, и асбест высокосортный. Ручная обработка — это капля в море, кустарничество. И потому теперь мы очень заинтересованы в рационализации, в механизации, в усовершенствовании производства, в уплотнении рабочего дня. В частности, в Ленинграде производятся опыты с мокрым способом обогащения.

Магги записывал в блок-нот. Поставил вопрос для себя. Почему сами рабочие приветствуют рационализацию, имеющую последствием освобождение части рабочих рук, сокращение штата? Куда денутся освобожденные? Увеличат армию безработных. Армии такой он пока не видел. Для всех достает работы. Очень странно, как они здесь регулируют такие невероятно сложные вопросы.

— Но при мокром способе асбест с трудом отдает полученную им влагу, а применять высокие температуры раскванно. При 415° асбестовое волокно становится менее прочным, — добавил Гнейс.

2

Рабочие начали горячо обсуждать мокрый способ обогащения. Они видели его преимущество над всеми другими, а минусы, о которых говорили, их остановить не могли.

Канадец сидел молча, не вступая в прения. Его дело было наблюдать и записывать.

Слово взял пожилой рабочий из третьего карьера, зарегистрированный конторой разработок как изобретатель, получивший уже несколько премий.

Магги услышал ответные ругательства на том же языке, на каком и сам только что приветствовал появление неосторожного

— Думали так. Составим сейчас маленький наказик, наметим сроки, призовем на помощь изобретателей и заинтересуем общественность. Главные пункты по-моему таковы: сконструировать такой тип сушилок, в которых волокно асбеста не сваливалось бы в войлок, либо перед сушкой как-нибудь волокно распушивать и расчесывать и затем, чтобы процесс сушки происходил скорее и не влиял на качество продукции от температуры.

Гнейс улыбнулся.

— Приемлемо. Только вы там тоже мозгами пошевелите. Соберемся у нас,

ну, хотя бы через десять дней. Мало? Ага, достаточно. Значит, решено.

Рабочие попрощались и ушли. Магги быстро писал.

— Вы не спросили их фамилии?..

— Зачем?— удивился Гнейс.— Вы думаете, они не придут? Но они придут обязательно. Они в этом заинтересованы. Мне не нужно всезнавать их по именам. Разве всех упомнишь? Я получаю письма с разных концов Союза. Неужели мне их все помнить. Неужели изменение сушильной печи, одного рычага, формы дробильных зубцов закреплять за определенными товарищами? Главное-то в производстве, в количестве, качестве, времени, дешевизне.

3

Магги осматривал витрины. Там были собраны образцы изделий из асбестовых смесей. Трубы, черепицы, листы волнистой фанеры. Гнейс, перейдя после посещения рабочих на немецкий язык, объяснял. Канадец записывал. Монета стоял за спиной Магги.

— Коротковолокнистые сорта асбеста широко применяются в строительном деле. Что такое „этернит“? Пятнадцать процентов асбеста и восемьдесят пять процентов портландского цемента. Получается замечательный шифер. В рабочем поселке наших разработок дома крыты черепицей из этернита. Возьмите в руки.

Магги покачал на ладони этернитовую черепицу, удивляясь ее необыкновенной легкости.

— Качества этернитовых изделий следующие: легки, пилятся и режутся как дерево, буравятся, пробиваются гвоздями. Конечно, негоряемы. Жара, мороз, дожди, град не влияют на них. Нетеплопроводны, незлектропроводны, водонепроницаемы. Кроме того, дешевы и прочны. Мы делаем из смеси даже части машин. Два свойства — прочность на разрыв асбеста и свойство крепко схватывать примеси цемента имеет асбоцемент. В него идут самые низкие сорта асбеста и пыль.

Канадец посмотрел на модели домиков под стеклянными крышками витрин.

— Образцы построек из асбоцемента. Незаменимые постройки в местностях, подверженных частым землетрясениям, прочны на разрыв. Из различных составов асбоцемента производятся различные

работы на строительствах: штукатурные, водоупорные, кровельные, печные. Как видите, асбест имеет не только большое настоящее, но и гигантское будущее.

— Простите, товариш Гнейс,— прервал лекцию директора Монета.— Сегодня мы с инженером Магги хотели еще посетить упаковочный цех и осмотреть процесс анализа проб. Так мало осталось времени до отъезда инженера Магги..

Гнейс посмотрел на браслет с часами и встал, протянув руку.

— Простите, я увлекся. Но на свою любимую тему я могу говорить сутки под ряд. Чрезвычайно польщен посещением. Всего хорошего.

Магги улыбнулся и пожал руку директора. Через пять минут они были уже в упаковочном цехе.

Партии волокна упаковывались в мешки. На них ставилось клеймо стандарта. Отдел экспедиции по заявкам предприятий и по приказу центрального управления треста транспортирует асбест во все концы Союза. Доменные печи пылают везде, по всему Союзу возводятся здания, прокладываются трубы и кабели, пыхтят паровые машины, мчится на подъем и под уклон автотранспорт, летают самолеты, плавится чугун, сталь, медь. Асбест нужен везде.

Таксировщики железнодорожных станций, определяя размер провозной платы за асбест и асбестовые изделия, не заглядывают в руководства, отлично зная, что это за товар. Асбест, бывший тайной в давно прошедшие времена, известен теперь каждому школьнику и не по книгам, а в практическом применении.

— Страна строится,— говорил Монета,— в процессе стройки растут кадры. Наша смена на асбестовых месторождениях учится тут же.

4

В дверях с Магги столкнулся рабочий и наступил ему на ногу. Канадец пробормотал ругательство и руками оттолкнул рабочего. Тот оступился и уронил на пол корзину с кусковым асбестом. Магги услышал ответное ругательство на том же языке, на каком и сам только что приветствовал появление неосторожного. Широкоплечий коренастый рабочий поднял загорелое лицо. На Магги взглянули два серых светлых глаза. Были во взгляде сдержанный гнев и презрение.

— Как ты неловок, Иохан Оя!— укоризненно покачал головой Монета и при-

кусил губу. Рабочий медленно обошел канадца и прошел внутрь помещения.

Иохан Оя!

Молния прорезала мрак.

Магги вспомнил.

Канада. Провинция Квебек. Аппалахская горная цепь. Тетфордское месторождение асбеста. Карьер „А“. Рельсы узкоколейки. Электромотор тянет пять вагонеток, груженных рудой. Правит плечистый рабочий в широкополой шляпе.

Солнце висит в середине неба. Рельсы положены временно. Выравнены клиньями, и камнями, подложенными под шпалы.

Один клин выскочил, рабочий не заметил. Поворот. Электромотор поднимает правое колесо в воздух. Мгновенье. Электромотор падает на груды камней.

Рабочий соскакивает и наклоняется над ним. Магги видит. Магги возмущается. Быстро подходит и гибкой тростью ударяет рабочего по спине. Инвентарь принадлежит фирме. Кто заплатит за мотор, выведенный из строя? Удар. Еще. Еще.

Рабочий выпрямляется. Медленно поднимает лицо. Поля шляпы открывают верхнюю часть лица. На Магги глядят в упор два серых светлых глаза. Трость застывает в воздухе. Рабочий поднимает руку. Магги стоит молча. Подбегает надсмотрщик. Удар в лицо, и рабочий падает. Магги идет дальше спокойно, не торопясь. Но взгляд побитого им рабочего его преследует.

Утром рабочий, опрокинувший мотор, не вышел на работу. Он исчез.

Сценку эту видел приезжий из-за океана русский инженер... Инженер пробыв на разработках два месяца.

Иохан Оя. Это он. Инженер — это спутник канадца, техник Монета... Память мгновенно восстановила события с мельчайшими деталями. Магги вспомнил. Но знают ли его? Магги спокоен. Он улыбнулся быстро и вежливо и вышел на улицу.

VII. Канадец теряет чемодан

1

В избе прохладно. Вырезуб приветливо. Монета попрежнему предупредительный. Вырезуб рассказывает о своей скитальческой жизни, о большом Урале. Он его знает весь — от льдов до травяных степей. Спать легли рано. Магги не ждал

заснуть. Очень скоро постель показалась неудобной и жаркой. Нелепым и диким казалось все.

Что за страна, где приходится валяться на пучке соломы! Автомобиль к вашим услугам, но, сходя с него, вы попадаете в средневековье.

Рядом с рабочим поселком, электрифицированным, чистым, Магги видел задымленный шатер кочевников-манси. Дикарь, сошедший с неоседланной лошади, широко улыбаясь, надевает на голову наушники радио. Контрасты удивительны. Эти советы, объединяющие такую массу национальностей, приняли из рук цивилизованного мира культуру, как необъезженную лошадь, взнуздали по-своему и бросили в бег по совершенно неожиданному пути.

Иохан Оя здесь, на Урале. Как он мог пробраться с одного материка на другой? Узнал ли Иохан Оя его? Техник Монета — тот русский, командированный на заграничные асбестовые разработки, который провел два месяца на Тетфордских месторождениях. Узнал ли техник его? Если да, то придется уехать, не выполнив второй части программы. Придется спешно покинуть вообще территорию Союза во избежание вежливого приглашения сесть в международный вагон для доставки под охраной до границы.

Государства сокращают продукцию. Хлеб сжигается. Кофейные деревья вырубаясь. Фермеры засевают половину поля. Переизбыток. Асбест так нужен, но он стал добываться в таком большом количестве, что цена за тонну упала, и, приходится добывание тормозить всяческими способами.

Инженеры и техники сознательно затрудняют выработку. Часть машин прячется и их работа переносится на человеческие плечи. А тут на мировой рынок начал поступать советский асбест — асбест высшего качества. И кроме того, дешевле! Если они свои опыты с мокрым обогащением асбеста будут и дальше вести тем же темпом, укладывая добычу в сроки, давая изобретателям задания, то после перехода на третий, мокрый способ советский асбест станет непобедим.

Быстро делаются дела на Западе и в Новом свете. Продаю, покупаю.

Сколько хотите за продажу секрета мокрого обогащения? Тысячу долларов? Десять тысяч? Тридцать тысяч?

А за уничтожение изобретения и молчание? Еще столько же?

Пожалуйста — чек. Деньги получите в банке, сегодня через час.

Но как здесь подступиться? Гнейс — директор лаборатории. Имея дело с одним человеком, всегда можно рассчитывать на благоприятный исход переговоров. Деньги, шантаж, просьбы и угрозы — средств много. Но в этой стране ничего не делается втихомолку. Каждое изобретение считается достоянием всех трудящихся, принадлежит стране. За Гнейсом стоят рабочие: Вырезубы, Когти, Пепельные, Салаты, Оньковы. Тысячи, миллионы. Миллионы глаз внимательных и понимающих. Контроль и помощь. Всего золотого фонда Соединенных штатов и Великобритании не хватило бы на подкуп, если бы это являлось возможным.

Дело из-за этого страшно осложняется.

У Магги горит голова и пересохло во рту. Завтра он уезжает. Решено. В Москву, а оттуда — во свбюси. Задерживаться бессмысленно. Намеки Монеты и взгляд Иохана Оя. Нет. Он, Магги, узнал. Сомнений нет. Больше здесь делать нечего. В путь!

— Как жаль, — говорит Монета, — а я хотел показать вам подрывные работы, разведки и закладку шахты. Очень жаль, что уезжаете. Но что делать. Если пришла телеграмма из центра, значит, там ваше присутствие необходимо. Не беспокойтесь. Я доставлю вас на автомобиле до станции как раз к приходу поезда. Билет будет заказан по телефону. Никаких хлопот. Никаких случайностей. Прямое сообщение Свердловск — Москва. При желании можно на самолете.

Магги дотрогивается кончиками пальцев до шляпы. Очень хорошо. Он бы еще остался на разработках, но его вызывают в центр. Жаль. Но Магги надеется еще раз встретиться с любезным техником. Что? Да, возможно еще этой же осенью.

Под окном провыла призывающе сирена машины. Канадец вышел из избы и сел на мягкое сиденье. Техник сам укладывал вещи в заднее багажное отделение.

Автомобиль поехал. Поплыли мимо постройки разработок. В котловине карьера в этот ранний час утра еще клубился туман. Лес стоял молчаливый. Замерла ночная жизнь. А дневная только начала пробуждаться. Монета говорил без умолку, называя горы, реки, деревни.

На станции они только успели пройти на перрон, как подкатил поезд.

— Скорей!— торопил техник, подсаживая канадца и передавая ему вещи.

— Чемодан!— крикнул Магги, недосятившись одного чемодана, того самого, куда он утром сложил все записки и образцы.

— Бегу!

Монета бросился через помещение вокзала к автомобилю, но здесь, вместо того чтобы скорее схватить чемодан и бежать обратно, встал и выжидающе посмотрел на паровоз.

Только когда послышался свисток кондуктора и ответный гудок паровоза, техник вынул из автомобиля чемодан и пошел на перрон... Но было уже поздно... Мимо проплывали вагоны... Магги стоял на подножке. Монета поставил чемодан на землю и развел руками. Он сделал все, что мог...

Поезд скрылся. Только клубы дыма таяли, зацепившись за деревья. Автомобиль доставил техника с заветным чемоданом канадца обратно на разработки.

2.

В тот же день в избе Вырезуба собралась группа рабочих. В их числе был и Иохан Оя. Говорил Монета.

— Вот что, товарищи. Был здесь у нас в гостях инженер, иностранный специалист, консультант из центра, канадец Магги. Случайно я и Иохан Оя, канадский эмигрант, знаем его лично. Два года назад я был в командировке за границей и видел, как инженер Магги избил рабочего Иохана Оя. Этот факт запомнился. Каково же было мое удивление, когда товарищ из центра оказался представителем иностранной фирмы. Как он попал в наш Союз? Что ему было надо? Бескорыстия от таких акул, как Магги, ожидать не приходится. Тут было что-то не то. Я ходил за Магги неотступно, спал рядом с ним и ел за одним столом. Совершенно случайно,— техник улыбнулся,— чемодан господина Магги остался у меня. Я посмотрел кое-что и расскажу вам об инженере. А чемодан со всем содержимым придется направить в Москву. Дело слишком большое и касается не только нас. Инженер Магги подписал контракт с нашим правительством на двухлетнюю работу в Союзе. Но дело в том, что в сущности Магги послан одной из крупнейших фирм в наш Союз для борьбы с советским асбестом.

Магги — экономический шпион. Но мы его разоблачили и на его происки в свою очередь ответим количеством и качеством продукции. Не страшны нам Магги. Нас — миллионы!

"ПОДСТАВКА ЛУНЫ"

(Путешествие на Таганай)

Очерк Н. КУШТУМА

Буря на озере Тургояк

Вечерело. Заходящее июльское солнце багровыми отблесками отражалось в прозрачной воде озера Тургояк. Солнце золотило верхушки стройных сосен на скалистом берегу.

На берегу озера, на распутьи двух тропинок, уходящих в горы, стояли три молодых парня и ожесточенно спорили.

Собственно спорили только двое, — Павел и Леонид, а третий — здоровый детина с колной рыжих волос, Миша — сидел на берегу и меланхолически бросал гальки в воду, совершенно безучастно относясь к спору, который разгорался все яростней из-за того, куда свернуть — вправо или влево.

— Ну, теперь вам до утра хватит, — лениво пробурчал рыжий парень. Он прицелился и ловко пустил плоскую гальку рикошетом. Галька запрыгала по воде. По поверхности расплывались зеленые круги.

В разгар спора из леса вынырнул парнишка лет тринадцати, с пестерем за плечами, в домотканном пиджаке и лаптях. Был он белобрыс и вихраст.

Он остановился и молча слушал, как спорят два человека, забыв все на свете.

Затем подошел к ним вплотную и сел рядом с Мишей. Спорщики его даже и не заметили. Они вынули блокноты и чертили в них направление лесной тропы.

Мальчик тронул Мишу за плечо. Тот лениво обернулся.

— Што это они спорят?

— Горячие. Перепутали все и спорят, по какой тропе в Куштумгу итти.

— Я сам отсюда. Вон по той надо, — и парнишка указал направо.

Тогда Миша неторопливо поднялся на ноги и подошел к спорившим.

— Крышка. Довольно болтать. Проводник нашелся.

Ребята разом обернулись.

— Ты откуда взялся? — стремительно заговорил Ленька.

— Из Куштумги.

— Вот нам туда-то и надо, а потом на Таганай. Проведи нас по этим местам, а мы тебе заплатим. Отец тебя отпустит?

— А што ему меня держать. Я дома мало живу. Все по лесам хожу.

Соглашение состоялось. Понукаемый товарищами, Миша одевал рюкзак на плечи.

...Три челябинских студента: Леня Костомаров, Миша Дубровин и Паша Соколов сговорились пройти за время каникул пешком по Южному Уралу. Они слышали от многих, что Южный Урал по праву считается советской Швейцарией.

Сборы были недолги. Доехав поездом до Миасса, дальше двинулись пешком.

В Миассе, в краеведческом музее, им посоветовали до Златоуста итти тропинками прямо через горы по маршруту: Миасс — озеро Тургояк — Куштумга — Таганай — Златоуст.

Заведующий музеем, ходивший по этим местам десятки раз, подробно объяснил им направление тропинок и даже нарисовал план.

— С планом вы не собьетесь с пути, — сказал он на прощанье. — Обязательно идите по этому маршруту. Вы увидите самые интересные места на Южном Урале.

С помощью этого плана ребята пришли к вечеру в большое село Тургояк, расположенное на берегу одноименного озера, в 20 километрах на запад от Миасса.

Переночевав в доме отдыха на берегу озера, с утра начали осматривать окрестности. Их восхищению не было границ.

Не даром за озером Тургояк ходит слава самого красивого на Южном Урале.

Окруженное горами и морем леса, на двенадцать километров в длину и шесть в ширину раскинулось это глубокое голубое озеро.

Вода его, имеющая радиоактивные свойства, настолько чиста и прозрачна, что с лодки простым глазом видно, как на дне плавают рыба. Дно усеяно песком и мелкой галькой. Озеро славится обилием рыбы — главным образом, окуней и шук.

Ребята не устояли против соблазна покататься по озеру. Наняв у рыбаков лодку, они быстро отчалили от берега. Двое гребли, а Миша мирно дремал на корме лодки. Скоро показался маленький скалистый островок „Вера“. Причалив к нему, они нашли там рыбаков из Тургоякского колхоза. Рыбаки угостили их свежей ухой и рассказали, что около другого берега на Пинаевском острове раньше был кержацкий скит и сейчас еще сохранилась пещера, в которой жил когда-то отшельник.

Осмотрев островок „Вера“, ребята решили отправиться туда.

— Смотрите, ребятки, — предостерег их старый рыбак, — время к вечеру. Как бы буря не поднялась.

— Ерунда! — возразил Леонид. — Мы не маленькие.

— Ну, как знаете!

Оттолкнув лодку от берега, ребята отправились дальше. А небо и в самом деле нахмурилось. Лодку уже подбрасывали набегающие волны. Грести становилось все труднее. Издалека доносились раскаты грома.

В бурю озеро Тургояк становится неузнаваемым. Высокие волны с разбега бешено бьются о скалистые берега. Бушует озеро, пытаясь вырваться из кольца гор. Горе неопытному человеку оказаться на озере в разгар бури. Ежегодно здесь гибнут зазевавшиеся новички.

Миша не на шутку перепугался. Большие волны высоко подбрасывали лодку. Озеро потемнело. Далекий берег скрылся из глаз. Назад было вернуться нельзя — ветер гнал лодку к противоположному берегу. Сверкнула молния, загредел гром, прыгали волны, и ребята в страхе ежились под потоками дождя.

Когда уже до Пинаевского острова осталось недалеко, на лодку обрушилась огромная волна. Мише показалось, что она была не меньше двухэтажного дома. Он инстинктивно бросился на дно лодки, выпустив из рук кормовое весло.

— Что ты делаешь? — закричал Леонид.

Но было уже поздно. От резкого толчка лодка, ставшая боком к волне, опрокинулась, и ребята очутились в воде. Лихорадочно работая руками и ногами, они поплыли к острову.

— Выбрасывай камни! — хрипло крикнул Павел.

Плывя на спине, ребята торопливо выбрасывали из карманов камни, собранные на острове „Вера“.

Плыть стало легче. Лодка исчезла, увлекаемая вдаль.

Отчаянными усилиями борясь с волнами, ребята с трудом добрались до острова.

Стоя на скалистом берегу, они наблюдали разыгравшуюся стихию. Стемнело.

— Ну, робинзоны! — обратился к ним Леонид. — Придется здесь ночевать.

— Небольшое удовольствие ночевать под дождем, — проворчал Миша.

— Сам виноват. Зачем опрокинул лодку, — упрекнул его Леонид.

— А пещера! — вспомнил Паша. — Давайте-ка поищем ее, пока ночь не наступила.

Не меньше часу, спотыкаясь о камни, бродили в темноте, отыскивая пещеру. Попали в болото и еле выбрались из него, пробираясь в камышах. Продрогли, потеряли всякую надежду найти пещеру.

— Ребята, огонь! — закричал вдруг Павел.

И в самом деле, невдалеке, прорезая тьму, сверкал огонек. Ребята бегом бросились туда и вскоре очутились у входа в пещеру. В камельке горел огонь. Широкоплечий, густобородый, лохматый старик сидел у огня и варил уху.

Когда вошли ребята, он поглядел на их мокрую одежду и усмехнулся.

— Искупались?

— Искупались, дедушка! — хором ответили ему потерпевшие крушение.

— Ну ничего. Хорошо, что не утонули. Раздевайтесь. Сушите одежду, да сами грейтесь.

Угостил их ухой, разговорился. К согрешшимся ребятам вернулось хорошее настроение. Они засыпали старика вопросами.

— Тургояк, это тебе не простое озеро. Чуть не угодил ему — утопит беспременно. Разгуляется, разбушует — беда. Видно у вас, ребятки, богатое счастье — спаслись, а то бы тут вашей жизни и конец, — говорил дед.

— Дедушка, а ты откуда будешь?

— Крапивин я. Тут за горой Куштумга есть. Может, слышали?

— Туда мы и пробираемся.

— Ну дак вот я оттудова родом.

— А как сюда попал?

— Рыбачил. Живу я наискосок, на берегу, смолу курю да рыбу ловлю.

Поговорили еще немного со стариком, высушили одежду и легли спать. После пережитого волнения спалось крепко.

Утром Крапивин разбудил их.

— Ну, ребятки, поехали на берег.

Подплывая к смолокурке, ребята обрадованно вскрикнули. На берегу лежала лодка, на которой они вчера потерпели крушение.

— Вишь ты, на берег выбросило. Э, да это кумова лодка-то! — заметил старик.

Ребята обрадовались.

— Дедушка, ты переправь ее хозяину.

А то он, наверное, ругается.

— А што переправлять-то. Он ко мне часто ездит. Приедет и возьмет.

— Значит, лодка не пропадет?

— Знамо, нет.

Крапивин показал им свою смолокурку. Смолокурка была маленькая, самого простого устройства. Смолье и бересто для курения смолы и дегтя он добывал тут же, в лесу. Старик почти круглый год проводил на берегу озера, изредка наведываясь в деревню.

— Здесь вольготнее жить. Ругаться не с кем. Обидеть тоже некому.

— Ане скучаешь? — спросил его Ленька.

— А што скучать-то? — Тут места веселые. Посмотри-ка кругом. Глаза радуются — такой тут простор. Нет, я не скучаю.

На лодке вдоль берега

Понравились Крапину веселые ребята, и он предложил попутным делом повезти их вдоль берега Тургояка на Озерские печи.

— Не пожалеете. Увидите хорошие места. А после обеда пойдете дальше в Куштумгу. Поехали?

Ребята с радостью согласились. Предложение старика давало им возможность лучше осмотреть берега озера.

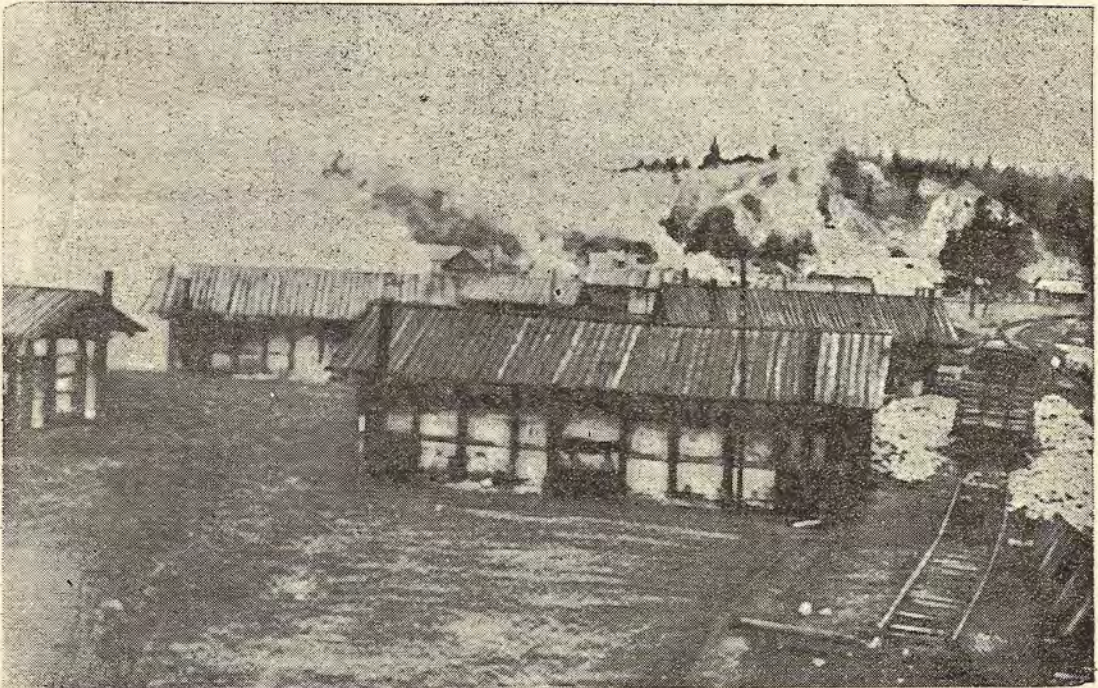
Озеро было великолепно. Освещаемое утренним солнцем, оно ослепительно сверкало. На берегу высились стройные высокие сосны, перемежаемые кудрявыми березами. За поворотом увидели, как в зеленом уборе лесов высится круглой вершиной гора.

— Это что за гора?

— Пугачевской называется.

— А разве Пугачев здесь проходил?

— Сам не видал, а деды сказывают, что тут его помощник с войском стоял.

Томильные угольные печи

К нему со всех сторон мужики шли, которые обиженные были. Сказывают, хороший человек был, помощник-то. Строгий, но справедливый. Богатых не миловал, но бедных любил. Грамота ему была такая от самого Пугачева. Вот с тех пор гора так и называется.

Крутой берег постепенно понижался. Сосновый лес сменился лиственным. Вскоре лодка повернула в узкий залив. Крапивин указал на дым, вьющийся над деревьями.

— Озерские печи. Заедем к брату — он нас обедом накормит.

Минут через десять пристали к берегу.

В двухстах саженях от берега расположились над озером Озерские печи. В сосновом бору беспорядочно раскинулся десяток изб, а повыше вытянулись в ряд восемь углевыжигательных печей. Около них стояли длинные поленицы заготовленных дров, а в угольных сараях и просто в отвалах лежал выжженный уголь. Зимой, по первому санному пути, углевозы повезут его на златоустовские домны.

— Дедушка, расскажи нам, как выжигается уголь, — попросил Леонид.

Крапивин подвел их поближе к печи.

— А вот смотрите сами. В печь сажает дрова березовые там или сосновые или еще какие. Когда насажена, ее наглухо закрывают и все щели замазывают, чтобы продуха не было. Не дай бог, если продуха где-нибудь окажется — все дрова начисто сгорят, тогда начинать все сначала. Тут зоркий глаз нужен. Ну, ладно. А внизу, под печью, устроена топка. Кочегар ее бесперечь топит, чтобы был одинаковый жар. Дрова-то, значит, не горят, а томятся и помалу превращаются в уголь. Пока из дров не потечет сера по желобку, все топит кочегар свою топку. А когда потекла сера — тут уж довольно топит. Начинает печь остужать. Дрова уже сделались углем. Через двое суток печь открывают и начинают выламывать уголь. А потом сызнава садку дров делают.

— А как раньше уголь жгли?

— Раньше-то? А тогда никаких печей не было. Уголь мы жгли в кучах.

— В каких кучах?

— А это вот как делалось. Кладется несколько рядов дров, поленицы в роде. Их плотно закрывают свежим дерном, а сверху засыпают землей и утаптывают. Получается высокая куча. У нее тоже есть в роде топки. Ну, вот сидишь и караулишь, как томятся дрова, как из

березового полена делаются угольки. Только в кучах хуже получается. Часто дрова загораются и приходится тушить пожар. Так, бывало, все лето и живешь в лесу. Дрова рубишь да кучи жжешь.

— А это не опасная работа? — спросил Миша.

— Как тебе сказать. Ничего такого ровно нету. А бывают, конечно, и тут случаи. Помню, еще молодым когда был, утаптываю землю на куче, а в дерне-то, видать, щель появилась, али вообще это место не заложили. Топтал, топтал, а потом не успел голосу подать, как провалился с головой меж полениц в самую середину кучи. Провалился и сию. Позвать некого — моя куча в стороне была. Сам выбраться тоже не могу. Так я весь день и целую ночь и просидел в куче. Боялся все, как бы кто топку не зажег. Только на другой день, когда мой парнишка принес мне обед из деревни и позвал на помощь людей, выбрался я из кучи весь исцарапанный. А так опасного нет ничего. Бывает, обжигаются маленько, ну так это из-за себя. Не гляди по сторонам.

Осмотрев печи, ребята стали собираться в путь.

— Идите по тропе вдоль озера, — сказал им на прощанье Крапивин. — А как дойдете до речушки, поворачивайте направо. Перейдете через гору — там будет тракт.

— Спасибо тебе, дедушка, за добрую встречу, — сказал ему Паша, крепко пожимая руку.

— Не за што. Заходите еще, коли путь будет.

Тропа вилась вдоль берега. С веселой песней ребята быстро шагали вдоль берега. По дороге они искупались в маленьком заливе. Купаться было очень приятно. Вода теплая. Дно чистое, нечем ногу ушибить — все устлано песком и мелкой галькой. Выкупавшись, долго лежали на песке.

Но вот солнце стало склоняться к закату.

— Пора и в дорогу, — забеспокоился Леонид.

И снова все трое зашагали по извиистой тропе.

Вскоре они дошли до быстрой речушки которая журчала в камнях и с обрыва низвергалась в озеро. Все невольно, очарованные, остановились и долго наблюдали за тем, как сверкает на солнце падающая вода.

— А красиво же здесь, ребята!— воскликнул Павел.

— Здорово,— подтвердил Леонид.— Однако, пошли дальше!— И он, повернув по тропе налево, решительно зашагал в гору.

— Куда? Куда ты пошел?— закричал Павел.— Направо надо.

Ленька остановился.

— Ничего подобного,— возразил он. У тебя, верно, память отшибло. Старик сказал, что надо свернуть налево.

Тут-то и разгорелся жестокий спор, описанный нами вначале, и только неожиданное появление парнишки прекратило препирательство горячих спорщиков.

Нанятый ими в проводники, он уверенно повел их по тропе. Перевалили через гору и вышли на зимний тракт. Уже стемнело, когда Володя Кирьянов (так звали порнишку) привел их в деревню Куштумгу.

Киалима и Тесьма

У самого подножия Уральского хребта, закинутая в глухие леса, окруженная высокими горами и топкими болотами, стоит на косогоре маленькая деревушка Куштумга.

В ней всего только 120 дворов, хотя основались здесь жители около 1760 года, когда строился тульским купцом Мосоловым Златоустовский завод. Пригнали тогда семь семей крепостных сюда, в непроходимую тайгу, и сказали:

— Живите здесь. Работайте. Дрова рубите, да уголь томите. А убежать вздумаете—пошады не дадим.

С тех пор и живут здесь лесорубы. Лес их кормит, одевает и согревает.

На 120 дворов— всего только 10 фамилий. Все коренные, давнишние. Одних Волокитиных— 31 двор.

Со времени основания деревни лесорубы и углевозы работают на златоустовские домны, что расположены в 25 километрах, по ту сторону Уральского хрета.

Хлеба не сеют, потому что вокруг горы, непроходимые леса да болота— непригодные места для посевов.

Колхоз здесь особенный—лесной. Уголь, дрова, баклушки, деготь, смола—вот что производит он. Да еще продает возами малину и брус-

нику на городском рынке. Ягоды здесь всякой множество: малина, брусника, черника, земляника, голубика, клюква.

Лесом да ягодами и живут лесорубы.

Около самой деревни, на берегу речки Куштумги, у Вороньего омута, расположены углевыжигательные печи, построенные уже после революции. А дальше, среди лесов, по течению маленьких горных речек, стоят печи Сухокаменские, Индаштинские, Озерские и Галовские. Зимами со всех пяти печей окрестные углевозы везут через Уральский хребет древесный уголь на Златоустовский завод.

Солнечным утром вышли ребята из Куштумги по тракту на север, направляясь на Таганай. Вел их шустрый проводник Володя Кирьянов. Он охотно

Выгрузка готового угля из томильной печи

сообщал им сведения о местах, по которым они проходили. Ему нравилось, что взрослые разговаривают с ним, как с равным. Дорога вилась над речкой, скрывающейся в зарослях черемухи и тальника, вдоль Варгановой горы.

Когда они дошли до волокитинской дороги, Володя показал им на хребет.

— Вон там, за хребтом, из болота две речки в разные стороны бегут.

— Так это значит здесь водораздел? — спросил его Павел. И ребята вспомнили рассказ миасского краеведа.

Около самого хребта, на плоскогорьи, раскинулось большое болото. Из него вытекают две маленькие речки — Большая Тесьма и Киалима. Выйдя из одного болота, они, как поссорившиеся, текут в разные стороны. Недаром сложена о них такая легенда.

В далекие времена, когда на Урале звери редко видели человека, когда на сотни верст вокруг не было никаких поселений, на этой горе жили две речки-сестры — Киалима и Тесьма.

Жили они дружно, теки рядом и никогда не ссорились. В ясную погоду улыбались, отражая в себе яркие прибрежные цветы и голубое небо. Играли с каменными россыпями, с разбега бросались на скалы, падали с них стремительно вниз, сверкая брызгами на солнце.

Иногда приходил сюда высокий, стройный лось — смелый и красивый вожак. Он приводил сюда на водопой свое стадо и здесь оно отдыхало. Вожак купался в воде речек-сестер. Весело и хорошо шла жизнь.

Но вот полюбила Тесьма красавца лося сильной любовью. И она сказала лосю:

„Люби меня одну. Не ходи к Киалиме — вода моя мягче и вкуснее. Берега мои красивее. Когда тебе придет время вести стадо на север, я скроюсь под землю и ты проведешь стадо, не замочив копыт“.

Увлекла его Тесьма жаркими словами. Показалось вожаку, что и в самом деле Киалима — плохая речка, и перестал он водить свое стадо на ее берега.

Заскучала Киалима. Огневалась.

Когда уводил вожак свое стадо на север, Тесьма бросилась под землю и обнажила свое русло, и все лоси прошли, не замочив копыт, и скрылись в лесу.

Когда ушли лоси, Тесьма решила снова вернуться на белый свет, в свое русло.

Но не тут-то было.

Киалима завалила выход огромной скалой. Испугалась Тесьма. Заплакала. Куда ни кинется — нигде ходу нет.

Попала она навеки в сырую и темную подземную тюрьму.

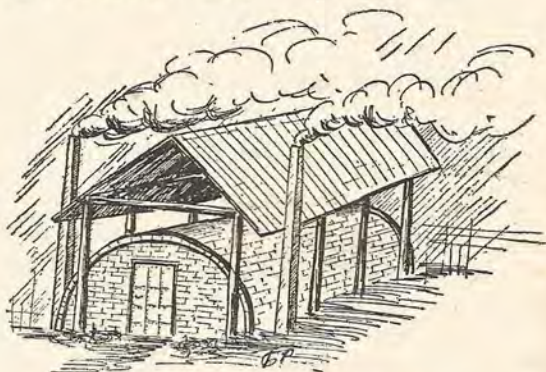
Стала Тесьма у сестры пощады просить. Год плакала — наконец, разжаловала сестру. Выпустила она ее на белый свет, но через глиняный грунт, за пять верст от своих берегов.

Вышла Тесьма на волю и не радуется. Испортила Киалима, сестра-соперница, ее красоту. Берега у нее стали вязкие, болотистые, а воды ее — желтые, грязные. Разгневалась она и повернула в другую сторону от сестры.

На другой год снова привел вожак свое стадо.

Поглядел он на Тесьму, сразу разлюбил ее и повел лосей прочь. Звала, приглашала его к себе Киалима — но не пошел лось и к Киалиме.

Гордо шел он на восток, не оборачивая головы назад.

Томильная угольная печь

С тех пор Киалима и Тесьма стали врагами и текут в разные стороны — первая по одному склону, вторая — по другому склону Таганая.

Так в поэтической форме объясняет легенда водораздел в этой горной точке Уральского хребта.

Пути этих речек таковы:

Тесьма впадает около Златоуста в Ай, Ай — в Уфимку, Уфимка — в Белую, Белая — в Каму, Кама — в Волгу, Волга — в Каспийское море.

Брось в Тесьму кедровую шишку, и, если она по пути нигде не застрянет, уральские воды унесут ее в далекое Каспийское море, в незнакомые, теплые края.

А Киалима убегает от сестры на север. Она впадает в Миасс, Миасс — в Исеть, Исеть — в Тобол, Тобол — в Иртыш.

Иртыш — в Обь, а Обь несет свои холодные воды в Северное полярное море, где о берег бьются сверкающие льдины.

И может быть и сейчас упавшая в воды Киалимы другая кедровая шишка вмерзла в льдину и плавает в холодных северных просторах.

Так разошлись пути двух горных речек.

Ребята перешли шаткий мост, перекинутый через речку Куштумгу. Здесь она, резко повернув на север, идет узкой долиной между Варгановой и Красноглинной горой, чтобы около Исильского бугра вырваться из плена гор и кинуться в дремучие леса на восток.

Здесь путники задержались ненадолго. Они тщательно осмотрели бугор, где увидели залежание слюды. Блестящие слюдяные плитки валялись на земле.

— Мы, когда ходим по малину, берем с собой эту слюнбу играть, — сообщил Володя.

— Не слюнбу, а слюду, — поправил его Ленка.

— Ну, все равно. Она красивая. Здесь ее француз в японскую войну добывал, а потом што-то бросил. А то прямо ящиками куда-то ее отправлял.

Записав в блок-нот местоположение залежи, ребята тронулись дальше.

С Исильского бугра они спустились в красивую березовую рощу. Все березы казались одетыми в белые чистые халаты.

За рощей показались Сухокаменские мечи. Они ничем не отличались от остальных. Осмотрев их и пообедав, тронулись дальше. Дорога стала подниматься вверх. В семи километрах от печей они вззошли на Филинский стан, как раз на перевале. Здесь, около Гранитного утеса, устроили короткий отдых. И снова, входя в роль опытного проводника, Володя сообщил им.

— Тятка сказывал, што он здесь ро- бил пять годов тому назад.

— А что он делал здесь?

— Гранит добывали. Инженерша как-то тут распорядилась.

— Тут, наверно, не только гранит в земле спрятан, — сказал Леонид, записывая эти сведения в блок-нот.

— Ты не записывай, копать все равно нельзя, — заметил юный проводник.

— Почему?

— Вода затопит. Дедушка сказывал — Таганай рыть зачали, а оттуда вода как хлынет — все и разбежалось. А в Тагане всеякие камни есть, и красные, и зеленые, и еще много других.

— Удивляюсь, — пожал плечами Паша, — почему сюда геологическую экспедицию не пошлют.

— А вот кончай институт, да и приезжай сюда ковыряться, — усмехнулся Миша.

— Подожди, до всего доберемся, — авторитетно заявил Леонид. — Урал и на сотую долю не разведан. Вон посмотри, — он указал на высящийся вдаль Таганай. — Никто еще не знает, какие богатства в нем скрыты. А будет время — все пойдет на пользу Советского союза.

Взглянув на Таганай, Володя заторопил их.

— Пойдемте скорее, а то не успеем.

— А что? — торопливо спросил его Миша.

— А видишь?

Приключения в болоте

Вершину Таганая заволакивала черная туча. Вот уже он стал виден только наполовину.

— Гроза большая будет. Дождище будет большущий. Тогда тропкой через болото не пройдешь. Кругом придется обходить.

Молча, быстрым шагом пошли ребята вперед. Дорога, извиваясь между скалами, привела их в глубокую долину, где теснились утесы Иссыла и слышался грохот далекой грозы на вершине невидимого для глаз Таганая.

Деревья тревожно качали вершинами. Птицы замолкли. Лес под порывами ветра шумел и трещал.

Вот и тропа. Володя свернул на нее и пустился бежать. Спутники бросились за ним. В лесу потемнело. Тучи покрыли все небо. Не успели они пройти еще болото, как молния разрежала мрак. Загрохотал гром, гулко отдаваясь в горах.

И вот разразился сильнейший ливень. В одну минуту все смокли до нитки. Шли молча, стараясь не оступиться в болото. Тропу было трудно различить. Но Володя уверенно шел вперед, подгоняя своих спутников.

— Давайте где-нибудь укроемся, — завопил выбившийся из сил Миша.

— Еще в темноте влетишь куда-нибудь и не выберешься, — поддержал его Павел.

Гроза разбушевдалась не на шутку. Громовые раскаты, казалось, потрясали горы, словно кто-то бил по ним огромной кувалдой. Вдруг, совсем рядом, грохнулось на землю дерево, раздробленное грозой.

Ребята испуганно отскочили в сторону и остановились.

— Володька, где ты?— испуганно крикнул Леонид.

— Ответа не было.

Огромная сосна перегородила тропинку. Ребята лихорадочно шарили руками вокруг. Спичку зажечь было невозможно.

Дважды обшарили они сосну. Володи не было. Миша в изнеможении сел на ствол.

— Может, его в болото сшибло?— пробормотал он.

— Давайте поищем,— предложил Леонид и первый спрыгнул с тропинки в сторону.

— Помогите! Тону!— дико закричал он тотчас же, ибо, спрыгнув, сразу погрузился в тину. Его неодолимо тянуло вниз.

Паша, схватив толстый сук, кинулся к нему.

— Держись!

Леонид ухватился за сук обеими руками.

Общими усилиями Паша и Миша вытащили его на тропинку. Весь он был облеплен липкой грязью. Тяжело дыша, он спросил:

— Где же Володя?

— Утонул наш проводник!— со слезами в голосе пробормотал Миша и отвернулся в сторону. Плечи его вздрагивали.

Ребята подавленно молчали. В голове у всех бродили тревожные, невеселые мысли.

А кругом грохотала гроза. Казалось, еще немного — и небо расколется, а горы опрокинутся в болото.

Одинокие, испуганные, стояли они в темноте под яростным ливнем, не зная что предпринять и куда идти.

Вдруг в промежутке между ударами грома, они услышали звонкий крик от куда-то из темноты.

— Это Володька!— радостно завопил Миша.

Стараясь не сбиться с тропинки, ребята бросились на крик.

И вот уже Володя стоит рядом с ними и весело смеется.

— Где вы пропали? Я кричал, кричал. Думал не знаю што...

— А ты куда девался?— сердито спросил Леонид.

— Балаган искал. Тут он, недалеко.

Не прошли они и ста сажен, как вышли на пригорок. Почувствовав под ногами твердую землю, облегченно вздох-

нули. Балаган стоял на бугре, среди высоких сосен, в стороне от тропинки. Через полчаса все сидели около камелька, в котором весело потрескивал огонь, и смеялись над своими недавними страхами.

— Чей это балаган?— спросил Паша.

— Охотничий. Дядя Максим построил.

— Ну и молодец же ты, Володька,— похвалил его восхищенный Леонид.

На вершине Таганай

Выспавшись в балагане, путешественники утром пришли на берег Киалимы, где стоят Верхнекиалимские углевыжигательные печи.

Киалима, как маленькая юркая змея, вьется между Таганаем и Исылом и, огибая их, уходит дальше в урман, а здесь, над самыми печами, сияет на солнце высокими утесами красавец Таганай, достигая высоты 1400 метров.

Таганай—священная гора башкир, населявших прежде этот край. В переводе на русский язык он означает — подставка луны.

По преданиям, в незапамятные времена здесь было башкирское село. Жители поклонялись горе, на вершину которой раз в месяц спускалась луна. Из далеких сел, за сотни верст по горным тропам, через дремучие леса приходили башкиры поклониться священной горе.

Но все это народные легенды, древние предания — а здесь, перед глазами восхищенных ребят, высился живой Таганай, с высокими вершинами, с цепью горных кряжей, протянувшихся вплоть до Златоуста.

Осмотрев печи, они перешли по узкому мосту, через бурную Киалиму и устремились по тропе вверх, туда, на вершину.

Тропа вилась вверх через хвойный лес, через вырубленные делянки, поросшие высокой травой и кустами маличника.

Выше! Выше! Вот уже лес редет. Чаще встречаются каменные россыпи, деревья становятся ниже.

Выше! Ельник и пихтач остаются за спиной. Их заменили богульник, можжевельник, карликовые березы.

Из скал бьет холодный ключ и бурными каскадами низвергается вниз по склону, чтобы превратиться в горную речку.

Вокруг в разные стороны, окруженные скалистыми грядками, раскинулись

широкие поляны, поросшие мхом и брусничником.

Брусники было неописуемо много. Здесь ее черпают железными бралками. Наберут ведро и тащат на стан, где стоят телеги с огромными корзинами.

Возами отсюда бруснику и голубику в Златоуст возят по горному тракту.

Отдохнув и подкрепившись у ключа, ребята начали взбираться на вершину Таганая. Подъем был очень труден. Ежеминутно рискуя свалиться вниз, медленно продвигались они вперед.

Из-под ног летели камни. Володя, как горная коза, легко взбирался вверх.

Отдохнут на выступе минут пять, а он уже их снова подгоняет.

— Скорей! Скорей! А то как закроет все облаками, туманом, заблудимся и свалимся вниз.

— Какие тут облака? — возразил Миша.

— Вокруг все ясно.

— Ты еще ничего не знаешь. Сейчас ясно, а глядишь все туманом закроет. Тут место такое, — поучал юный проводник.

И он снова двинулся вперед.

Выше! Выше! Вот уже они пробираются сплошной россыпью. Вот уже ползут, осторожно перебираясь с камня на камень.

Дует легкий ветерок. Еще напряжение — и они на вершине.

Но как же здесь хорошо!

Под ногами необозримое море зеленых лесов. Цепи гор синеют вокруг. На севере, среди лесов, маячит величественная вершина Юрмы. На юге вдали виден город Златоуст, горы Косотур, Уреньга, а еще дальше Иуртуш.

На востоке могучей стеной стоит Урал-Тау (главный хребет). За ним озеро Увильды, а еще дальше в солнечном мареве, чуть виднеется далекий Кыштым. Правее сверкает озеро Тургояк, за ним Ильменский хребет и город Миасс.

Тут и там среди лесов маленькими прогалинами виднеются лесные деревушки.

Синь. Простор. Необъятность.

Хочется громко кричать, петь, чтобы голос твой отдавался по округе, эхом ударяясь с горы, перелетая дальше.

Хочется набрать полную грудь горного воздуха и пить его, как целебную воду.

Здесь, на высоте, под облаками, земной шар кажется более осязательным и понятным. Лучшевсего учебника здесь раскрывается история земли, становятся ясными те далекие времена, когда гигантские

Таганай — вид из Златоуста

смещения земной коры выдвинули, возвысили эти хребты и вершины.

Земля кипела, шаталась, она вставала на дыбы, и на память от тех времен нам остались эти прекрасные горы.

Сколько же богатств таят в себе они? Сколько полезных руд ждут человека. Ждут, когда он придет и пытливым глазом вскроет их недра, наполненные сокровищами,

Долго стояли на вершине и мечтали трое ребят. Они мечтали о прекрасном будущем, которое еще лучше нашего радостного настоящего. Они стояли и смотрели, пожирая глазами просторы.

Очнувшись от очарования они лишь тогда, когда туча начала окутывать вершину и юный проводник дернул за рукав Леонида. Тот обернулся.

Володя молча показал ему на соседнюю вершину.

— Надо спускаться вниз.

Тем же путем, осторожно стали спускаться они с вершины.

Когда они вошли в балаган около ключа, снова началась гроза с проливным дождем. Но она уже была не страшна. Раздевшись, в одних трусах, ребята выбежали под ливень, радостно хохоча.

Ливень прошел. Выглянуло солнце и еще прекраснее стало вокруг.

Проголодавшийся Миша деловито киятил чай.

Володя с Пашей ушли на западный склон за голубикой.

Они прошли мимо высокого утеса, а затем перевалили через невысокую гряду скал. Нагибаясь, Паша подбирал небольшие камни, отбивал некоторые молотком, клал их в карман и бормотал про себя:

— Навантурин... Гранит... Сланец... Кварц...

Володе то и дело приходилось окликать его. Но вот и склон. Он весь усеян кустиками спелой голубики. Склон круто обрывался вниз.

Дул свежий ветерок. Володя и Паша, ползая на коленях, собирали в котелки голубику. Паша, сидя на корточках над обрывом, наполнял свой котелок и восхищенно покрикивал:

— Вот это да! В жизни не видал столько ягод.

Вдруг резким порывом ветра его бросило в сторону. Он вскрикнул, взмахнул руками и покатился с обрыва. Котелок, перегоняя его, звенел о камни, а затем исчез внизу.

Володя стоял, словно охваченный столбняком, без крика, без движения.

Он видел, как, взмахивая руками, Паша пытался ухватиться за камни, за мелкий кустарник и снова катился вниз.

Но вот ему удалось ухватиться за кустик. Напрягая последние силы, он подтянул тело и ногами и руками обхватил его. Кустик гнулся и потрескивал. Тогда он, осторожно цепляясь за траву, за камни, пополз вверх. Метр за метром медленно полз он к группе огромных камней, торчащих из заросли карликовых березок. Вот он добрался до них, укрепился ногами и руками и, тяжело дыша, взглянул наверх.

Тогда Володя схватил котелок и стремглав бросился бежать.

— Куда ты?— крикнул Паша, но тот уже исчез.

Ленька и Миша, не дождавшись товарищей, начали пить чай, когда в балаган ворвался испуганный Володя. Ребята вздрогнули и вопросительно взглянули на него.

— Паша свалился вниз!— крикнул он.

— Где?

— Там, за утесом.

— Пошли скорее!— крикнул Леня и бросился к двери.

— Постой, веревку надо,— Володя начал шарить под нарами. Он знал, что на случай несчастья в балагане всегда лежала крепкая веревка. И он нашел ее. Это была длинная пеньковая веревка с петлей на конце.

Через пять минут они были на краю обрыва.

— Жив?— крикнул Леня.

— Жив!— раздалось снизу.

— Сейчас мы тебя вытащим. Ты не сильно расшибся?

— Нет, не очень.

— Лови веревку!

Укрепив веревку за камень, другой конец с петлей бросили Паше. Он поймал ее, обвязал вокруг туловища и медленно пополз вверх, подтягиваемый товарищами.

Ближе, ближе. Еще немного— и его голова уже показалась над обрывом. Он уже протянул руку, чтобы схватиться за камень, как вдруг с диким криком отпрянул в сторону.

Ребята пошатнулись, едва не выпустив веревку из рук.

— Змея!— закричал Паша.— Тащите! Тащите!

Сильным рывком ребята выдернули его на площадку.

Еще секунда, и было бы поздно.

Большая змея, шипя, взметнулась из-под камней, где только что полз Паша.

Все отскочили в сторону. А Володя, схватив камень, с силой бросил его в змею. Змея упала обратно на камни и, свившись в кольцо, скатилась вниз.

Бледный, с окровавленным лицом и руками, стоял Паша и радостно обнимал своих спасителей.

Они привели его к балагану и обмыли ключевой водой. На его счастье, он отделался только легкими ушибами и ссадинами. Переломов не было. Но уже взбираться на горы и идти по горным тропам он не мог.

Ушибленное колено болело, а левая рука плохо поднималась.

Переночевав в балагане, утром повели его вниз, на Киалимские печи.

— Там есть фельдшер, — сообщил им Володя.

К обеду ребята пришли на печи, а вечером вернулся с Нижнекиалимских печей фельдшер — седенький старичок — и сделал Паше перевязку.

Отсюда до Златоуста оставалось лишь 25 километров. Решили дальше ехать на лошадях. Наняли две попутные телеги и с песнями отправились дальше.

Проехали мимо Откликного Гребня, в семи отвесных столба которого долго бродит эхо, ударяясь о скалы и передразнивая человеческий голос.

Затем дорога поднялась на высокий перевал и, оставив в стороне Малый Таганый, спустились в долину реки Тесьма.

Здесь путешественники пообедали, искупались и поехали дальше через ельник и сочные зеленые луга по берегу реки. К вечеру они уже были в Златоусте. Не доходя до города, Володя прыгнул с телеги.

— Ты куда? — спросил его Леонид.

— Домой. Вон дорога в нашу деревню.

Ребята тепло распрощались с ним и долго смотрели, как, весело напевая, он шел по дороге. Вот уже его стало не видно, он исчез в зеленой чаще.

— Хороший парнишка, — тихо проговорил Паша. К вечеру были в Златоусте.

Два дня осматривали город и заводы, а затем уехали обратно в Челябинск.

А когда началась учеба, они на общем собрании студентов рассказали о своем путешествии на Таганай так ярко, так красочно и интересно, что организовать путешествие новой группы студентов на Таганай не составило никакого труда.

И вот, однажды, в начале зимы Володя Кирьянов получил письмо. Прочитал его и сказал отцу:

— Понравились наши горы. Летом тридцать человек приедут. Опять поведу их на Таганай.

УРАЛЬСКИЕ БЫЛИ

СТАРЫЕ

И НОВЫЕ

Игра с динамитом

1

— Только знание своего дела, точность в зарядке и хладнокровие обеспечат вам безопасность в обращении с динамитом,— кончал очередную беседу по технике начальник цеха.

Человек сорок рабочих-горняков, расположившись кучками у столов в красном уголке, старательно выводили заскорузлыми пальцами в потрепанных тетрадках расположение скважин, рисовали патроны динамита, капсюли и другие принадлежности паления.

— Я кончаю. Запомните последнее: в забое шахты палить не больше восьми шпуров, в остальных забоях не больше двенадцати.

На техучебе конец занятий всегда незаметно переходил в рассказы, а на этот раз интересная тема о взрывных работах обещала большое количество случаев из жизни старых горняков.

Рабочие зашумели, задымили папиросками, слушатели и техперсонал сгруппировались вокруг большого стола, что явно служило признаком начала рассказов.

2

— Вот вы слушали сегодня уж не первую беседу по взрывным работам. Всякие капризы динамита нам обсказали до тонкости. Скажем, как поступить, если не взорвало. Нашел осечку — кому сказать. Всякая мелочь предусмотрена,— заговорил старый горняк Андрианыч. — Теперь-то берегут вас, ребята, здорово. А ну, взорвется мерзлый патрон? Будет шуму: тут тебе и профсоюз, и ячейка, и инспектор по охране труда. А вот раньше как раз наоборот было,— и Андрианыч, замолчав, стал скручивать „козью ножку“. Он не торопясь достал кисет

с махоркой. Папиросы он не курил „за принципа“, хотя и зарабатывал до шестисот рублей в месяц.

Все приготовления старого горняка были хорошо известны, их продолжительность была в прямой зависимости от интереса будущего повествования.

На этот раз, если судить по особой медлительности всех операций с насыпанием махорки, которую он почему-то пристально рассматривал, с поиском спичек в его бесчисленных карманах, хотя открытая коробка соседа лежала перед ним, то можно было заранее предсказать, что рассказ будет интересным.

Молодежь ерзала на стульях, ожидая начала, ребята с интересом следили за Андрианычем.

Старики покашливали, дули на папироски и рассматривали свои сапоги.

Андрианыч, как опытный рассказчик подготавливал аудиторию.

Вот его „козья ножка“ или, вернее, „ножища“ задымила... Откуда-то из-под усов, как из таежных зарослей, побежал синий дымок...

Слушатели замолчали.

— Да, динамит — это, брат, штука хуже чорта для богомольной старухи,— начал Андрианыч.— За сорок три года я излазил с полсотни уральских шахт и все с этим самым динамитом. Сколько пудов я его перетаскал — больше, чем у вас на складе. Да, много делов творил динамит, особенно раньше, когда его норы еще плохо знали, людей не жалели, если запалишь много — не ругали, как сейчас. Вместо лекций да школ нас, запальщиков, раньше учили сразу, в один день, так, брат, покажут, что потом месяц руки трясутся.

Назад тому сорок три года, да еще пять годов — значит, всего сорок восемь,— мне было двенадцать. Ну, был я хоть и слабенький, любил еще в бабки играть, а работать надо начинать было, так как жили мы бедно. Отец уже

1 Шпур — пробуренная в породе скважина, в которую закладывают динамит.

изработался, получал мало, а семь ртов есть просили каждый день.

— Что больно много, Андрианыч, — семь ртов? — перебил один из рабочих.

— А вот считай, — продолжал рассказчик, — я был старший — это раз, два младших брата, да сестренка — стало четверо, мать — пятая, да сестра с девочкой-малюткой (мужа ее задавило при обвале забоя) клади тут же — сколько стало? Семь, все тут, не считая отца. Это, брат, теперь только в советское время: один в яслях, другой в школе на особой привилегии, третий в институте, а сестра Настя получала бы пенсию. А тогда, брат, другое — все доили отца.

Ну вот, как пошел мне тринадцатый год, стал часто отец со старухой про меня разговаривать: слышу, про работу. А я в шахту уже лазал. Ну, думаю, хорошо, пойду, как большой, работать — вагонетки катать, а не знал, что весит эта самая вагонетка сорок пудов.

Спрашивает меня отец:

— Как, Антошка, пойдешь в гору?

— Первейшим каталем, говорю, буду.

— Больно, говорит, ты жидкий, ну, да попытаем.

Пошел отец к десятнику, взял с собой бутылку для скорости дела и на второй день меня поставили каталем.

Испытывали меня недолго. Два дня я проработал и на третий слег, да три месяца и пролежал, как пласт — шибко надорвался.

— Эх ты, первейший каталь!.. — съязвил только отец.

К осени я отдохнул, зиму пробегал, пробегал еще лето, поокреп малость и стал проситься у отца опять на работу.

— Нет, говорит, копи силы, а то больно скоро из тебя гора дух выгонит.

Еще прошел год...

Вот зачирикали пташки, стали покрываться лужки травкой...

Как сейчас помню, играли мы за речкой в бабки, я проиграл и побежал домой подбавить свой запас костяшек. Прихожу, а отец дома лежит на кровати.

Во мне все как оборвалось — думал, изуродовало старика, но оказалось, что он захворал, не смог работать и пришел домой.

Мне стало понятно: не пойдет уж больше никогда отец ворочать серые каменные глыбы.

Подогнула отца шахта к земле так, что и не сможет он выправиться.

Болезнь отца положила конец моей беззаботной житухе. Отлежавшись, он

пошел к десятнику устраивать меня на работу. На этот раз и я пошел с ним.

— Значит, теперь большак стал, отца кормить будешь. Который тебе год? — спросил меня десятник. Ах ты, братуха! Шестнадцатый... Пойдет дело, пойдет. Только я тебя катать вагонетки не поставлю — больно ты слаб, скоро надорвешься... Я, братуха, из тебя запальщика сделаю огневого.

Отец нахмурился.

— А может, он каталем лучше? — вмешался он несмело.

— Запальщиком, а не каталем, — отрезал десятник. — Приходи завтра ко мне в пять утра.

3

За ночь я просыпался раза четыре, боясь проспать, и ровно в пять уже сидел на крыльчке десятника Якова Михайловича, покашливал, кряхтел, но зайти боялся.

Скоро застучали шпингалеты, задрожало стекло и десятник, наполовину высунувшись в нижние створки, стал смотреть в сторону шахт. Он по слуху мог знать, нормально ли шла работа.

— А-а, Антон Андрианыч пришел! Ну, заходи, братуха! — бросил он хриловатым басом, заметив меня.

Я бросился через сени, кухню и прямо к нему в „кабинет“, как он по-инженерски называл свою комнату.

— Значит, конечно дело, — начал он, — садись, я тебе расскажу, что надо знать про работу с динамитом. Смотри, не урони мои слова — плохо будет.

И начал он мне подробно и обстоятельно рассказывать, как обращаться со взрывчатым материалом, как вести отпалку, заряжать, прятаться и разные другие премудрости.

— Только твердо запомни, Антоша: никогда не надо бояться. Как струсишь, тут тебе и смерть. Если забоишься — лучше не ходи, пережди. Я, братуха, веком натерпелся всего. Понятно? Конечно, — добавил он, — вот постоишь еще под выстрелами — остальное поймешь сам.

Перед уходом десятник основательно хлебнул водки и, взяв в карман вторую бутылку, хлопнул меня по плечу, и мы пошли.

Пришли мы к шахтам уже в семь часов — работа была на полном ходу.

На устье Ивановской шахты две лошади понуро ходили у ворота, а бабы,

сядя на их широких спинах, складно выводили песню. Парень, ровесник мне, но здоровый верзила — отвозил породу из углубки¹ на отвал.

Я прошел за десятником в зарядную, и мы начали готовиться к отпалке. Заряжая боевики, он повторял мне:

— Главно дело, Антоша, не трусь. Для тебя патроны должны быть ровно лепешки.

— Сколько будем палить?— спросил я, видя, что он заряжает уже двадцатый патрон.

— Двадцать пять, сосунок!

— А ведь это не по правилу!

— Двадцать пять,— упрямо сказал он. Через час мы вышли из зарядной, он — с сумкой динамита, я — с капсюлями и боевиками. Михалыч уже не совсем твердыми шагами шел к шахте. Я осторожно трусил за ним.

Подошли к Ивановской шахте; ее тогда глубили на тридцатой сажени. Когда я заглянул в отверстие люка, то увидел глубоко внизу чуть заметные огоньки забойщиков и едва слышал удары ломов о породу.

— Положи сперва сумку и живо в бадью!— скомандовал десятник.

Я залез на рундук и потянулся к бадье. Расстояние до нее от края люка было с аршин. Жуть меня забрала, когда я взглянул вниз. Если оборвешься, так не долетишь, умрешь.

— Живо, живо!..— покрикивал на меня десятник.

Притянув за дужку бадью и цепляясь крепко руками, я залез в нее.

— Эй, бабы!.. Слушай! Никакого шума! Как дам сигнал — без песен, чтобы кругом мертво,— распорядился десятник, залезая тоже в бадью. Он передал мне сумку и шагнул через люк, чуть не оборвавшись, как мне показалось.

Воротовой открыл вторую половину ляд и бадья, качнувшись, повисла над шестидесятиметровой пропастью.

4

— Спускай!..— скомандовал десятник.— В преисподнюю поехали, Антон Андрианыч!..

Поплелись лошади по бесконечной круговой дороге, заскрипел ворот, и мы стали опускаться в шахту сперва медленно, а потом все скорей. Через минуту

¹ Углубкой горняки называют забой при проходке шахты.

я крадче поглядел вверх. Сквозь люк, маленький как отверстие гаечного ключа, виднелось небо; оно то белело, когда пробегали облачка, то делалось голубым. Канат от бадьи уходил вверх и, мне казалось, в сторону. Уже не слышно стало скрипа ворота, на смену ему доносился шум из забоя. Мелькали венцы крепи, тусклый огонек наших лампочек скользил по пуху плесени. Гул из забоя доносился все слышней и слышней; я боялся посмотреть туда.

Вот уже реже стали пробегать венцы — мы спускались медленнее. Еще пять сажен — и я вылез в забое шахты. Михалыч подал мне сумку и тоже перевалился через край бадьи.

Бурщики кончили работу. Двадцать пять скважин были заткнуты пробками. При взрыве такой комплект, как я потом испытал на собственной шкуре, устраивал сплошной ад.

Десятник обстоятельно просмотрел все скважины, прочистил их и, дав сигнал, поднялся на пять сажен выше, где только что начали вести проходку рудного двора, и забой его отошел от шахты не больше, как на десять аршин. Покопавшись наверху, десятник опять спустился к нам.

— Сперва палить будем во дворе. Приготовь, Антон, патроны, а вы айда наверх!— обратился он к забойщикам.

Я стал доставать патроны, а рабочие поднялись на поверхность.

В рудном дворе нужно было отпалить четыре врубовых шпура.

— Я сам пойду палить, а ты подожди у площадки в бадье. Как я залезу в нее, дай сигнал, и мы поднимемся... Смотри, братуха, не трусь, гляди в оба... В углубке будем зажигать вместе.

Приготовив двадцать патронов, мы поднялись в рудный двор.

Не торопясь Михалыч зарядил одну за другой скважины, достал боевики и затрамбовал глиной. Я внимательно наблюдал.

— Ну, крой в бадью!— обернулся ко мне десятник, да смотри, с перепугу не поднимись без меня!

Я побежал.

— Зажигаю!— крикнул он мне вдогонку.

Я обернулся — затравка горела в его руках. Вот он стал зажигать фитили, они загорались потрескивая и разбрасывая кругом красные искры. От забоя пошел дым, в котором Михалыч едва виднелся. Он зажег все фитили, потом

посмотрел на забой и пошел ко мне, а я сидел в бадье, едва высунув голову, ни жив ни мертв, одной рукой держась за сигнал. „Вот, думаю, сейчас как ахнет — потом и костей наших не соберешь“.

Как только десятник залез в бадью, я хотел дернуть за сигнал.

— Нет, братуха, погоди, так ты никогда не научишься, — сказал он.

— Вот скроется огонь в первую скважину, тогда и поедем.

Я следил, кажется, не дыша, за искрившимся фонтаном.

— Ходу! — крикнул Михалыч и сам одновременно дернул за сигнал. Мы стали медленно подниматься вверх. Я присел на самое дно бадьи и ждал, разинув рот, чтобы меньше оглушило.

Кругом стояла тишина...

Вдруг меня что-то рвануло, бадью качнуло к стенке шахты, лампочки сразу погасли, — это взорвалась первая скважина.

При каждом новом взрыве меня будто кто-то брал за плечи и сильно встряхивал, в ушах звенело. Я держался за Михалыча, который вслух считал. После четвертого взрыва минуты через две я очухался. Сверху уже пробивался свет, мы были близко от поверхности. Я не помню, как вылез из бадьи, соскочил с рундука и отошел в сторону.

— Антошка, шенок, иди сюда! — услышал я окрик Михалыча, — ты, видно, братуха, напугался. Давай, отдышись, да опять пойдем палить в углубку — там еще не так прохватит. Без этого не быть запальщиком.

5

Десятник ушел в зарядную готовиться к новой отпалке, а меня обступили рабочие. Я постепенно отходил. Бадам было жалко меня. Все хорошо видели, что десятник уж больно круто взялся меня обучать, да сам еще был пьяный.

Смотрим, из зарядной вышел десятник и направился к нам. Рабочие разошлись. Должно быть, он еще хлебнул, так как лицо его покраснело и округлились глаза.

Снова мы в бадье... Опять дно уходит из-под ног. Я уже не боюсь, как первый раз, только часто дрожь пробегает по телу. В забое шахты накопилась вода — мы хлюпаем по щиколотки.

Теперь я уже принимал участие в зарядке — Михалыч показывал скважины, а я бросал в них патроны.

И вот заряжены все скважины. Из шпуров торчат коричневыми змейками фитили, а под ними четырнадцать килограммов динамита. Они при взрыве отрываю тридцать тонн крепкой породы и бросают отдельные глыбы на пятнадцать сажен. Я это уже знал и теперь, после первого испытания, чувствовал себя плохо.

— Что, онемел, Антон Андрианыч? — спрашивает меня веселым тоном десятник. — Боишься? Это, братуха, ты брось. Уж если ухлопает, то враз — не успеешь и заметить. Давай зажигай вот эти две крайних.

Он зажег затравку и начал ее подносить к фитилям. Те, один за другим, заискрились, разбрасывая огоньки и отплевываясь дымом. Потом он мне сунул затравку и чуть я успел зажечь два шнура, как он у меня ее выхватил обратно и стал быстро зажигать остальные фитили.

Я залез в бадью и оттуда смотрел на Михалыча. Дым уже наполнил весь забой. Сквозь него чуть светили наши лампочки и кое-где виднелись горящие фитили. Десятник с ярко светящейся затравкой перебежал из угла в угол.

Мне казалось, что прошло много времени. Вот-вот грохнет первая скважина.

— Эй, Антоша, где ты, подлец? — крикнул десятник. — А-а, забрался в бадью... Значит, умирать не хочешь, нет, братуха, теперь нам конец пришел. Скоро начнет шерстить — только наше мясо будет перебрасывать с места на место.

Он уже кончил зажигать и не залезал в бадью, а продолжал разговаривать.

— Яков Михалыч... поехали? — крикнул я.

— Погоди, братуха, дай я еще оправлюсь... — и он стал расстегивать штаны.

Я спрятался в бадью, хотя и знал, что при взрыве от нее не останется листочка железа.

Я опять выглянул... Дым еще гуще, он волнами ходил по забою, освещенный местами красным светом горящих фитилей... Михалыч возился со штанами, поглядывая в мою сторону.

— Дяденька, миленький, поедем Христа ради! — взмолился я.

— А-а, курва, нет охоты умирать — не дал мне оправиться. Давай сигнал, — спокойно сказал он, залезая в бадью.

Мы стали подниматься, мне казалось, очень медленно.

Вот проехали рудный двор. Поднялись немного выше. Внизу еще слышался

треск горящего шнура. Михалыч дал сигнал на большую скорость и только он отпустил веревку, как под нами словно земля раскололась, бадью бросило к стенке шахты, потом подняло вверх. Камни ударили в дно с такой силой, что я почувствовал сильную боль в ноге.

Снова выстрел, а потом пошло сдвигать, страивать, нас бросало из стороны в сторону, бадья чуть не касалась стенок шахты, камни уже летели сверху. Я забрался в ноги Михалычу, а он, должно-быть, спрятал голову под дужку бадьи.

Выстрелы были до того сильны, что воздухом в бадье сильно било, а ее самое подбрасывало, как щепку. Я удивляюсь, как мы не зацепились за стенку шахты. Я до того помертвел, что и не помню, как меня подняли и вытащили из бадьи.

Когда я пришел в себя, рабочие лили мне на голову холодную воду, а Михалыч стоял с бутылкой в руке и ржал по-лошадиному, держалась одной рукой за живот — это он смеялся. Он допил бутылку, бросил ее в сторону и пошел опять в зарядную.

6

— Эх, напрасно Михалыч напился, долго ли до беды,— говорили рабочие.— Когда-нибудь это его загонит в гроб, да и тебя он, Антошка, сгубит, лучше дай-ка ты тягу, если не хочешь умереть.

Через полчаса вышел из зарядной десятник. Через плечо у него висела сумка полная динамита.

— Пойду палить на Ключевскую шахту, отпалю там — и довольно. Пойдем мы тогда с Антоном спать.

Ключевскую шахту прошли еще только на полторы сажени и подъема там не было. Запальщик после того, как зажжет, должен был вылезти по лестнице, и ее потом поднимали наверх.

Михалыч уже спустился в шахту. Мы подошли и заглянули вниз: он сидел на породе, опустив голову к коленям, сумка с динамитом лежала рядом.

Развезло десятника до того, что он уже не мог осилить себя. Он просидел так минуты две, потом вскочил на ноги и быстро стал заряжать скважины. Мы отошли от шахты.

Прошло минут пятнадцать. Вот над устьем шахты показалась узенькая полоска дыма. Изгибаясь, она поползла низом. Мы переглянулись — запальщик все не вылезал.

Дым пошел уже заметно. Теперь фитили горели, искры летели в стороны и огонь все ближе и ближе подбирался к капсюлям.

Забыв об опасности, мы побежали к шахте. В это время голова Михалыча показалась над устьем, потом он вылез по плечи и стал снимать сумку. Все это он проделывал медленно, как будто заранее решив умереть.

Сумку он положил на край устья, поднялся еще на ступеньку. Он теперь вылез почти по пояс. Еще немного — и он перешагнет через лестницу, но проклятая водка погубила старика. Первая скважина встряхнула землю. Она подняла из шахты черный столб пыли и камней. Мы увидели Михалыча державшимся за доску, которая свободно лежала у шахты, одним концом повиснув над ней. За этот-то конец и ухватился десятник. Лестницы под ним уже не было.

— Держи!..— дико заорал он.

Но доска, поднявшись свободным концом над землей, скользнула в шахту, а с ней и Михалыч полетел в каменно-огненное месиво.

Вторая и третья скважины взорвались вместе. Высоко вверх подняло камни, и когда они падали обратно, то, догоняя их, летели щепки от доски, за которую держался десятник.

— Пять... Шесть... Двенадцать... Шестнадцать...— считали мы взрывы, переглядываясь. Лица у всех побелели, а из шахты при каждом взрыве, как из пушки, вылетали столбы пыли и камней.

Я не выдержал и с ревом побежал домой, ни разу не оглянувшись на шахты.

Говорят, потом собрали окровавленных кусков мяса от десятника не больше ведра.

Вот как кончилась жизнь старого запальщика и началась моя практика. Словно на притчу, в первый же день моей работы его убило,— закончил Андрианыч свой длинный рассказ.— Вместо него потом я стал проводить отпалку, но никогда у меня во рту не было ни капельки водки, если я шел на работу. И вам я заказываю перед отпалкой никогда не брать в рот вина.

ПУТЕШЕСТВИЯ *по* книжкам и газетам

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЕ

Бой у с. Затицы

Многочетными блестящими лучами солнца на снежном покрове полей. Снег начал таять. Дороги покрылись снежной кашей. С большим трудом могли везти лошади по таким дорогам. Из-за весенней распутицы на время прекратились бои на фронте. Белые и красные полки остановились там, где их застало бездорожье.

К тому времени белые заняли всю Уральскую область и часть Вятской губернии. Они медленно, с большими потерями в своих рядах, теснили Красную армию.

Но в Красной армии никто не думал об отступлении: надо было во что бы то ни стало отнять у белых Урал и Сибирь, чтобы дать советской России чугун, железо, хлеб, чтобы освободить из колчакских тюрем десятки тысяч рабочих и крестьян. Готовилась к наступлению и третья бригада 30-й стрелковой дивизии, сформированная из рабочих и крестьян Урала.

В небольшой деревне Святогорье красноармейцы заняли все избы. Нехватало жилья для всех — еще в нескольких деревнях расположились.

Белые не показывались. Пользуясь досугом, красноармейцы скоро нашли работу: выбирали из обоза самую плохую лошадь, запрягали ее в дровни, на дровни пачками привязывали листовки и брошюры. К морде лошади привязывали торбу с овсом и, настигав кнутом, пускали по дороге.

Лошадь доходила до заставы белых и белые солдаты читали привезенные листовки, газеты. Из них они узнавали о том, за что воюют красные и белые, чего хочет Колчак; узнавали, что офицеры обманывают их, рассказывая о расстрелах красноармейцами пленных солдат.

После такой читки несколько белых застав в полном составе перешли к красным.

Поступали иногда по-другому. Прочтут белые солдаты листовки, полученные от красноармейцев, и застыдятся. Хочется перейти к красным, да боязно: офицеры за это посадят в тюрьму их жен, отцов, а помочь красным все-таки хочется. Соберут колчаковские солдаты белого хлеба, калачей, кренделей, уложат на дровни и с той же лошадей отправят красноармейцам. В калачи записку положат:

„Перешли бы, да боимся офицеров. Шлем привет, просим скорее переходить в наступление“.

Радовались красноармейцы таким посылкам и лакомись полученными калачами и кренделями.

Отдых сменялся учением. В тесных деревенских улицах и в гумениках собирались красноармейцы и учились у своих командиров. То разбирали винтовку, то стреляли в мишени, то целями бегали и шелкали затворами.

Едва стаил снег, как по грязным и топким дорогам в бригаду стало прибывать пополнение. Ротами, батальонами шли коммунисты-добровольцы, рабочие, крестьяне. Шли питерские, московские, иваново-вознесенские и нижегородские. С трудом вытаскивая из густой грязи непроезжих дорог стоян-

ные сапоги, они иногда разувались и, медленно преодолевая дрожное месиво, брели в занятые бригадой деревушки.

Всюду шныряли шпионы белых и не мало причиняли неприятностей красным войскам.

Как-то вечером из штаб бригады нельзя стало говорить по телефону со штабом полка.

Значит, испортился телефон. Исправлять надо, — решили телефонисты. Вскочили на лошадей и поехали искать повреждение.

Нашли. Соединили провода. Думали, что ветер порвал их или птицы.

Утром снова испортились телефонные провода.

Так продолжалось несколько дней. Потом догадлись, что не птицы и не ветер рвут провода, и стали высылать вдоль телефонной линии охрану из кавалеристов.

В первый же вечер поймали мальчишку лет 13—14 с ножницами. Доставили в штаб.

— Кто послал тебя портить провода? — спрашивали мальчугана в штабе.

Мальчишка долго упрямился, а потом рассказал: — Белые послали меня. На станции Верещагино для нас была устроена особая школа маленьких шпионов. Сорок мальчиков учили в этой школе. Занимался с нами полковник. Он учил нас взрывать мосты, портить провода и получать от крестьян сведения о ваших полках.

Изумились в штабе рассказанному. Мальчика отправили в штаб армии. За сохранностью же телефонных проводок стали зорко следить.

* * *

...Ночью восьмого мая карьером мчались из штаба бригады кавалеристы в красноармейские полки. Скакали на взмыленных лошадях по деревням. Сдавали командирам полков какие-то бумажки и опять неслись в штаб бригады.

Всю ночь носились вестовые с бумажками по деревням. Всю ночь звенели и плаксиво гудели телефонные аппараты в штабе бригады, в полках, в батальонах и ротах.

Надрывая грудь, кричали командиры в телефонные трубки, переспрашивали непонятое, что-то докладывали.

И каждый упоминал одно многозначительное слово:

— Наступление.

Никто не спал после получения пакетов. Всю ночь проверяли оружие и обмундирование красноармейцев; каждую винтовку оглядывали, каждый сапог и ранец просматривали.

Красноармейцы, разбуженные ротными командирами, только и слышали сквозь дрему одно слово — наступление.

На утро третья бригада должна пройти восемнадцать верст, чтобы вступить в бой с белыми на кананском тракте. Разведка красных уже знала о том, что на тракте белогвардейцы копят силы, го-

товьясь к наступлению. Красные знали, что белые дорожат хорошей дорогой — трактом, и не отдадут его без отчаянного боя.

Задолго до восхода солнца, когда с болот и влажных полей поднимался легкий туман, на деревенских улицах и близ гумеников строились красноармейцы. Они стояли длинной молчаливой шеренгой. Предутренняя весенняя свежесть бодрила и гнала сон.

Кавалеристы взметнулись уже на седла и рысью мчались вдаль, к казанскому тракту. Быстро скрылись они за серые пригорки и оголенные осенним ветром леса; за ними молча двинулась пехота. За пехотой, невдалеке, переваливаясь с боку на бок, катились пушки. За ними еле тянули тяжелую поклажу изморенные бескормицей обозные лошади. Катились туго набитые патронами, снарядами, хлебом и фуражом двуколки.

Все двигалось!

Утром, когда солнце радостным блеском залило поля, бригада подошла к казанскому тракту. Просторные, из крапчатых дерев срубленные избы раскинулись по обе стороны тракта. Это было село Затицы.

Белых в селе не было.

Двух верст не прошла пехота по тракту, как услышала вдали перестрелку разведчиков.

Выстрелы раздавались все ближе и ближе.

Отстреливаясь, красные разведчики отступали. За ними длинной и густой цепью шли белые. Подходя к красной пехоте, они залегли. Наспех рыли поперек тракта неглубокие окопы.

Трр-ах! — раздался в белых окопах дружный залп. За ним еще, еще и еще.

Залаяли на тракте пулеметы белых.

Бб-ух, Бб-ум! — гремела белая артиллерия и осыпала снарядами то место, где густыми колоннами подходили красные к тракту.

На тракте один только красноармейский полк дрался с белыми. К белым же подходили с тыла новые роты. Их было во много раз больше, чем красных.

Командир красноармейского полка Калмыков понял, что нельзя долго оставаться на тракте

— Затицы, штаб бригады! — громко кричал он в телефонную трубку.

— Слушаю, — раздалось в ответ, — говорит контрольная станция!¹

— Чтоб тебя черти забрали! — кричал раздраженно Калмыков, — не мешай говорить мне со штабом бригады!

— Товарищ командир, белые подходят ко мне — бегут. Сейчас зарубят. Прощайте, товарищ командир!..

Телефон перестал действовать. Командир полка понял, что белые стороной пробрались в тыл, зарубили телефониста контрольной станции и порвали телефонную связь со штабом бригады.

Калмыков шлепнул с досады рукой о шашку и под пулями забегал по цепи.

— К Затицам отступать!

Медленно поднимались красноармейцы и неровными рядами перебежали назад. Бежали, падали на землю, снова поднимались и опять бежали.

Белые по пятам шли за красными. Они думали, что сломили красных, что теперь их осталось только добить.

Толстый полковник, расправляя длинные рыжие усы, отдавал приказания наклонившемуся с лошади капитану.

— Сейчас же, капитан, летите со своей конницей на красных. Ни одного не оставляйте живым!

Капитан улыбнулся, приложил руку к козырьку и, ударив шпорами лошадь, вихрем помчался.

Скоро из долины выехали белые кавалеристы, притавившиеся за густым сосновым лесом. Впереди ехал капитан, блестя ярко начищенными сапогами.

Конница выехала на тракт.

Заслышав стрельбу, лошади пугливо качали мордами и пятились назад. Казалось, что они не выдержат свиста пуль, бросятся назад и увлекут за собой всадников.

Капитан махнул шашкой и крикнул:

— В атаку... карь-е-рром!!

Лошади понеслись и рассыпались по тракту. Высокие кони с их всадниками и сверкающими стальными шашками были величественны и грозны.

Калмыков, увидав кавалерию, остановил свой полк. Бойцы залегли. Выставили винтовки вперед, но не стреляли.

Когда конница приблизилась к красным бойцам, они открыли стрельбу залпами. Всадники падали с лошадей, опрокидывались раненые лошади и грузными телами давили всадников. Уцелевшие кавалеристы уже мчались обратно. Красноармейцы стреляли вслед скакавшим, устилая путь людскими и конскими трупами и лужами крови.

Красноармейцы отбили атаку, но не разбили, не победили белых.

* * *

У околицы села Затицы остановились красные. Здесь ждала их пехота третьей бригады. Она полукольцом лежала в цепи вокруг села. Красноармейцы успели вырыть небольшие окопы и ждали наступления.

Полк Калмыкова влился в общую цепь.

Белых не было видно. Комбриг говорил по телефону с командирами полков. Всем повторял одно и то же:

— Затицы не сдавать! От обороны перейти к наступлению!

Еще глубже рюют окопы красноармейцы. Бегают телефонисты по полю, расстелив длинные провода. Вереницей идут к цепям из села обозы с патронами.

Опасливо и медленно подошли белые к селу. Залегли на тракте и открыли стрельбу.

Красные отстреливались, но не отходили. Перестрелка сделалась затяжной. Казалось, что противник утомился боем и вряд ли захочет сегодня перейти в наступление.

Но вышло по-другому. К белым подошло несколько свежих полков и кольцом обложили село, намереваясь разбить бригаду, прорвать фронт и безостановочно двигаться по казанскому тракту.

Загребели орудия белых.

Снаряды резали воздух, визжали, падали в село, били людей и лошадей. Обозные лошади рвали поводы и в безудержном страхе мчались по селу, опрокидывая телеги. Крестьянские коровы, телята, овцы, взбешенные пушечным грохотом, с ревом выбегали из конюшен и пригонов и дико носились с одного конца села на другой.

От снарядов в разных концах села запылали соломенные крыши; кто-то бил в церковный колокол. Но люди поспрашивали в погреба и подвалы и не шли тушить загоравшихся изб.

В деревню сыпались новые снаряды. Разрываясь, они разносили густой, едко пахнувший дым. Это были снаряды с душмявыми газами.

¹ Контрольные телефонные станции устраиваются во время боя в промежутках между конечными станциями для того, чтобы в случае повреждения можно было его скорее обнаружить и устранить. На контрольной станции находится один только телефонист с телефонным аппаратом.

Гул снарядов, колокольный набат, рев и топот скота и детский плач — все слилось в сплошной шум.

Артиллерия красных открыла ответный огонь. Повеселели красноармейцы в цепи, громко захлопали затворами.

Калмыки вылез из окопа, поднял кверху наган, побежал и крикнул звонко:

— За мной, в атаку!

Красноармейцы выскочили из окопов, громко закричали „ура“ и, стреляя, бросились вперед.

До позднего вечера красноармейцы без устали гнали белых вдоль казанского тракта к Уралу.

Когда солнце садилось за лесом, в Затицы вели восемьсот пленных белых солдат. Обозники укладывали в телеги отобранные тысячи винтовок и одиннадцать пулеметов. Понурые тощие клячи с трудом тащили захваченные в бою две пушки.

Прохладная ночь темной пеленой окутала серые пашни и угрюмый лес. Тогда только заснули красноармейцы третьей бригады.

На другой день они пошли по следам противника, чтобы биться с ним на берегах Камы, на гладких равнинах Тобола и прикончить его навсегда у бурного, холодного Байкала.

„Красная армия на Урале.“

Революционные миньярцы

Миньяр — завод, каких не мало на Урале. Рабочий поселок — котловина, сжатая хребтами гор, с исключительно красивыми, даже для Урала, горными видами. Пруд. Река Сим каймой отделяет южную часть поселка от полотна железной дороги. Железодельный завод — старый, изношенный, работал „на мочалках“, как говорили в Миньяре. Катали сортовое железо. Катали мастерски. Навыки переходили из поколения в поколение.

С чего началось, что именно этот завод явился питомником большевиков на целую „округу“, а потом и дальше, трудно сказать, — нет историков в Миньяре.

Изодренность ли зверств и издевательств хозяев завода, низкий ли материальный уровень быта, (миньярец до революции не знал обеда — жил на чаю); самый ли процесс производства, тяжелый и опасный (минута оплошки и огненная змея калечит на всю жизнь, а опасность сближает и зовет к борьбе); счастливый ли удел Миньяра быть надежнейшей конспиративной квартирой большевистского Урала; исключительное ли, наконец, богатство и мощь окружающей природы, суровой и требовательной к человеку — надо полагать, все это вместе выделяло Миньяр резче других заводов своей сплоченностью, организованностью, товариществом и классово-выдержанной борьбой и работой миньярца на любом участке, где бы его партия и рабочий класс ни поставили.

Миньярцы имели боевую дружину, героически выполнявшую не мало задач, закалившую революционность миньярцев, давшую впоследствии не мало героев гражданской войны.

Старые боевики и боевые традиции 1905 года обеспечивали заводы оружием задолго до Октября. Миньярцы с тех времен знали цену винтовки и еще летом ездили за оружием в Питер.

Вооружение 1917 г. проходило успешно за счет запасов уфимского гарнизона. К моменту организации Красной гвардии на заводах быстро и успешно прошло формирование отрядов, хорошо вооруженных и охвативших всех рабочих.

* * *

В те дни трудно было провести грань между рабочим и красногвардейцем. Считалось нераздельным — раз рабочий, значит красногвардеец. Так потом и колчаковцы считали: раз рабочий, значит враг — пори, стреляй его.

Не приходится говорить, что миньярцы были готовы к Октябрю по-большевистски и, обеспечив охрану Октября, одни из первых по республике осуществили национализацию заводов.

На долю миньярцев начало гражданской войны положило особое испытание, как бы лишний раз проверялась стойкость рабочего этих заводов. Заводские отряды Красной гвардии в полном боевом вооружении, с большими боевыми запасами, отбивались на оба фронта — с Челябинска и Уфы, но были отрезаны кругом и остались в тылу контрреволюции.

Белогвардейцы считались с Миньяром и, предусмотрительно завоевывая Южный Урал, начали наступление на Миньяр от Златоуста и Уфы. На ст. Миньяр оба отряда чехов сошлись: миньярцы оказались в кольце.

В то время, как на оба фронта миньярцы, симцы и ашинцы старались задержать противника, в заводе шла лихорадочная работа. Родные леса и ущелья к приходу чехов скрыли все боевое снаряжение и верно, в течение тринадцати месяцев, до прихода красных, хранили его.

Белые контр-разведки знали обо всем этом, знали, что в заводах остались комиссары, сотни молодняка красногвардейцев, скрывающихся в лесах и горах (за тринадцать месяцев Миньяр не дал ни одного солдата белой армии). Знали, но что они могли сделать? Попробуй, сунься в горы.

Периодически белые брали Миньяр, как какую-либо хорошо защищенную крепость. Воинский эшелон, в дополнение к стоящему на вокзале, останавливаясь верстах в двух-трех от завода, быстро разгружался и начиналось по всем правилам военного искусства наступление на завод: делались обходы, шла разведка, расставлялись заставы, подвозили пулеметы, патроны, орудия сторожили у поездов.

Карательный отряд со страхом, но без боя „победоносно“ вступал в завод и начиналась расправа над стариками, бабами, детьми. Взрослого рабочего населения в заводе почти не оставалось.

Миньярцы были неуловимы. Приходилось быть месяцами на страже, без единой спокойной ночи, без коста, с куском хлеба, сухарем, впроголодь отсиживаться в лесу. Летом еще сносно. А осенью, зимой такую волчью жизнь могли выдержать только люди, обрешившие себя на дело, которому они служат. „Ослепну в море, простужусь на всю жизнь в холодных лесах и ущельях, но не буду работником белых, когда есть красный фронт“.

Но разве тогда об этом думали. Жили сообщениями с фронтами. Сверяли газеты со слухами, вели счет поездам эвакуируемых буржуев, жили тем, что рассказывали с утра до вечера женщины и дети.

Миньяр полон легендарных рассказов, героических эпизодов борьбы миньярцев с белыми в тылу у белых.

* * *

По мере приближения к заводам красного фронта, сначала по одиночке, потом группами по 6—10 человек потянулись миньярцы на лыжах дремучими лесами в обход белого фронта, Удалось пройти двум отрядам по 20 человек. Стали подумывать об организации большого отряда с заданиями не

только перехода, а и нанесения удара с тыла передовой линии белых.

Руководящая группа партийцев-активистов была занята большой работой по связи с Сибирью. Но из-за фронта передали мысль о рейде лыжников в тыл белых и была объявлена мобилизация миньярцев в Красную армию.

Мобилизацию провели, выделив десятских, которым было поручено вокруг себя объединить верный десяток. Работа прошла строго централизованно и конспиративно. Центр связывался только с одним товарищем, последний с десятскими, десятские со своим десятком. Десятский не знал другого десятского.

Каждого шедшего в отряд обязали иметь лыжи, 4-дневный запас пищи, оружие. Назначили день, в который красногвардейцы Миньяра и Аши (с Симом не удалось соединиться) должны были войти в лес на соединение обоих отрядов.

Несмотря на то, что оба завода были переполнены расквартированными по домам рабочих солдатами, вся предварительная работа, как и самый уход, не были замечены ни солдатами, ни населением.

В течение одного дня в лес было вывезено все необходимое. Наивные соседки радовались, когда лежебоки-красногвардейцы (большинство из них в заводе не могли работать, как дезертиры белых) рьяно взялись за возку дров, бревен из леса... Так же радовались, когда на следующее утро собравшиеся для отвращения внимания солдат-поляков, были неизвестно кем „наряжены“ на работу. — Наконец-то опять приняты на работу“. И только через несколько дней, когда одни были далеко за фронтом, другие арестованы, о них заговорили.

Они же без отдыха, сна, вираголодь, в количестве 170 человек вооруженных винтовками, наганями, бомбами, в обход дорог и лесных тропинок, по оврагам и чаще леса, на лыжах подвигались к фронтовой линии.

На третий день пути определился ряд обстоятельств, заставивший их отказаться от некоторых задач перехода, ограничившись только переходом фронта.

Самонадежная молодежь недооценивала трудностей большого перехода. У многих через два дня хлеба уже не было, а самое главное — половина отряда шла на плохих, „состряпанных“ на скорую руку, лыжах, без обшивки шкурами. Итти на таких лыжах мука — под гору они безудержны, в гору не берут, скатываются обратно, гору приходится брать без лыж, вплавь по сугробам. Снег попадает за ворот, в рукава, одежда мокрая. Остановившись передохнуть на минутку — одежда превращается в льдину. Итти изнемогали, отдохнуть — замерзнешь.

В таком-то состоянии отряд потерял в предпоследнюю ночь до прихода к красным до 10 человек замерзшими, до 20 человек обмороженными, потом подобранными и арестованными белыми казаками. Добравшаяся до красных часть отряда также имела несколько десятков товарищей с обмороженными руками, ногами.

С такими лишениями и жертвами обыкновенные, простые заводские парни добровольно шли умирать за революцию. Отец шел с сыном, брат с братом. Брат не хотел оставлять брата и, выбившись из сил, ложился на снег и замерзал рядом. Так замерз молодой Вася Шалашев, не покинувший отставшего брата Илью.

Ф. Вдовин.

Пулеметчик Евлампий Бачурин

Надо было скрыть отход Уральского и Троицкого отрядов от Белорецка. И верхнеуральцы выполняли свою задачу. Пехота группировалась то в центре, то на флангах, то с громким „ура“ бросалась на мост, делая вид, что хочет овладеть им и занять Верхнеуральск. Конница, измученная боями, время от времени появлялась на горе, спускалась к Уралу, подходила к мосту.

Количество убитых и раненых в Верхнеуральском отряде с каждым часом увеличивалось.

Но красногвардейцы знали, что эти жертвы необходимы для того, чтобы дать возможность остальным отрядам начать отступление.

Дрались до самого вечера, а ночью собирались вокруг дымящих кухонь, стоя хлебали из котелков суп, суетливо вскидывая сумки, шинели, винтовки, строились в колонны и уходили в лес, в темную даль, и там сливались в один цвет с черными соснами, бурными камнями и зеленой малиной.

Крепко обнялись высокие горы и не хотят раступиться. Со скрипом раскачивались и шумели темные сосны и ели. Душистая малина, колючий шиповник и широколистственный папоротник склонялись от ветра до самой земли.

Медленно двигался арьергард Верхнеуральского пехотного полка — шестая рота. Ноги еле-еле поднимались, одолевала дремота. Казалось, что и противник в эту пору должен был спать.

Что-то хрустнуло сзади. Боковые дозоры бежали к арьергарду, завидев белую конницу.

Пулеметчик Евлампий Бачурин, обвешанный пулеметными лентами, стащил с телеги „максима“ и начал устанавливать его на середине тракта.

Треск сучьев и лошадиный топот стихли: две сотни казаков спешились в лесу и перешли в наступление.

— Не горячиться! Не стрелять! — кричал командир, — не тратить зря патронов!

Белые перебежали с места на место, подходили все ближе к цепи.

— Отделение, прямо по белым, двенадцать! Отделение — пли!

Казаки, сознавая свое численное превосходство, перебежали от одного прикрытия к другому. Но верхнеуральцы метким огнем остановили их. Казаки решили захватить пулемет. Один их взвод повел наступление по тракту; другой пошел в тыл пулемету. Остальные казаки пошли в атаку на роту.

Бачурин зорко следил за противником. Он поворачивал пулемет в разные стороны, направляя его на врага. Пули свистели над головой Бачурина попадали в щит пулемета и со звоном отскакивали от него.

Второй пулеметчик подносил патроны Бачурину. Он падал на землю, в подол клал патроны, подерживал рубаху зубами, крался как кошка, пряча от пуль.

Вдруг он остановился, раскрыл рот, уронил из рубахи патроны, прижался к земле. Из спины брызнула струя крови...

Взвод казаков отрезал Бачурина с его пулеметом от роты. Ближко были казаки. Они стреляли в Бачурина и бросали бомбы.

Бачурин понимал, что у него только два выхода: или сдаться белым, или ждать, когда его пристрелят.

Из-за голенища достал он ручную гранату, вынул из пулемета замок, разобрал на части и разбросал в разные стороны. Сам лег на пулемет, положил сбоку гранату и на глазах противника взорвал себя вместе с пулеметом...

„Уральские партизаны“.

Ответств. редактор Н. Виноцкий. Зав. редакцией Вл. А. Попов

ПЕРВЫЙ УРАЛЬСКИЙ ТРАКТОР

18 февраля 1931 года Челябинский опытный тракторный завод выпустил первый трактор системы „кэтерпиллер“. Спустя два года, 16 мая 1933 года, Челябинским тракторным заводом имени Сталина выпущен первый „сталинец“.

Эти исторические даты открывают новую полосу в истории Челябинска, они делают его мощным индустриальным центром, организатором крупного социального земледелия на огромной и сравнительно густо населенной территории.

Два знаменательных события!

Но здесь не мешает напомнить об одном небольшом событии, совершившемся в пределах Челябинской области за десять лет до открытия Челябинского тракторного завода.

Это событие не сделало переворота в области сельского хозяйства, но все же имеет исключительный интерес, как дерзновенная попытка механизировать, облегчить земледельческий труд.

На одной из ближайших к Нижней Санарке заимок (Троицкий район) жил крестьянин Титаренко, на ряду с земледелием занимавшийся кузнечно-слесарным мастерством. Мастерская Титаренко не отличалась от слесарно-кузнечных мастерских обычного деревенского типа.

Помощником у Титаренко был молодой парень 19 лет.

Зимой 1921—1922 года Титаренко осуществил свою заветную мечту — сделал трактор.

Весной 1922 года Титаренко собственным трактором вспахал свой огород. Трактор двигался со скоростью $2\frac{1}{2}$ километров в час. Весть об этом дошла до уездного города Троицка. Трактором заинтересовался уездный исполком. 10-го июля того же года уездным экономическим совещанием была послана специальная комиссия для обследования трактора.

Что же представлял собой этот самодельный трактор Титаренко?

В момент приезда комиссии трактор стоял возле мастерской под открытым небом. Он представлялся глазам членов комиссии в следующем виде:

Четыреугольная рама из брусьев довольно основательной толщины была связана на манер шасси грузского автомобиля. На левой стороне рамы, ближе

к передним колесам, был установлен и привинчен вертикальный нефтяной шестисильный двигатель двухтактного типа, какой обычно употребляется в небольших мастерских. С правой стороны, вне рамы, находилась кадка для охлаждающей двигатель воды. На небольшой крышке, установленной на четырех железных подставках, помещался маленький нефтяной бак для подачи горючего материала в цилиндр.

Ось, двигаясь, несла на себе с внешней стороны маховик, а с внутренней — шкив. От этого шкива сыромятный ремень передавал движение на двойной, с холостым и рабочим ходом, деревянный шкив второй оси, передающей движение посредством шестерни на зубчатое колесо. От второй оси шла передача цепью на зубчатку заднего колеса, на котором сосредоточивалась вся опора и лежала вся тяжесть работы. Левое колесо ходило без закрепления и играло роль ведущего. Передние колеса на независимых осях соединялись между собой на манер параллелограмма и управлялись рулем автомобильного типа. Руль вместе с приспособленным от жнейки седлом помещался на заднем конце рамы.

Вот коротенькое описание трактора доморощенного уральского „форда“.

Пробную пахоту в присутствии комиссии Титаренко производил пятилемешным плугом-буккером. Трактору с шестисильным двигателем, кроме своей пятидесятипудовой тяжести, приходилось тащить плуг, в который обыкновенно впрягается не меньше шести лошадей. Понятно, что такая тяжесть ему была не под силу.

Примитивная конструкция и неточные механические расчеты вызвали много трения и сопротивления.

Несмотря на свое примитивное устройство, трактор Титаренко, несомненно, был первым трактором, сделанным на территории Урала.

Какое назначение получил этот трактор в дальнейшем — неизвестно. Но если трактор сохранился, то он должен найти свое место среди экспонатов промышленного краевого музея. Разыскать его или узнать дальнейшую историю титаренковского трактора входит в задачу местных краеведов.

М. Кашеваров.

Карта гражданской войны на Урале

(К 16-ти летию освобождения Урала от Колчака)

На карте изображено движение красных армий и последовательность занятия ими различных населенных пунктов Урала.